

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

4 (08) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчужев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакассский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Окурокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://voprnalit.elpub.ru>

ISSUES OF NATIONAL LITERATURE

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

4 (08) 2022

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing editor

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagasheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovsky str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://voprnalit.elpub.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Абдуллина Л. Х.</i> Земельный вопрос в просветительской поэзии Сафуана Якшигулова.....	5
<i>Башарина З. К., Башарин К. Г.</i> Роль и значение А. Е. Кулаковского в развитии трезвеннического движения в Республике Саха (Якутия).....	13
<i>Бөкөн Г. С.</i> Тематико-идейное сходство казахских и польских сатирических произведений.....	24
<i>Иванова О. И., Павлова С. П.</i> Человек в урбанистическом пространстве (на материале сборников рассказов А. А. Амбросьева-Сизн Мунду и романа Б. А. Ханова «Развлечения для птиц с подрезанными крыльями»).....	37
<i>Канарина В. П.</i> Слово о научной деятельности С. С. Суразакова и С. М. Каташева.....	49
<i>Попова М. П.</i> Отражение архетипов в якутской женской лирике.....	56

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Илларионов В. В., Илларионова Т. В.</i> Опыт издания серии «Эпические памятники народов мира».....	65
<i>Текенова У. Н., Иванова С. В.</i> Генетически и типологически родственные сюжеты о шаманах в национальных литературах (на примере произведений алтайских и якутских писателей).....	71

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>Egorova S. I., Noeva V. V.</i> The poetics of titles in Nikolay Mordinov's novel «Springtime» in the comparative aspect of two editions.....	88
---	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Илларионов В. В., Илларионова Т. В.</i> Новая форма популяризации якутского эпоса среди молодежи...	96
--	----

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Abdullina L. Kh.</i> The land issue in the educational poetry of Safuan Yakshigulov.....	5
<i>Basharina Z. K., Basharin K. G.</i> The contribution of Alexei Kulakovsky to the development of the temperance movement in the Republic of Sakha (Yakutia).....	13
<i>Boken G. S.</i> Thematic and ideological similarities of Kazakh and Polish satirical works.....	24
<i>Ivanova O. I., Pavlova S. P.</i> Man in urban space: The case of collected short stories by A. Ambrosiev-Sien Mundu and novel "Entertainment for Birds with Clipped Wings" by B. Khanov).....	37
<i>Kanarina V. P.</i> A word about the research activities of S. S. Surazakov and S. M. Katashev.....	49
<i>Popova M. P.</i> Reflection on archetypes in Yakut women's lyrics.....	56

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

<i>Illarionov V. V., Illarionova T. V.</i> The experience of publishing the series "Epic monuments of the peoples of the world".....	65
<i>Tekenova U. N., Ivanova S. V.</i> Genetically and typologically related stories about shamans in ethnic literatures: the case of works by Altai and Yakut writers.....	71

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

<i>Егорова С. И., Ноева В. В.</i> Поэтика заглавий в романе Н. Е. Мординова «Весенняя пора» в сравнительном аспекте двух редакций (статья на английском языке).....	88
---	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Illarionov V. V., Illarionova T. V.</i> A new form of popularization of the Yakut epic among young people.....	96
---	----

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 82.091

DOI 10.25587/litteraefsvfu.2022.23.61.001

Л. Х. Абдуллина

Земельный вопрос в просветительской поэзии Сафуана Якшигулова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН; г. Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению просветительской поэзии, осмыслению земельного вопроса в творчестве С. С. Якшигулова начала XX в. Описываются истоки башкирской просветительской литературы, влияние демократических идей конца XIX в., в частности творчества М. Акмуллы (М. К. Камалетдинов) на башкирскую поэзию. Отдельно рассматривается просветительская деятельность поэта С. С. Якшигулова, становление его творческой деятельности и отношение к вопросу расхищения башкирских земель. Говорится о гражданской, политической позиции, мироощущении посредством анализа произведений выдающегося поэта. Кроме того, уделяется внимание общению поэта с другими башкирскими просветителями, самостоятельному изучению светских наук, иностранных языков и др. Делается вывод о том, что поэты-просветители стояли на истоках образовательных реформ.

В работе дается анализ стихотворений С. С. Якшигулова и описывается то, как встретил он революцию, перемены начала XX в. В статье также анализируются мысли, выступления поэта. Приводятся примеры новых поэтических образов, с помощью которых он раскрывал не только дух времени, но и свой духовный мир – это была новая просветительская поэзия. В материале также упоминаются авторы того времени, как М. Акмулла, М. Гафури, Ш. Бабич, Я. Юмаев.

Ключевые слова: башкирская поэзия, земельный вопрос, общественные проблемы, просветительское движение.

L. Kh. Abdullina

The land issue in the educational poetry of Safuan Yakshigulov

Institute of History, Language and Literature, UFRC RAS; Ufa, Russia

Abstract. The article focuses on the study of educational poetry, understanding of the land issue in the works of Safuan Yakshigulov of the early twentieth century. The article describes the origins of Bashkir educational literature, the influence of democratic ideas of the late 19th century, in particular

АБДУЛЛИНА Лариса Хашимовна – аспирант Института истории, языка и литературы Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

E-mail: aksarlak@yandex.ru

ABDULLINA Larisa Khashimovna – postgraduate student, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

the work of M. Akmulla (M. K. Kamaletdinov) on Bashkir poetry. The educational activity of the poet Yakshigulov, the formation of his creative activity and attitude to the issue of plundering Bashkir lands are considered separately. It is said about the civil, political position, attitude through the analysis of the works of an outstanding poet. In addition, attention is paid to the poet's communication with other Bashkir educators, independent study of secular sciences, foreign languages, etc. It is concluded that the enlightenment poets stood at the origins of educational reforms.

The paper analyzes the Yakshigulov's poems and describes how he met the revolution, the changes of the early twentieth century. The article also analyzes the thoughts and speeches of the poet. Examples of new poetic images are given, with the help of which he revealed not only the spirit of the times, but also his spiritual world: it was a new enlightenment poetry. The material also mentions authors of that time, such as M. Akmulla, M. Gafuri, Sh. Babich, Ya. Yumaev.

Keywords: Bashkir poetry, land issue, social problems, educational movement

Введение

В годы бурных исторических событий начала XX в. на территории исторического Башкортостана развивалось башкирское просветительское движение. Еще в конце XIX в. в башкирской литературе поднимались темы просвещения и земельная проблема. Не только башкирские писатели, но и те авторы, которые так или иначе посетили этот край, в своих произведениях также описывали ситуацию простого народа, сталкивавшегося с проблемой земли. В заглавном слове к книге Ф. Д. Нефедова «В горах и степях Башкирии» краевед, литературовед М. Г. Рахимкулов пишет: «Историю колонизации Башкирии автор делит на два периода: московский – до XVIII в., и петербургский – с начала XVIII столетия. И если в первом периоде одновременно с усмирением восстаний башкир, возникших вследствие злоупотреблений тогдашней русской администрации, правительство строго воспрещало местным властям “притеснять башкир” и рекомендовало “держатъ ласку и привет” и “государевою милостью обнадеживать”, то во втором периоде, петербургском, когда невежественных воевод и подьячих сменили разные обер-комиссары, командиры и губернаторы, “люди уже с известным образованием”, – как иронически замечает Нефедов, – не осталось ни “ласки”, ни “обнадеживаний”» [13, с. 334].

Основная часть

Среди простого населения мало кто знал русский язык, вследствие чего вотчинники башкиры даже не знали, что продавали свои земли. Но царская политика санкционирования свободного изъятия башкирских земель привело к тому, что башкиры с каждым годом лишались своих земель. Все восстания, которые прошли по краю в XVI–XVIII вв., были организованы на почве ограбления башкирских земель. «Главной причиной масштабного развития национально-освободительного движения башкирского народа является существование испокон веков вотчинное право на земли и то, что башкирский народ к земле испытывал самые святыя чувства» [13, с. 336]. В начале XX в. вот как описывает положение башкирского народа в своем стихотворении поэт С. С. Якшигулов:

Взгляни ты на башкирский народ! Печальные у них дела!
Народ, который когда-то шел впереди, отстал.
Не знают башкир, татар никаких дел,
Поэтому земли свои распродали они дешево.
Места, где они все вместе пили кумыс,
Сейчас для немцев стали паровыми мельницами... [16, с. 89].

Он провозглашает идею самостоятельного развития национальной культуры, остро критикует тех, кто мешает общественному прогрессу.

Тема грабежа башкирских земель в разных жанрах башкирской литературы отражалась с начала XX в. На такие темы также писались и статьи.

Драма Бахтияра сына Бахтигарея «Продажа земли» раскрывает земельную проблему, тем более произведение основано на фактах, это отразилось на публицистическом тоне произведения, что придает ему большую убедительность. «Автор реалистически показал грабеж башкирской бедноты русскими боярами, местными богатыми и их подхалимами» [14, с. 418].

Ф. Сулейманов также в начале века в рассказе «Тимербай-кураист» поднимает земельный вопрос. Тимербай – молодой бедный парень, который нанялся пастухом богатому человеку. Таких Тимербаев было множество в башкирском крае, кто плачевно заканчивал свою судьбу. Печальная история произошла с парнем – сам умер, *курай* его выкинули свиньям, вдобавок еще и его могилу откопали. «Читатель понимает намек автора: если колонизация края будет продолжаться и дальше, то всех башкир ждет такая же судьба» [14, с. 458].

Тема просветительства поднималась и в драматургии. В 1912 г. была написана пьеса известного поэта, драматурга Ф. К. Туйкина «Жертвы общества». В ней автор повествует о молодежи, которая столкнулась с новыми ситуациями в жизни, угнетениями, и не смогла перебороть себя и шагнула в неизвестность. Анализируя данное произведение, ученый Р. М. Алламуратова пишет: «Главный герой произведения Хасан призывает свою нацию к борьбе с безграмотностью, безрассудством, он стремится уничтожить самоугнетение, дикие правила, психологию рабства» [2, с. 136]. Кстати, предок Фазыла Туйкина – Туйка был предводителем одного из башкирских восстаний, после подавления которого перебрался на запад. У поэта С. С. Якшигулова предки также были видными людьми своего времени, которые боролись с национально-колониальной политикой царизма.

Современник Якшигулова Х. А. Габитов писал не только стихи, но и публицистические статьи на злободневные темы. Как пишет ученый А. М. Кутляхметов: «Х. Габитов занимался обучением детей в Среднем Урале городе Верхотур, потом в Иркутске. Как раз в эти годы он начинает писать. В журналах “Мугаллим”, “Шура” были опубликованы его статьи, которые отражали тяжелую жизнь народа» [9, с. 7]. Его стихотворение «Молодым силам» созвучно с призывами С. С. Якшигулова:

Наложи святую дорогу, наложи светлый путь!..
Давай, двигайся, молодая сила!
От молодого сердца пусть расплескаются
Полезные дела ради народа [16, с. 181].

Острую ситуацию рисуют и русскоязычные авторы. В своих произведениях Ф. Д. Нефедов показывает вопиющую несправедливость царского правительства к башкирскому народу. Если поэт С. С. Якшигулов в своих стихах изображает первозданную красоту края, то он в прозе также показывает все богатство башкирского края: «Знаете ли Вы страну дивных красот природы, неисчерпаемых богатств золота и серебра, драгоценных камней и всяких сокровищ – страну заливных лугов и восхитительных долин, покрытых дикими розами и всякими цветами и ягодами – страну, где тысячи прекрасных рек и речек, в которых ловят превосходнейшую стерлядь и форель и отдают чуть ли не даром и где через пятьдесят лет не останется ни одного деревца, которое уцелело бы от всеуничтожающей руки хищников эксплуататоров народного богатства? Страна эта – Башкирия...» [13, с. 108]. Как видим, автор не только рисует красоту природы, но и выражает свое отношение ко всему происходящему. Народ жил в страшных условиях, мало кто мог себе позволить изобилие в еде, одежде, уж тем более получение

образования. «Приздумались башкиры, – завершает свою легенду Ф. Д. Нефедов. – “Славное время было... грустно заговорили они погода. Если бы и теперь... да нет, богатыри перевелись. И новый Галлей на землю не явится?..” С такими словами башкиры стали расходиться по своим бедным жималейкам и дощатым балаганам» [13, с. 202].

Капиталистическим отношениям, изменениям в обществе Ф. Д. Нефедов ставит в противовес девственную красоту башкирской земли. Он, изучая народные легенды, сказания, духовный и материальный мир башкир, с некой глубокой любовью и сожалением рассказывает о жителях края.

Такие же плачевные картины в своих произведениях рисует и Г. И. Успенский, который в своих записях приводил документальные сведения из башкирского края. Общеизвестная фраза Успенского: «Пропадет башкир, пропадет! Беспременно пропадет тот самый башкир!» взята из его произведения «От Оренбурга до Уфы» [17, с. 112]. «Вот одна из тех особенностей, характеризующих современное положение Оренбургского края, о которой, прежде всего другого, всесловная молва встречающих людей всякого звания, как говорится, “прожужжит уши” всякому, незнакомому с этим любопытнейшим краем, раз этот пришелец пожелает что-нибудь разузнать о нем. Гибель башкира, начатая хищником побольше сотни лет тому назад и уже на нашем веку выразившаяся в самых бесстыдных размерах и приемах, не требует подробного изложения, во-первых, потому, что оно не исчерпано даже и в двух томах профессионального труда Н. В. Ремезова; а во-вторых, потому, что у всякого впечатлительного русского человека позорное дело расхищения башкирских земель оставило столь неизгладимое впечатление, что никогда не забудется и без напоминания об этом позоре» [17, с. 253]. В этом документальном произведении автор дает картину, которую он видит собственными глазами. Его волновала судьба переселенцев, но когда он поехал писать о них, осветить проблемы, то обнаружил плачевную ситуацию башкирского народа. «От Оренбурга до Уфы» это то произведение, где фактами подтверждается ограбление башкирских земель. Побывав в Уфимских и Оренбургских губерниях, он написал и опубликовал данное произведение, за что власти Уфы хотели его привлечь к уголовному ответу.

Тема хищения башкирских земель также хорошо раскрыта в произведении видного башкирского теолога, историографа Мурата Рамзи «Тальфик аль-ахбар...» (“Нанизывание вестей...”) [15, с. 221]. Он конкретными фактами описывает события, которые привели башкирский народ к такому плачевному состоянию. «Были их (башкир) территории очень обширные и с разными растениями, очень хорошие, и в них были леса, состоящие из разных видов деревьев, что невозможно было сосчитать. А также было там множество рек – больших и мелких. Но они не смогли дорожить этими землями должным образом. Однако потеряли ее, словно мелкие утраты: они распродали ее, особенно леса и ценные породы деревьев русской знати, называемой алпаутами, боярам, и другим богачам по ничтожной цене. И слово – распродали здесь употребляется только формально – на самом деле не было никакой продажи – все отдавали бесплатно. И не осталось в их распоряжении ничего, кроме малой части. И ею также не пользуются и не извлекают пользу должным образом. Она (земля) пропадает без дела, а леса уничтожаются в ходе заготовки дров и сжигаются, а также продаются за ничтожную цену» [15, с. 222]. Эта книга внесла огромный вклад в историческую мысль башкирского народа. Обоснованные документальные рассуждения М. Рамзи воссоздают исторические события и описывают начало просветительской деятельности в Башкортостане.

Произведение М. Рамзи «Тальфик аль-ахбар...» хотя и изучено, но не можем сказать, что дошла до многочисленного башкирского читателя. Как и произведения башкирских поэтов-просветителей, его необходимо изучать не только студентам-историкам, но и ученикам общеобразовательных школ, т. к. факты данных статей расширяют круг мыслей, обогащают историографическими аргументами мировоззрение учащихся. Автор с древних времен до XIX в. дает картину башкирского мира. Анализируя данное произведение И. Насыров пишет: «...при анализе масштабов колонизации башкирского

края, способов подавления царскими властями грандиозных башкирских восстаний и путей расхищения колонизаторами башкирских земель М. Рамзи оперирует статистическими данными, выясняет роль экономического фактора в политике русского правительства, разъясняет отрицательные последствия перевода башкир в военно-казачье сословие. Произведение М. Рамзи составлено на основе большого количества исторических материалов. Но самое главное, шейх М. Рамзи аргументированно критикует неверные подходы русских историков к освещению истории российских тюрок и ислама на территории Российской империи» [12, с. 149]. Книга М. Рамзи – это ценный материал, откуда можно черпать интереснейшие сведения для понимания исторических, политических, религиозных и культурных процессов как на территории российского государства, так и в регионе Урало-Поволжья конца XIX – начала XX вв.

Поднимая земельные проблемы в разных жанрах, просветители создавали новую картину, национально-историческую литературу своего времени. Без описания социально-исторических, нравственно-культурных событий невозможно было бы привлечь внимание читателя, современника. Когда поэт С. С. Якшигулов учился в медресе, в историческом Башкортостане того времени широко развернулось просветительское движение. Первое образование он получил в медресе родной деревни Ильчигулово. Потом отец его отправил дальше учиться в медресе города Давлеканово. Тогда этот город также являлся центром просвещения Демских башкир. Обучение в медресе не совсем удовлетворяло духовные и просветительские потребности молодого поэта. С. С. Якшигулов на эту тему пишет и стихи. Например, в стихотворении «Письмо башкирским мужам» автор открыто заявляет о том, что башкирам пора просыпаться и взяться за дело, за образование в области правоведения, экономики.

В конце XIX – начале XX вв. многие видные деятели истории, культуры и литературы свое первое образование получали в медресе, и сами начинали нести современникам свет новыми идеями, просветительской мыслью. «Если духовная жизнь башкирской общественности до конца XIX в. была организована вокруг медресе, мектебев, то с конца XIX – начала XX в. продолжатели идей просветительства М. Акмуллы и М. Уметбаева – Р. Фахретдинов, Ш. Бабич, С. Рахматуллин, С. Якшигулов, Я. Юмаев, создавая уникальную атмосферу, способствовали образованию уникального башкирского общественного мировоззрения и общего национального духовного организма» [9, с. 39]. Если до этого времени сзэсны, поэты были в единственном экземпляре для своего века, то с конца XIX в. ситуация во всем мире изменилась. Появилась плеяда авторов, которая смогла переломить ход событий, изменить жизнь и мировоззрение народа. «В годы бурных исторических событий к манифестационно-публицистической или гражданской лирике обращались почти все поэты. Башкирские поэты, особенно М. Гафури, Ш. Бабич, Д. Юлтый, С. Якшигулов активно искали такие формы, которые были бы легкодоступными для профессионального чтения (или напевного исполнения) вслух. Одним из таких жанровых форм были хитап (стихотворное обращение) и мактуб (стихотворное послание)» [7, с. 80].

Если многие авторы до этого времени считали, что жалкая участь башкир несправима и во многом народ сам виновен своей безграмотностью, то с призывами М. Акмуллы проснулся не только башкирский народ, но и другие тюркские народы. М. Акмулла смог идеи просветительства сеять и в души поэтов-современников, и в сердца будущего поколения. «Несомненно, XIX в., когда судьба нации висела на волоске, повлияла и на литературный процесс. Лишь благодаря творческому и гражданскому героизму Г. Сокроя, М. Акмуллы, Р. Фахретдинова, М. Уметбаева башкирская литература не затерялась в метелях времени, пусть со стоном, рука об руку с просветительством шла к будущим рассветам. В начале XX в., как солнце, засеяло творчество М. Гафури, Ш. Бабича, С. Якшигулова, и наша литература начала дышать свободно, глубоко, с надеждой и верой в будущее» – пишет кандидат наук Р. З. Хажиев [18, с. 154].

Исследователь творчества М. Акмуллы А. Х. Вильданов в заглавном слове книги поэта, которая вышла в Турции, выделяя особенность поэзии просветителя верно отметил: «Акмулла, призывая народ к знаниям, свету, благодатной жизни, писал хитапы. Произведение «Башкиры мои, учись, учись!» – это одно из самых ярких образцов» [1, с. 16]. Это и есть призыв к знаниям, к просветительству. Современный мир творчества М. Акмуллы изучают сейчас не только по печатным, но и по электронным книгам. А также по его поэзии изучают не только мировоззрение башкирского народа, но и тот временной отрезок века, который в историю России вошел как начало просветительского движения в народных массах. Французский политолог Александр Беннигсен часто упоминает имя Мифтахетдина Акмуллы при исследовании проблем тюркского мира. «В США этими вопросами активно занимаются Хамид Алгар, Хафиз Малик, С. Зенковски, К. Саутуорд, Г. Хейл, Ч. Стейнвелд, Ш. Фицпатрик, в Японии — Т. Уяма, Н. Кацунори и др. В числе научно-исследовательских центров, проявляющих большую активность в этом направлении, можно выделить Парижский национальный институт восточных языков и цивилизаций, Орегонский, Иллинойский, Калифорнийский и Индианский университеты США, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Саппоро, Япония), Гарвардский институт по укреплению демократии. Указанные выше авторы проявляют исключительную осведомленность в фактах и деталях общедемократического движения в регионе, начиная с времен Курсави и кончая современными процессами. Естественно, они всему дают собственную трактовку согласно своим давнишним традициям, симпатиям, подчиненным государственным и политическим интересам», – пишет исследователь З. Ш. Зиннатуллин [5, с. 29].

Разные жанры поэтического слова использовали просветители в своих публицистических высказываниях. Особенно широко использовали обращение к отдельным лицам, группе людей или же в целом народу. «Если в свое время жанру мактуб М. Акмулла дал социальное и сатирическое звучание, то в XX в. Ш. Бабич, С. Якшигулов. Г. Худояров, особенно М. Гафури, – социально-публицистический окрас» [7, с. 12].

Шейх Зайнулла Расулев также был не только мусульманским теологом и философом, но и просветителем своего времени. О его духовной и учительской деятельности написано множество статей, где подчеркивается, что обучение в медресе «Расулия» велось по исламским наукам, также давали знания по истории, математике, географии, родному языку, природоведению, рисованию и музыке. Как пишет академик Г. Б. Хусаинов: «В книге “Троицк ғәләмәсе вә ысул жәдидә” (“Троицкое учение или джадидизм”) сам З. Расулев, его сподвижники выступали за поддержку нового образования, реформу в мектебах-медресе и ученые того времени поддерживая его идеи, высказали свое мнение в обращениях» [19, с. 129]. Конечно, были противники новых реформ в просвещении, но З. Расулев и его мюриды несмотря на угрозы, продолжали свое дело, так как несколько не сомневались в верности выбранного пути.

В начале века много было авторов, которые в своем творчестве поднимали просветительскую тему и земельные вопросы. Например, жил такой малоизвестный поэт в Оренбургском крае Мухаммет Насиров. Его творчество созвучно с поэзией С. С. Якшигулова. Если книга последнего «Положение башкир» вышла в 1911 г. в Стерлитамаке, то книга под таким же названием с поэтическими рассказами о башкирах вышла в Оренбурге в 1917 г. В баите, опубликованном в журнале «Ватандаш», есть такие строки, которые также созвучны с творчеством С. С. Якшигулова. М. А. Насиров в печальном стихотворении поднимает земельный вопрос:

Съели земли сирот, младенцев,
На семьдесят два года сделали земли бумагой,
Почесали свои спины,
В итоге стали бедными... [11, с. 73].
Время диктовало такие сострадательные стихи.

Просветительская поэзия начала XX в. в определенной степени изучена литературоведами. Такие видные ученые, как Г. Б. Хусаинов, Р. З. Шакуров, Р. Т. Бикбаев, Г. С. Кунафин, М. Х. Надергулов, А. Х. Вильданов посвятили монографии деятелям башкирского просвещения [19; 20; 3; 7; 10; 4]. Многогранностью отличаются научные труды Г. С. Кунафина, который издал множество книг, посвященных деятельности башкирских просветителей, жанрам башкирского просвещения. Нельзя не согласиться с мнением ученого М. Х. Надергулова, где он дает высокую оценку литературоведческой деятельности доктора наук Г. С. Кунафина, который сделал анализ башкирской просветительской поэзии конца XIX - начала XX вв. в целом. А сборник «Просветители-демократы XIX века», вышедший в Москве издательстве “Наука”, вызвал огромный интерес среди научного мира (соавтор А. Х. Вильданов, 1981 г.). Как отмечает М. Х. Надергулов: «В книге рост искусства слова проанализирован в контексте общественной жизни, творчества выдающегося М. Акмуллы, М. Уметбаева, деятельности просветителей-демократов С. Кукляшева, М. Иванова и М. Биксурина» [10, с. 146].

Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. башкирская просветительская поэзия в лице таких авторов как М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов, С. Якшигулов выражала интересы народа. В разных жанрах литературы создавалось множество произведений, которые раскрывали картину действительности, исторические ситуации как основу и причины призыва народа к просвещению. Просветители были рупорами своего времени. А также в записях русских авторов описываются житейские ситуации из башкирского быта. Такие писатели как Г. И. Успенский, Ф. Д. Нефедов в документальных произведениях давали полную картину того времени, где остро критиковали хищение башкирских земель, с жалостью смотрели на то, в каком угнетенном состоянии живет башкирский народ.

С. С. Якшигулов поднял идеи просветительства, тему хищения башкирских земель поднял не только как проблему образования, но и как внедрение социально значимого проекта. С. С. Якшигулов – выходец из башкирского аула, но природный ум, страстное желание быть полезным народу способствовали тому, что он в начале бурного XX в. стал выразителем общественных интересов, двигателем прогресса нации. Он поднял идею самостоятельного развития национальной культуры, остро критиковал тех, кто мешает общественному прогрессу.

Л и т е р а т у р а

1. Акмулла М. Башкиры мои, учитесь, учитесь. – Анкара, 2007. – 334 с.
2. Алламуратова Р. М. Историко-героическая тема в башкирской драматургии в начале XX века // Агидель. – Уфа, 2005, №7. – С. 133-137.
3. Бикбаев Р. Т. III. Бабич. Жизнь и творчество. – Уфа, 1981. – 319 с.
4. Вильданов А. Х. Акмулла — певец света и разума. – Уфа, 1981. – 166 с.
5. Зиннатуллин З. III. Творческое наследие Акмуллы и духовно-нравственное воспитание в современных условиях // Ватандаш. – Уфа, 2007, №1. – С. 27-30.
6. Кунафин Г. С. Поэзия гражданственности // Бельские просторы. – Уфа, 2005, №8. – С. 79-86.
7. Кунафин Г. С. Творчество, прошедшее испытание времени // Агидель. – Уфа, 2005, №8. – С. 8-16.
8. Кутляхметов А. М. Февральская революция и башкирское литературное движение // Агидель. – Уфа, 2007, № 4. – С. 151-153.
9. Кутляхметов А. М. Отражение евразийской концепции в литературном движении начала XX века // Агидель. – Уфа, 2010, №6. – С. 173-177.
10. Надергулов М. Х. Пример интеллекта и трудолюбия // Агидель. – Уфа, 1996, №11. – С. 145-148.
11. Насиров М. А. Башкорттар хәле // Ватандаш. – Уфа, 1999, №2. – С. 73-75.
12. Насыров И. Р. Историк Мурат Рамзи // Ватандаш. – Уфа, 1999, №4. – С. 146-151.
13. Нефедов Ф. Д. В горах и степях Башкирии. – Уфа, 1988. – 336 с.

14. Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа, 1959. – 539 с.
15. Рамзи М. М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук аттатар (Нанизывание вестей и оживление преданий о событиях, произошедших в Казани и Булгаре, а также о татарских царях): в 2-х томах. – Ливан, Бейрут: Дар алКутуб, 2002. – Т. 1. – 732 с.; Т. 2. – 528 с.
16. С. Якшигулов. Положение башкир. – Уфа, 2017. – 72 с.
17. Успенский Г. И. Башкирия в русской литературе. От Оренбурга до Уфы. 2 том. – Уфа, 1991. – 432 с.
18. Хажиев Р. З. Нет, не исчез башкир // Агидель. – Уфа, 1997, №8. – С. 152-154.
19. Хусаинов Г. Б. Литература и наука. – Уфа, 1998. – 613 с.
20. Шакуров Р. З. Звезда поэзии: Монография. – Уфа, 1981. – 144 с.

References

1. Akmulla M. Bashkiry moi, uchites', uchites'. – Ankara, 2007. – 334 s.
2. Allamuratova R. M. Istoriko-geroicheskaya tema v bashkirskoj dramaturgii v nachale XX veka // Agidel'. – Ufa, 2005, №7. – S. 133-137.
3. Bikbaev R. T. Sh. Babich. Zhizn' i tvorchestvo. – Ufa, 1981. – 319 s.
4. Vil'danov A. H. Akmulla — pevec sveta i razuma. – Ufa, 1981. – 166 s.
5. Zinnatullin Z. Sh. Tvorcheskoe nasledie Akmully i duhovno-nravstvennoe vospitanie v sovremennyh usloviyah // Vatandash. – Ufa, 2007, №1. – S. 27-30.
6. Kunafin G. S. Poeziya grazhdanstvennosti // Bel'skie prostory. – Ufa, 2005, №8. – S. 79-86.
7. Kunafin G. S. Tvorchestvo, proshedshee ispytanie vremeni // Agidel'. – Ufa, 2005, №8. – S. 8-16.
8. Kutlyahmetov A. M. Fevral'skaya revolyuciya i bashkirskoe literaturnoe dvizhenie // Agidel'. – Ufa, 2007, № 4. – S. 151-153.
9. Kutlyahmetov A. M. Otrazhenie evrazijskoj koncepcii v literaturnom dvizhenii nachala XX veka // Agidel'. – Ufa, 2010, №6. – S. 173-177.
10. Nadergulov M. Kh. Primer intellekta i trudolyubiya // Agidel'. – Ufa, 1996, №11. – S. 145-148.
11. Nasirov M. A. Bashkorttar h le // Vatandash. – Ufa, 1999, №2. – S. 73-75.
12. Nasyrov I. R. Istorik Murat Ramzi // Vatandash. – Ufa, 1999, №4. – S. 146-151.
13. Nefedov F. D. V gorah i stepyah Bashkirii. – Ufa, 1988. – 336 s.
14. Ocherki po istorii Bashkirskoj ASSR. – Ufa, 1959. – 539 s.
15. Ramzi M. M. Talfik al-ahbar va talkih al-asar fi vakai Kazan va Bulgar va muluk attatar (Nanizyvanie vestej i ozhivlenie predanij o sobytijah, proizoshedshih v Kazani i Bulgare, a takzhe o tatarskih caryah): v 2-kh tomakh. – Livan, Bejrut: Dar alKutub, 2002. – Т. 1. – 732 с.; Т. 2. – 528 с.
16. S. Yakshigulov. Polozhenie bashkir. – Ufa, 2017. – 72 s.
17. Uspenskij G. I. Bashkiriya v russkoj literature. Ot Orenburga do Ufy. 2 tom. – Ufa, 1991. – 432 s.
18. Hazhiev R. Z. Net, ne ischez bashkir // Agidel'. – Ufa, 1997, №8. – S. 152-154.
19. Husainov G. B. Literatura i nauka. – Ufa, 1998. – 613 s.
20. Shakurov R. Z. Zvezda poezii: Monografiya. – Ufa, 1981. – 144 s.

УДК 351.761(571.56) 929 Кулаковский
DOI 10.25587/litteraesyfu.2022.72.48.002

З. К. Башарина, К. Г. Башарин

Роль и значение А. Е. Кулаковского в развитии трезвеннического движения в Республике Саха (Якутия)

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Изучение роли и значения Алексея Елисеевича Кулаковского – мыслителя, ученого, основоположника якутской литературы, общественного деятеля, просветителя в развитии трезвеннического движения в Якутии имеет важное теоретическое и практическое значение. Алкоголизация населения Якутии началась с 1632 г., с момента добровольного вхождения Якутии в состав России. Для изучения трезвеннического движения в Якутии мы выделяем три периода: первый период с 1632 г. до 1885 г.; второй период 1885 г. до 1917 г.; третий период с 1970 г. по настоящее время.

В статье на основе изучения научной литературы, относящейся к истории трезвеннического движения в Якутии, впервые раскрывается вклад основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского в трезвенническое движение в дореволюционное время, освещается история трезвеннического движения до 2022 г.

Цель статьи: 1) рассмотреть, как проблема спаивания народов Якутии и вредного воздействия алкоголя раскрывается в поэме «Арыгы» («Оборотень»); письмо «Якутской интеллигенции» А. Е. Кулаковского; 2) Раскрыть роль и значение поэта, мыслителя в развитии трезвеннического движения в Якутии, для чего осветить историю движения с конца XIX – начала XX в. до нашего времени.

В статье подчеркивается ведущее место А. Е. Кулаковского в первом обществе трезвости, созданном с прогрессивными людьми, первыми интеллигентами П. К. Сокольниковым, И. Н. Башариным, Егасовым и другими в селе Чурапча Ботурусского улуса в 1904 г. Раскрывается деятельность И. Е. Сергучева – первого собриолога Якутии советского периода, а также деятельность трезвеннических организаций и народного университета трезвого здорового образа жизни в современный период.

В статье используется сравнительный метод анализа творчества А. Е. Кулаковского с научными данными собриологии. Даются конкретные выводы, которые изложены в заключении.

Ключевые слова: история, А. Е. Кулаковский, П. К. Сокольников, И. Н. Башарин, общество трезвости, И. Е. Сергучев, народный университет ТЗОЖ, Международная академия трезвости, М. Е. Николаев, Е. А. Борисов.

БАШАРИНА Зоя Константиновна – д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: zbasharina@mail.ru

BASHARINA Zoya Konstantinovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БАШАРИН Карл Георгиевич – д. мед. н., профессор кафедры анатомии человека Медицинского института, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: kbasharin42@mail.ru

BASHARIN Karl Georgievich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Department of Human Anatomy, Institute of Medicine, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Z. K. Basharina, K. G. Basharin

The contribution of Alexei Kulakovsky to the development of the temperance movement in the Republic of Sakha (Yakutia)

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The study of the contribution of Alexei Kulakovsky – a thinker, scholar, founder of Yakut literature, public figure, educator – to the development of the temperance movement in Yakutia has important theoretical and practical significance. Alcoholization of the population of Yakutia began in 1632, from the moment of Yakutia's voluntary entry into Russia. To study the temperance movement in Yakutia, we distinguish three periods: the first period from 1632 to 1885; the second period from 1885 to 1917; the third period from 1970 to the present.

The article, based on the study of scholarly literature related to the history of the temperance movement in Yakutia, reveals for the first time the contribution of the founder of Yakut literature to the temperance movement in pre-revolutionary times, highlights the history of the temperance movement until 2022.

Purpose of the article: 1) to consider how the problem of soldering the peoples of Yakutia and the harmful effects of alcohol is revealed in the poem "Arygy" ("Werewolf"); the letter of the "Yakut intelligentsia" by Alexei Kulakovsky; 2) To reveal the role and significance of the poet, thinker in the development of the teetotal movement in Yakutia, for which to highlight the history of the movement from the end of the 19th – beginning of the 20th century to our time.

The article emphasizes the leading place of Alexei Kulakovsky in the first sobriety society, created with progressive people, the first intellectuals P. K. Sokolnikov, I. N. Basharin, Egasov and others in the village of Churapcha of Boturussky ulus in 1904. The activities of I. E. Serguchev, the first sobriologist of Yakutia of the Soviet period, as well as the activities of temperance organizations and the National University are revealed a sober healthy lifestyle in the modern period.

The article uses a comparative method of analyzing the creativity of Alexei Kulakovsky with the scholarly data of sobriology. Specific conclusions are given, which are set out in the conclusion.

Keywords: history, A. E. Kulakovsky, P. K. Sokolnikov, I. N. Basharin, sobriety Society, I. E. Serguchev, People's University of Technical Education, International Academy of Sobriety, M. E. Nikolaev, E. A. Borisov.

Введение

В современных условиях сложной международной политической обстановки, когда перед планетой нависла угроза третьей мировой войны, усиления информационной войны, санкций Америки и Европы против России, русофобии, стоит задача воспитания духовной нравственной личности патриота, гражданина России, способного защищать родину от внешних и внутренних врагов. В этой связи особую актуальность приобретает обращение народа (интеллигенции) к национальным истокам и лидерам общества, в частности, к жизни и многогранной деятельности мыслителя, ученого, поэта и пророка народа саха А. Е. Кулаковского. Он на переломном периоде истории России в начале XX в. ясно осознал положение родного обездоленного народа и искал пути не только спасения от вымирания, но и развития. Как отмечает известный ученый-атомщик, наш земляк из Новосибирска И. Е. Максимов «в начале XX в., накануне грядущих социальных перемен и потрясений великий мыслитель поэт А. Е. Кулаковский искал пути спасения народа Саха. Он видел будущее Якутии вместе с Русским народом, своевременно и мудро выделил 3 главные пути направления развития – это образование, культура и преодоление таких вредных пороков, как пьянство, табакокурение, азартные игры. Сегодня невольно

возникает вопрос: как же потомки выполнили эти 3 завета великого предка? Ответ очевиден: на фоне революционного научно-технического прорыва мы не справились с пороками цивилизации» [7, с. 51].

В XXI в. самой большой и актуальной остается проблема отрезвления населения, имеющая крепкие социально-экономические корни в условиях рыночного периода: это алкорубль в бюджете, развитие мафиозной структуры за материальное обогащение и питейные традиции. Она имеет сильные внешние и внутренние факторы влияния: все мы находимся в плену информационной агрессии. Но ясно одно: без преодоления проблемы алкоголизации населения в Якутии и России невозможно решать задачи духовного возрождения, социально-экономического развития и стать сильным процветающим государством.

Обзор литературы по теме

Известно, что вопрос о наследстве основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова и Н. Д. Неустроева имеет драматический характер, дважды их вычеркивали из истории, объявляя буржуазными националистами. Если эти трагические события происходили после их смерти, то их заступник – историк, реабилитировавший их светлые имена в годы Великой Отечественной войны, Г. П. Башарин – испил чашу утрат и потерь при жизни, но не сломался, и в неравной борьбе вышел победителем [10; 12]. 2022 год знаменателен тем, что нынче общественность республики отметила 145-летие со дня рождения мыслителя и поэта А. Е. Кулаковского и 110-летие первого доктора наук из народа саха, профессора Г. П. Башарина, чье 100-летие со дня рождения было отмечено 21 марта 2012 г. в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО.

В современный период изучением жизни и деятельности А. Е. Кулаковского занимается целый коллектив Научно-исследовательского института А. Е. Кулаковского СВФУ. Это свидетельство интереса ученых к актуальным вопросам общества в эпоху рыночных отношений и дестабилизации в XXI в. и признания того, что именно писатели-реалисты отражают глубоко и полно взгляды, настроения, чаяния народа.

Следует отметить, что проблема, поднятая нами в данной статье, не становилась предметом специального исследования. Впервые к этому вопросу в 2004 г. обратилась доктор филологических наук А. А. Билюкина в брошюре «А. Кулаковский о здоровом образе жизни (к проблеме алкоголизма)», где убедительно раскрыта целостная система философских, общественно-политических и художественных взглядов А. Е. Кулаковского. Исследователь верно отмечает: «Он считает эволюционный путь развития народов наиболее жизнеутверждающим и рациональным, отвергает террор, братоубийственную гражданскую войну. В связи этим он делит население не на антагонистические классы, а на грамотных и неграмотных. И путь спасения народа видел в образовании, в повышении культуры путем «Культивизации» [6, с. 6].

Выступала с докладами о теме алкоголизма в творчестве А. Е. Кулаковского на республиканских, региональных, российских и Международных конференциях и мы, авторы данной статьи. Однако эта тема остается актуальной и до конца неразработанной и в современный период, поскольку алкоголь – источник бед человека и общества с далеко идущими последствиями, и борьба Кулаковского с этим социальным пороком продолжается современными собриологами.

Борьба А. Е. Кулаковского в художественных произведениях.

В 1915 г. А. Кулаковский написал стихотворение «Итирик бурсуй ырыата» («Бахвальство пьяного богача») где с острым сарказмом раскрыта безнравственность пьяного буржуа, откровенно выявленная и высмеянная в хвастливых речах и в разнузданном пьяном поведении.

В 1916 г. написана поэма А. Е. Кулаковского «Арыгы», переведенная известным русским поэтом В. Солоухиным под названием «Оборотень». Переводчик нашел очень

удачное название, соответствующее идейному содержанию поэмы. Произведение композиционно состоит из четырех частей. В первой части автор подробно описывает, как производят алкоголь и привозят в вагонах по железной дороге, затем перегружают на телегу, сани, пароходы и доставляют до каждой губернии, уезда, села, уголка. В Якутск алкоголь привозят на баржах по реке Лене и «самую простую да горькую везут на монопольный склад» [1, с. 193]. «У дорогих вин – другая судьба. Купцы, губернские чиновные люди, заплатив золотыми червонцами, увозят их в свои погреба» [1, с. 193]. Автор в этой части подчеркивает, что наши предки не производили алкоголь, это привозное зелье. Этот момент очень важен для формирования трезвых убеждений современной молодежи. Мы должны разъяснить им, что трезвость – это наше достояние, наша ценность. Наши предки не только выжили, но развили скотоводство, занимались земледелием, сохранили огромную территорию на вечной мерзлоте, благодаря тому, что были трезвыми.

Во второй части поэт раскрывает питейные традиции и отвечает на вопрос: почему люди пьют? Он совершенно верно с точки зрения собриологии отмечает, что люди не знают коварства алкоголя, они одурманены мифами и питейными традициями:

Закостенелого человека
Прослезиться заставил,
Несчастливого человека
Излить свое горе,
Облегчить свою душу заставил,
Слабого - посильнее сделал,
Тихого – пошустрее сделал,
Молчаливому - язык развязал,
У скупого - кошелек открыл... [1, с. 194-195].

...
Сваты приедут –
Без него ни на шаг,
Гости понаедут-
Без него ни на шаг,
К чиновнику за важной бумагой идти -
Большая подмога,
К шаману за делом идти –
Большая подмога... [1, с. 195-196].

Поэт правдиво показывает, что алкоголь стал продуктом праздника, веселья, товаром подкупа, бартера и т.д. Здесь раскрыта суть очень опасного «культурного питья» алкоголя, что программирует людей на употребление алкоголя.

В третьей части А. Е. Кулаковский раскрывает вред алкоголя с медицинской, нравственной и социальной стороны:

Чухотка к тебе привяжется,
Ревматизм на тебя набросится,
От цинги никуда не спрячешься
Детишки родятся хилыми,
Потомки окажутся гиблыми [1, с. 200-201].

Поэт показал особую опасность вреда алкоголя: влияние на генофонд народа. А. Е. Кулаковский со знанием дела раскрыл разрушающую силу алкоголя на все репродуктивные органы человека. Он верно показал, что, прежде всего, алкоголь действует на мозг:

Самого умного,
Мозговитого,
Башковитого
Моментально в дурачка превращает.
Здорового превращает в больного,
Молодого превращает в старика,
Крепкотелого превращает в труху,
Красивого превращает в сморчка,
Свящегося делает тусклым,
Стройного сгибает в дугу... [1, с. 199-200].
А вот как он показывает деградацию личности
Глаза не смотрят
О чести забыто
Совесь пропита
Язык поворачивается с трудом
Чиновнику портит поприще
Заставляет сдружиться с посохом
Сытого лишает пищи, богатого делает нищим [1, с. 200].
И в конечном итоге, автор подчеркивает асоциальную сторону алкоголизма:
Драться пьянство тебя научит,
К воровству тебя приохотит,
Человека убить заставит,
С лютой каторгой познакомит [1, с. 200].

Третья часть поэмы – самая сильная сторона произведения, где четко, глубоко изложена научная правда об алкоголе.

В четвертой части А. Е. Кулаковский показывает распространение алкоголя по всей огромной территории Якутии. Отрицательное отношение автора к алкоголю передается через интересный прием подбора глагола разрушительного значения:

Всю якутскую землю – пропитал,
Тунгусскую землю – провонял,
В чукотские стойбища – проник,
По Катанге ринулся напрямик,
На Индигирке яростно вскипел,
Абый разложил,
На Моме посеял раздор,
В Витиме набуянил,
По Верхоленью зарычал,
В Бодайбо мозги затуманил [1, с. 202].

В оригинале поэт использовал 34 глагола с отрицательным значением, а в переводе их 28. Причем в оригинале поэт, используя закон гармонии звуков, достигает наивысшей эмоциональной силы воздействия на читателя, например: «Индигииргэ тийэ имэнирдэ, Абыйга баран алдьатта, Дьааныга тийэн дьаабылаата, Өймөкөөннө тийэн өлөртөөтө, Муомаҕа тийэн муодалаата, Сэйимчээннэ тийэн сиэтэлээтэ» [2, с. 202]. К сожалению, это невозможно передать на русском языке. Следует подчеркнуть, что сейчас алкогольная ситуация еще более усугубилась, стала угрожающей генофонду народа.

В финале автор перечисляет 13 сортов алкоголя, которые производит алкогольная мафия для своего обогащения. Это развенчание корыстной цели мафиозных структур, которые изощряются в рекламе и производстве разрушительной продукции.

Поэма Кулаковского «Оборотень» – это первое антиалкогольное произведение в якутской литературе, где с такой художественной силой раскрыт протест против спаивания народа, где с научной точки зрения показана правда о разрушительной силе алкоголя. Она не потеряла своей актуальности и в современный период. По инициативе и содействии нашего соратника Е. И. Шудря в 2015 г. 18 мая в студенческом театре «Туйэркэн» Арктического государственного института культуры и искусств художественным руководителем Г. И. Карасевой был поставлен пластическо-поэтический спектакль по мотивам поэмы Кулаковского «Оборотень» в Государственном академическом русском драматическом театре имени А. С. Пушкина. Я была научным руководителем этого проекта. Спектакль стал достойной частью программы «Трезвость – социокультурное явление Якутии». Он направлен на сохранение и современное прочтение литературного наследия народа саха. В зале театра, рассчитанного на 400 человек, не было свободных мест. Зрители поддавались искреннему чувству сопереживания и после окончания спектакля состоялся обмен мнениями: выступали соратники, родители, зрители, которые благодарили режиссера и молодых артистов за профессионализм исполнения. Проект получил дальнейшее развитие. Была сделана видеосъемка спектакля тремя камерами, и видеоматериал был смонтирован в видеOVERSEER спектакля. Диски со спектаклем распространяются через сторонников ТЗОЖ для просмотра по всем районам РС(Я).

Спектакль был показан по телеканалам «Я-ТВ» и «РЕН-ТВ». Студенческий театр «Туйэркэн» с 3 по 10 июля 2015 г. принимал участие в Международном конкурсе-фестивале «Солнечный берег» (Абхазия) и получил Гран-при фестиваля. 11 сентября 2015 г. в Культурном центре «Сергеляхские огни» спектакль был показан студентам СВФУ. После спектакля 700 зрителей приветствовали артистов со слезами на глазах. Люди выходили на сцену добровольно и говорили о своих впечатлениях. Это свидетельство нетленности классического произведения якутской литературы, возможности развития образовательных технологий с применением самобытного историко-культурного компонента, имеющего огромное воспитательное значение в утверждении трезвых убеждений. Этот положительный опыт надо широко использовать в школах, в вузах, в творческих коллективах. Постановка поэмы в оригинале на родном языке имела бы колоссальный успех, т. к. автор в художественной образной форме раскрыл научную правду об алкоголе. В этом можно убедиться, если соотнести содержание произведения с выступлением ученого-патологоанатома, доктора медицинских наук, профессора К. Г. Башарина «Мастерам слова» на XIV съезде писателей Якутии, состоявшемся 7 октября 2003 г., где он привлек внимание писателей «к чрезвычайно важной проблеме алкогольного геноцида народов России... К сожалению, многие люди не знают и потому не осознают пагубное воздействие даже мелких доз на живой организм. Этому способствует оголтелая реклама пива и других алкогольных изделий по телевидению и средствах СМИ. Широко пропагандируется так называемое “культуропитейство”» [3, с. 61].

К. Г. Башарин, основываясь на труды ученых-медиков, делает вывод: «Алкоголь есть наркотический, протоплазматический яд, который действует разрушающим образом на любую живую клетку, а особенно на мозг и репродуктивные органы» [3, с. 62]. В этом легко убедиться, если посетить уникальный музей патологоанатомических изменений в органах лиц, употребляющих алкоголь, созданный Карлом Георгиевичем на кафедре анатомии Медицинского института ЯГУ-СВФУ. Большинство экспонатов являются авторскими, они им собирались в течение всей научно-педагогической деятельности. Об этом музее президент Международной академии трезвости, доктор педагогических наук, профессор А. Н. Маюров писал: «Мы знаем сотни работ, посвященных проблеме

пьянства и алкоголизма. Прочтешь их и забудешь. Работу профессора К. Г. Башарина запомнят на всю жизнь. А это – важнейшее звено во всей цепи первичной профилактики» [4, с. 5].

Размышления А. Е. Кулаковского об алкоголизме в письме «Якутской интеллигенции» (1912).

А. Е. Кулаковский накануне революционного переустройства мира в начале XX в. много размышлял о судьбе малочисленных народов, соприкоснувшихся с культурой больших народов. В первой части знаменитого письма «Якутской интеллигенции» одной из причин вырождения малочисленных народов он называет пьянство и курение. Отмечая быстрое вымирание инородцев, таких, как алтайцы, карагасы, телеуты, кольбайцы, уйгуры, ороганы, тунгусы, байкальский якуты и другие, Кулаковский говорит о том, что «хотя наша численность пока не убавляется, но мы поразительно быстро мельчаем и становимся хилее и угроза исчезновения народа нарастает с распространением пьянства» [2, с. 45]. Вот как он пишет про чукчей: «Звероподобные Чукчи потому не вымерли до сих пор что, их пока не коснулось ядовитое дыхание (тыны) культурных народов. Но теперь их стали уже сильно спаивать спиртом американцы и русские, потому дни их сочтены» [2, с. 45].

Интересно, что, жалея участь киргизов – самых многочисленных из всех инородцев (около 1 млн душ), сильно пострадавших от насильного захвата волнами городских переселенцев из-за Урала их исконных земель в начале XX в., Кулаковский отмечает, что этот народ защищает магометская религия, запрещающая употребление алкоголя.

Во второй части послания, автор рассматривает три варианта спасения от вымирания. Он выбирает третий вариант – это «культивизация и слияние с русскими». Профессор Г. П. Башарин, впервые обнаружил рукопись письма А. Е. Кулаковского в 1942 г. издал его в виде книги в 1992 г. и расшифровал понятие «культивизация»: «Кулаковский образовал его от слова культура, придал ему широкое значение термина: приобщение к культуре, развитие культуры, поднятие материальной и духовной культуры» [2, с. 45].

В главе «Школа и общественная жизнь», посвященной образованию, одним из главных направлений культивизации он прямо называет борьбу с пьянством, карточной игрой и курением, поскольку «некультурный народ, как бывает всегда, не может бороться своими силами с этими видами «культурной услады» и даже вовсе не понимает их вреда» [2, с. 93]. Это то, о чем говорил К. Г. Башарин в обращении к современным писателям. Ученый в своем обращении отмечал «культуโรปитейщики» приносят огромный вред обществу, так как соблазняют, программируют молодежь и детей, а также окружающих людей следовать их примеру. В среднем такой человек за 17 лет доводит до пьянства 10 человек и одного или двух доводит до смерти (нередко родного сына или дочь), то есть он становится убийцей» [3, с. 63].

В главе «Источник дохода» Кулаковский обратился к способам принудительного устранения пороков пьянства, карточной игры и курения.

В пункте «Эксплуатация людских пороков, например, пьянства, карточной игры и курения табака. Я проектирую так: а) штрафовать всякого, кто купит где бы то ни было бутылку водки, на 50 к. (с торгующими водкой, конечно, по закону). Чтобы контролировать покупку водки в городе, нужно установить пункты на главных трактах, в которых можно было бы проверить количество купленной водки; б) у выигравшего в карты отбирать определенную часть выигрыша; в) родителей, у которых дети привыкли курить штрафовать. Таким способом мы достигаем двойной выгоды: противодействуем развитию пороков и приобретаем средства на культурные цели» [2, с. 121].

В письме «Якутской интеллигенции» верно очерчен круг проблем и задач для получения благосостояния народа, над решением которых должны трудиться представители интеллигенции. В завершении звучит обращение: «Трудно только начало, а раз будет брошено семя, то оно даст скорые всходы; нужно только всем взяться за дело дружно – всем улусам Якутского округа!..» [2, с. 127]. Примечательно, что он подписал письмо «Өксөкүүлээх Өлөксөй», т. е. «Орлиный Алексей».

Письмо «Якутской интеллигенции», как признают все исследователи, это выдающийся документ А. Кулаковского – патриота, гуманиста, мыслителя, где он изложил свои размышления о беспросветном положении родного народа в России и мире, а также о тех прогрессивных идеях, которые помогли бы обустроить по-новому жизнь области и проживающих в ней народов в начале XX в.

История трезвеннического движения в Якутии в 1885-1917 гг.

Последствия алкоголизма в России были большим вопросом, и передовые люди того времени подняли свой голос за трезвость. По всей России прокатилась волна трезвеннического движения, стали создаваться общества трезвости. Известно, что великий классик русской литературы Л. Н. Толстой возглавил огромное общество трезвости. К ним присоединились многие священники, врачи, учителя. Следует отметить, что подтолкнул к созданию обществ трезвости специальный указ русского царя в 1885 г., в котором было дано право местным общинам запрещать на своих территориях продажу алкоголя. Этот указ спас малочисленные народы России от уничтожения водкой и спиртом.

Уже в 1885 г. на территории Якутской области начали распространяться местные запреты как циркулярные письма, указы. Олекминский окружной исправник К. В. Плетнев был одним из тех, кто серьезно начал борьбу с таким социальным злом, как пьянство. И Глава Ботурусского улуса Е. Д. Николаев также поддержал указ о местном запрете продажи алкоголя. У него была обширная программа борьбы с алкоголизацией населения. Это был образованный грамотный человек, знавший законы, он в своей трезвеннической деятельности опирался на важный документ «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» за 1866 г.

А. С. Николаева, кандидат исторических наук, в статье «Борьба Е. Д. Николаева с распространением пьянства в Ботурусском улусе (из истории трезвеннического движения в Якутии)» пишет: «Будучи главой Ботурусского улуса, 21 января 1885 года он написал циркулярное письмо «Дело о запрещении продажи водки в Ботурусском улусе», адресованное членам и рядовым управлениям. Этот документ был обнаружен нами в Национальном архиве РС(Я) в 2004 г. в фонде Ботурусской народной управы» [5; 12].

Примечательно то, что Е. Д. Николаев потребовал от родоначальников улуса, которые сами употребляли и нередко принимали алкоголь в виде подарков, отказаться от спиртного, и некоторые поддерживали его начин по борьбе с пьянством и карточной игрой. Таким образом, трезвенническая деятельность Е. Д. Николаева имела реальные результаты и стала предвестником первого общества трезвости в Якутии, созданном в Ботурусском улусе в 1904 г.

13 марта 1904 г. священник Чурапчинской Вознесенской церкви Авксентий Винокуров представил Якутскому губернатору «Устав Чурапчинского общества трезвости» для утверждения в установленном порядке. В числе лиц, подписавших устав, значились: улусный писарь А. Е. Кулаковский, первый дипломированный врач П. Н. Сокольников, учитель народной школы Е. М. Егасов, фельдшер Борис Оковский, исполняющий обязанности фельдшера Бартенев, выборный Ботурусской инородной управы И. Н. Башарин, помощник писаря Кожевин и инородец Афанасий Саввин. Устав общества состоял из 34 параграфов, целью было «противодействие употреблению всяких охмеляющих напитков среди населения урочища «Чурапча» и Ботурусского улуса и для сего помогать нуждающемуся членам советами и нравственными воздействиями, материальными средствами и приискиванием занятий и заработков» [6, с. 49].

Для достижения намеченной цели Общество открывает: а) чайные; б) столовые; в) читальни; и г) по мере возможности распространяет, с соблюдением всех правил цензурного устава, в народ книги и брошюры нравственного содержания, поучающим воздержанию от вина, устраивает, с разрешения подлежащих властей, беседы и различные

увеселения без употребления спиртных напитков, а также организует отделы и кружки из лиц, воздерживающихся от употребления спиртных напитков (Устав Чурапчинского общества трезвости Ботурусского улуса Якутской области) [6, с. 49].

Устав был утвержден канцелярией № 4811 Иркутского военного делопроизводства в 1904 г. и хранится в Национальном архиве РС(Я). Как видим, это хорошо продуманный документ солидной общественной организации.

Получив одобрение 13 марта 1904 г. Общество трезвости начало свою деятельность в Чурапчинском наслеге Ботурусского улуса. Членами общества проводились разъяснительная работа о вреде алкоголя, табака, карточной игры, организовывались безалкогольные свадьбы, празднества. Часто деятельное участие принимал в праздниках А. Е. Кулаковский.

Он был запевалой в народном танце осуохай, выступал в спортивных соревнованиях. При активном содействии общества в 1911 г. была введена в Якутии государственная винная монополия. Общественно-политический деятель В. В. Никифоров-Кюлюмнюр в статье «О винной монополии», опубликованной в газете «Сибирская жизнь» писал: «Нет надобности говорить о том, насколько сильно якуты пристрастны к смертным напиткам. Уже достаточно писалось о водке как о причине падения народного хозяйства, семейного разлада, разнородных болезней и преступлений. Со своей стороны, считаю позволительным сказать, если якуты не совсем погибли от водки, то лишь благодаря запрещению винной торговли в инородческих стойбищах. Хотя вино и проникает в инородческие стойбища, но как контрабанда. После введения судебной реформы в область эта контрабанда настолько успешно преследуется, что многие торговцы вином бросили прежнее ремесло и принялись за честный труд» [8, с. 464].

Современное состояние трезвеннического движения в Якутии с 1970 г. по настоящее время.

Огромную лепту в историю трезвеннического движения в Якутии внес И. Е. Сергучев, который за период с 1970 по 1990 гг. в результате систематического труда добился полного отрезвления села Нуорагана Жабыльского отделения совхоза имени М. Горького Мегино-Кангаласского улуса ЯАССР. Будучи учителем якутского языка и литературы, он сочинил около тысячи стихотворений, посвященных ТЗОЖ. Привлек к работе учителей школы, родителей, общественные организации, создал общество трезвости в 1981 г., а в 1985 г. общество насчитывало 78 убежденных трезвенников, что составило 10% от общего числа жителей поселка. Результаты трезвеннической деятельности И. Е. Сергучева колоссальны, работа по формированию ТЗОЖ не прекращалась и после его смерти в 1996 г. она продолжалась его супругой Е. И. Неустроевой [11, с. 208].

В претворение в жизнь заветов Кулаковского в сентябре 1994 г. первым Президентом РС(Я) М. Е. Николаевым был подписан Указ о создании Департамента по охране генофонда РС(Я), обязанного работать по защите генофонда народов республики от негативных воздействий окружающей среды.

В 1999 г. К. Г. Башариным, зав кафедрой анатомии ЯГУ был создан при кафедре народный постоянно действующий университет ТЗОЖ. В настоящее время более 30 тысяч слушателей по ТЗОЖ получили знания, навыки и умения по формированию ТЗОЖ, а также по первичной профилактике пьянства, алкоголизма, табакокурения и наркомании.

В 2000 г. Постановлением Правительства РС(Я) была принята «Концепция государственной политики по проблеме алкоголя в РС(Я)». По инициативе М. Е. Николаева была разработана и внедрена доктрина здорового образа жизни, для реализации которой была создана Межведомственная исполнительная дирекция по государственной поддержке движения по здоровому образу жизни (директор Н. С. Сивцева). Активизировалась работа общественных объединений среди населения. В период с 2000 по 2002 гг. функционировало около двух тысяч инициативных групп, общественных организаций,

клубов по интересам, пропагандирующих ЗОЖ, а также дирекцией была введена грантовая поддержка трезвеннических объединений.

В 2003 г. была учреждена Международная академия трезвости в г. Севастополе. К. Г. Башарин был избран академиком и вице-президентом Международной академии трезвости (МАТр). К 100-летию первого общества трезвости в Ботурусском улусе в с. Чурапча 27-29 июня 2004 г. был проведен первый Международный конгресс «Культура здоровья и трезвость», где приняли участие президент МАТр, доктор педагогических наук, профессор А. Н. Маюров и собриологи из разных городов, республик России. С тех пор установилась тесная связь с МАТр., А. Н. Маюров часто приезжал в Якутию на конференции, семинары, побывал почти во всех улусах РС(Я).

К. Г. Башарин открыл закон трезвости – основной закон собриологии – науки об отрезвлении населения, под его руководством делегация якутских собриологов активно участвовала в работе Международной конференции-семинаре, проводимых в г. Севастополе и в г. Сочи.

Руководство университета в лице ректоров А. Н. Алексеева, Е. И. Михайловой поддерживало нашу общественную работу. Это стало залогом успеха трезвеннического движения Якутии. С 2009 г. мы проводим «Угловские чтения» для студентов первого курса всех подразделений Северо-Восточного федерального университета.

К. Г. Башарин создал школу собриологов Якутии из числа активистов ТЗОЖ. В настоящее время 5 из них стали академиками Международной академии трезвости, 6 профессорами, 5 доцентами. В результате их деятельности 188 поселений республики запретили розничную торговлю алкоголя, стали территориями трезвости. Это стало возможным благодаря активной совместной работе собриологов, поддержке глав РС(Я) Е. А. Борисова, А. С. Николаева, Правительства, депутатов Госсобрания Ил Тумэн РС(Я).

Заключение.

Изучив письмо «Якутской интеллигенции» и поэму «Оборотень» А. Е. Кулаковского, мы пришли к следующим выводам:

1. А. Е. Кулаковский первым из якутских писателей и мыслителей раскрыл алкоголизацию населения как одной из главных причин, способствующих вымиранию и деградации родного народа и провидчески предостерег потомков от этой до сих пор злободневной угрозы;

2. А. Е. Кулаковский был одним из активных участников создания первого действенного общества трезвости в Якутии в Ботурусском улусе с 1904 г. Изучение его многогранной деятельности на фоне исторических событий в России свидетельствует о его тесной связи с трезвенническим движением страны в целом, усиливает идейно-художественную значимость творчества и общественной деятельности основоположника якутской литературы, мыслителя, ученого, поэта.

3. Уникальный опыт отрезвления народов Якутии современными собриологами на научной основе, открытие К. Г. Башариным основного закона собриологии показывает, что благородное дело по отрезвлению населения, начатое А. Е. Кулаковским и его соратниками в конце XIX – начале XX вв., имеет огромное духовно-нравственное, патриотическое, социально-экономическое значение. Не случайно Всемирная организация здравоохранения поддержала рекомендацию Международной академии трезвости и объявила ежегодно, начиная с 2022 г., 11 сентября отмечать как праздник – день трезвости в мире во всех странах.

4. В современных условиях массовой алкоголизации населения следует изучать произведения А. Е. Кулаковского – патриота, гуманиста, посвященные борьбе с алкоголизмом, в школах, колледжах, вузах, ставить спектакли на родном и русском языках на сценах Саха академического драматического театра и других театров РС(Я).

Л и т е р а т у р а

Художественные тексты:

1. Кулаковский А. Е. Наступление лета / А. Е. Кулаковский. – М.: Современник, 1986. – 383 с.
2. Кулаковский А. Е. – Якутской интеллигенции – М.: Арт-Флекс, 2002. – 318 с.

Статьи и монографии:

3. Башарин К. Г. К мастерам слова // Билюкина А. А. А. Кулаковский о здоровом образе жизни: (к проблеме алкоголизма) – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. – 71 с.
4. Башарин К. Г. Алкоголь – коварный разрушитель организма человека. – 2-е издание, дополненное. – Якутск: ИД СВФУ, 2014. – 32 с.
5. Башарин К. Г., Николаева А. С. Материалы к истории трезвеннического движения в Якутии. – Якутск: Дани Алмас, 2014. – 84 с.
6. Билюкина А. А. А. Кулаковский о здоровом образе жизни (к проблеме алкоголизма) – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. – 71 с.
7. Максимов И. Е. Об Экологии борьбы за трезвый образ жизни – Новосибирск, 2015. – 88 с.
8. Никифоров В. В. – Кюлюмнюр. Солнце светит всем: Статьи, письма, произведения. – Якутск: Бичик, 2001. – 568 с.
9. Николаева А. С. Е. Д. Николаева-И. – Якутск: Бичик, 2013. – 152 с.
10. Семенова В. Г. Личность и творчество А. И. Софронова-Алампа в контексте зарождения и становления якутской литературы: автореферат дис... доктора филол. наук: 10.01.02. – Якутск, 2019. – 51 с.
11. Сергучев И. Е. [хомуян онордо Е. И. Неустроева]. – Якутск: Сайдам, 2011. – 208 с.
12. Сидоров О. Г. Воплощение идеи национальной идентичности в якутской литературе. Истоки и эволюция: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – Якутск, 2019. – 29 с.

References

Hudozhestvennyye teksty:

1. Kulakovskij A. E. Nastuplenie leta / A. E. Kulakovskij. – M.: Sovremennik, 1986. – 383 s.
2. Kulakovskij A. E. – Yakutskoj intellekcii – M.: Art-Fleks, 2002. – 318 s.

Stat'i i monografii:

3. Basharin K. G. K masteram slova // Bilyukina A. A. A. Kulakovskij o zdorovom obraze zhizni: (k probleme alkogolizma) – Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2004. – 71 s.
4. Basharin K. G. Alkogol' – kovarnyj razrushitel' organizma cheloveka. – 2-e izdanie, dopolnennoe. – Yakutsk: ID SVFU, 2014. – 32 s.
5. Basharin K. G., Nikolaeva A. S. Materialy k istorii trezvennicheskogo dvizheniya v Yakutii. – Yakutsk: Dani Almas, 2014. – 84 s.
6. Bilyukina A. A. A. Kulakovskij o zdorovom obraze zhizni (k probleme alkogolizma) – Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2004. – 71 s.
7. Maksimov I. E. Ob Ekologii bor'by za trezvyj obraz zhizni – Novosibirsk, 2015. – 88 s.
8. Nikiforov V. V. – Kyulyumnyur. Solnce svetit vsem: Stat'i, pis'ma, proizvedeniya. – Yakutsk: Bichik, 2001. – 568 s.
9. Nikolaeva A. S. E. D. Nikolaeva-I. – Yakutsk: Bichik, 2013. – 152 s.
10. Semenova V. G. Lichnost' i tvorchestvo A. I. Sofronova-Alampa v kontekste zarozhdeniya i stanovleniya yakutskoj literatury: avtoreferat dis... doktora filol. nauk: 10.01.02. – Yakutsk, 2019. – 51 s.
11. Serguchev I. E. [homujan onordo E. I. Neustroeva]. – Yakutsk: Sajdam, 2011. – 208 s.
12. Sidorov O. G. Voploshchenie idei nacional'noj identichnosti v yakutskoj literature. Istoki i evolyuciya: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. – Yakutsk, 2019. – 29 s.

УДК 82-293.2

DOI 10.25587/litteraesvf.2022.71.31.003

Г. С. Бокен

Тематико-идейное сходство казахских и польских сатирических произведений

Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрены научные взгляды на теоретико-методические основы литературных связей казахской и польской литературы. В основе изучения этих связей лежат научные труды поляков, переселившихся в казахские степи в связи с историко-социальной ситуацией, также рассматривается вопрос о месте данных трудов в культурной, литературной, духовной жизни казахского народа.

В 1960-1980 гг. комедии известных польских и казахских драматургов Славомира Мрожека, Тадеуша Ружевича, Садыкбека Адамбекова, Калтая Мухамеджанова, Сакена Жунусова изучаются с точки зрения идейно-тематического сходства и различия, рассматривается мастерство в создании художественных образов. Наряду с этим, учитывая значение языка персонажей драматических произведений, поднимаются вопросы борьбы и взаимоотношений их героев.

Ключевые слова: литературные связи, сарказм, комедия, народные традиции, персонажи.

G. S. Boken

Thematic and ideological similarities of Kazakh and Polish satirical works

Sh.Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan

Abstract. The article considers scholarly views on the theoretical and methodological foundations of literary connections between Kazakh and Polish literature. The study of these connections is based on the scholarly works of the Poles who moved to the Kazakh steppes in connection with the historical and social situation, and the question of the place of these works in the cultural, literary, spiritual life of the Kazakh people is also considered.

In the 1960s-1980s, comedies by well-known Polish and Kazakh playwrights Slavomir Mrozek, Tadeush Ruzhevich, Sadykbek Adambekov, Kaltai Mukhamedzhanov, Saken Zhunusov were studied from the point of view of ideological and thematic similarities and differences, mastery in creating artistic images was considered. Along with this, given the importance of the language of the characters in dramatic works, the issues of struggle and relationships between their heroes are raised.

Keywords: literary connections, sarcasm, comedy, folk traditions, characters.

БӨКЕН Гүлназ Сайлаубайқызы – PhD., ассоциированный профессор кафедры казахского языка и литературы, Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова.

E-mail: asya_2309@mail.ru

BOKEN Gulnaz Saylaubayevna – PhD., Associate Professor of the Department of Kazakh language and literature, Kokshetau university Ualikhanova.

Введение

Известно, что литературные связи базируются на основе взаимоотношений литературы определенной нации с литературой других народов мира. У литературных связей, как и у других явлений и процессов, есть свои исторические этапы и пути развития. Чаще всего эти явления основываются на исторических связях народов, политико-экономических и культурных отношениях создателей литературы.

В истории казахской литературы начало казахско-польских литературных связей в основном совпадают с периодом переселения указом царского правительства России в Сибирь и Казахстан поляков, боровшихся за независимость польского народа.

Основная часть

Кроме географической отдаленности друг от друга Казахстана и Польши, известно, что казахский язык относится к группе тюркских языков, а польский – к западно-славянским языкам. Однако, благодаря политическим и историческим связям, духовным приоритетам и ментальному сходству наших народов, а также выбору близких образно-поэтических подходов происходит налаживание литературных связей между двумя странами.

Это утверждение можем подкрепить следующим мнением академика Н. И. Конрада: «Литературные связи – категория историческая. Когда были в значительной мере разобщены народы мира, географически и культурно близкими странами возникали литературные связи между <...>, находившимися на стадии исторического развития одной и той же; тогда связи имели региональный масштаб. При развитии же широких международных связей, охватывающих все народы мира уже культурные, литературные связи приобретают общемировой характер, превращаясь в одну из форм международного общения» [13, с.75].

Методика сравнительного исследования создает возможности выявления общих закономерностей литературы, искусства слова, содействует раскрытию общих тенденций, а также позволяет рассматривать литературу как единый организм. Сравнительно-исторический метод исследования литературы, являющийся самым сложным среди различных аспектов исследования, ученый В. М. Жирмунский [10, с.81] предлагает рассматривать поэтапно:

1) Историко-генетическое сравнение. Причиной похожих изменений в литературе является близость имен предков и в дальнейшем изменчивость с течением времени в связи с историческими условиями.

2) Историко-типологическое сравнение. В основе причин сходных изменений в литературе является вовсе не близость имен предков и объясняется наличием аналогичных ситуаций в развитии общества.

3) Сравнительно-сопоставительное культурное общение. В данной связи главную роль играет общественное развитие на основе исторической близости.

На основе историко-типологических и сравнительно-сопоставительных культурных отношений появляется возможность развития культурного общения. Это способствует не только установлению генеалогических связей, раскрытию общих тенденций в литературе, а также развивает исторические, идеологические, духовные, психологические отношения. Однако понятие «общий» не означает похожесть, сходство в литературе.

Виктор Жирмунский, говоря о необходимости исследования особенностей каждой национальной литературы, использования историко-типологических аналогий или метода конвергенции, взаимосвязи литератур, писал: «их сравнительное изучение позволяет установить общие закономерности литературного процесса в его общественной обусловленности и в то же время национальную специфику литератур, являющихся предметом сравнения» [10, с. 138]. Не означает ли это, что культ чести и достоинства, рыцарское поведение средневековых кочевников, любовь и почитание родителей

обоих супругов, уважение к народным обрядам, традициям и праздникам, открытость характера и воля к жизни и многое другое являются общим свойством польского и казахского народов?

Значит, первой ласточкой такой духовной связи можно считать польскую народную песню «Сұлу қыз» («Pokojówka» или «Шла девочка до лесочка»). «Сұлу қыз» – польская песня, в середине прошлого века переведенная на казахский и русский языки, в Казахстане исполняется на казахском языке и с тех пор стала поистине любимой казахской песней. Эта песня в наши дни стала своего рода мостом между казахским и польским искусством. Однако, несмотря на то, что в русском и казахском вариантах в основе лежит одна сюжетная композиция, все же можно заметить различия в переводах, связанные с менталитетом разных народов [5, с. 78].

У истоков духовного родства двух народов стоял Адольф Янушкевич, который провел свои трагические годы в Сибири и казахской степи. Эти традиции продолжает польский поэт Густав Зелинский, впоследствии литературно-творческие связи мы впервые наблюдаем в произведениях великого поэта казахской степи Абая Кунанбаева.

Особое место в истории казахско-европейских литературных связей занимает книга Адольфа Янушкевича «Дневник путешествия и письма казахской степи». В дневниках и письмах польского революционера есть много информации о жизни казахов середины XIX в. Янушкевич объективно рассказал о социальной, политической, духовной жизни казахского народа, о многих явлениях в обществе с точки зрения демократического и гуманистического подхода.

Автор излагает ряд интересных мнений, повествует о двойном гнете народа – национальном и колониальном, об изменениях в управлении страной, о феодально-монархическом характере восстания под руководством Кенесары Касымова, о тяжелом быте казахских бедняков, о национальных ценностях, обычаях и традициях, об истории народа, о поэтическом ораторском искусстве степняков и многом другом. Также рассказано о знаменитых людях того времени: Мәуке би, Кунанбае, Барак батыре, поэтах Жанаке и Орынбае.

В одном письме Янушкевич пишет: «Мне приходится учить казахский язык, национальные ценности, традиции и обычаи» [20]. Но позже он будет очень рад тому, что узнал бездну нужного и интересного для себя, о духовном богатстве казахского народа, особенно об искусстве слова, полный пламенных чувств, совершает гражданский поступок, долго храня в памяти глубокие мысли и крылатые мечты народа, ставшего для него родным.

Услышав впервые песню казахского поэта-импровизатора и увидев это искусство, которое всколыхнуло небо, Адольф Янушкевич описал свои впечатления так: «Я сижу среди людей, которых по всему миру считают дикими! Несколько дней назад я видел и слышал ораторов, выступавших перед огромной группой людей; и тогда я был поражен искусством слова, ораторским мастерством людей, которые от роду не знали ни о Демосфене, ни о Цицероне. Я им аплодировал с огромным восторгом! А сегодня передо мной поэты, не умеющие ни читать, ни писать, поют, как соловьи. Я восхищен и удивлен, их искусство для меня, как духовная пища, как тепло для души. И можно ли таких людей называть дикими? Можно ли считать, что они всю жизнь должны только пасти овец, что у них нет будущего? Нет, нельзя! Невозможно! И если Всевышний дал такой талант этому народу, то ему не могут быть чужды искусство и культура. И солнце днем, и казахская пустыня наполняются духом культуры. От его искр загорается яркий свет. И наступит время, когда кочевой номад займет свое достойное место среди народов, которые сегодня смотрят на него свысока» [20, с. 23].

В 1830-1831 гг., когда в Польше началось национально-освободительное движение, горячо любящий свою страну Густав Зелинский принимает активное участие в восстании за свободу и независимость. После жестокого подавления царским правительством

восстания местные власти в 1833 г. арестовывают Зелинского и других польских патриотов, обвинив их в пропаганде идеи свободы, борьбы за независимость отправляют в Тобольск. Позже Зелинский побывает в городах Аягоз, Балхаш, Жетысу и казахских аулах, лежащих вдоль рек Ишим, Тобол.

Находясь в казахских селах, Зелинский знакомится с бытом, жизнью простых людей, традициями и обычаями народа; будучи борцом за независимость своей страны, поэт видит трагическую судьбу казахского народа, находящегося под двойной властью, понимает душой и проникается его чаяниями. Красивая природа казахской степи, несправедливость социальной, бытовой жизни, тяжелое положение бедняков, горести, надежды и мечты, честность и верность людей, их талант и музыкальность – все это настолько захватывает и вдохновляет польского писателя, что он пишет романтические поэмы «Казах» и «Степь».

Изданная в 1842 г. в Польше поэма «Казах» быстро разошлась и стала популярной, была переведена и опубликована на многих европейских языках, например, немецком языке – четыре раза (в 1851, 1855, 1858, 1888 гг.), в 1863 г. – на чешском языке, на французском издана в 1870 г. Поэт Георгий Гребенщиков перевел книгу на русский язык и в 1910 г. выпустил отдельным изданием в г. Томске. Поэма Г. Зелинского «Казах» издавалась 22 раза, широкая распространенность этой книги в Европе говорит о высокой оценке литературного труда, данной читателями. На казахский язык поэмы «Казах» и «Степь» перевели писатели Абдулла Ахметов и Тайыр Жароков. В 1964 г. обе поэмы были изданы в Казахстане.

Поэма «Казах» написана с глубоким сочувствием к судьбе казахского народа, в произведении очень много идейно-художественных достоинств. В поэме описан тяжелый быт казахского народа прошлого века, вечная вражда между богатыми и бедными, социальное неравенство в обществе. Несмотря на притеснения, аресты и заключения в тюрьмы, бедные люди остаются верны себе, сохраняют свое достоинство и нравственные качества.

В собирательном образе главного героя поэмы, которого польский поэт назвал Джигитом, воплощена жизнь казахской молодежи, поступки и настроения, фантазии и мечты, любовь и преданность молодых людей [20, с. 3]. А облик молодых красивых казашек еще раз подтверждает чистоту и красоту души казахских девушек, их приверженность милым традициям своего народа. Для изображения своих героинь автор употребляет художественные эпитеты, передающие духовную красоту человека, его образ мыслей, умение вести беседы, внимательно слушать других, выражает позиции гуманистической направленности и силу поэтического таланта.

В целом, его поэма «Казах» («Киргиз») является первым в мире художественным произведением, посвященным теме казахов. Г. Зелинский ввел в польский язык очень много казахских слов, пояснения к которым поместил в конце поэмы.

Так, например, слово “еркак” поясняется как «мужская одежда из шкур жеребят, сшитая шерстью наружу. К нему пришивается кант из бархата яркого цвета. Цвет еркака черный или коричневый, формой он похож на чапан», а “кимешек” «белого цвета, закрывает кыргызских женщин с головы до груди, лицо остается открытым» [3, с. 165].

Изучение вопросов культурно-литературных отношений, духовного созвучия казахского и польского народов все еще продолжается. Это необходимо исследовать на основе самого сложного жанра литературы – драматических произведений.

Проводя сравнительно-сопоставительный анализ драматических произведений, исследуя в них социальные, сатирические явления, мы стремимся определить идейно-тематические, сюжетные сходства в драмах, написанных на казахском и польском языках в 1960-80 гг. XX в. То есть, в качестве объекта исследования были взяты пьесы польских мастеров пера, основавших «Театр абсурда», Славомира Мрожека, Тадеуша Ружевича и комедии казахских писателей Садыкбека Адамбекова, Калтая Мухамеджанова, Сакена Жунусова.

Любой писатель в основу своих произведений берет события, происходившие в истории, в обществе. Подтвердим наше мнение высказыванием исследователя Даниил Аль: «Герой драматургического произведения – всегда сын своего времени, и с этой точки зрения выбор героя для драматургического произведения носит тоже исторический характер, определяется историческими и социальными обстоятельствами» [1, с. 288]. То есть живучесть произведений, возникших в историко-социальной ситуации, измеряется искренностью и реальностью авторских образов.

Пьеса польского драматурга Славомира Мрожека «Portret» – произведение, раскрывающее отношение поляков к сталинизму. Главным героем пьесы является диссидент, коммунист, предавший своего друга. Они встретились спустя много лет и поговорили откровенно. Первоначально мы считаем их друзьями, но в дальнейшем, в процессе чтения произведения, мы понимаем, что Анатолий является не другом главного героя Бартодия, а его совестью, об этом следующие слова: «Анатолий. *Играть в шахматы со своей собственной совестью*» [15, с. 7].

Из разговора двух прежних друзей мы узнаем, что в результате тоталитарной политической системы, повсеместной слежки человек, думая только о себе, может пойти даже на предательство, потерять свою честь и достоинство. В пьесе читаем, как герой ищет оправдания перед своей совестью: «Бартодий. *Да нет, я же не ради карьеры.* / Анатолий. *Но ведь оно как-то так само собой и соединилось, правда? Одно с другим. Эта твоя любовь себя окупила.* / Бартодий. *Я его действительно любил!* / Анатолий. *И потому донес на своего лучшего друга?* (Пауза.) *Да еще так повезло, что он уже никогда не узнает, кто его под землю уложил. Доносик аккуратненький получился.* (Пауза.) *Ты вынес ему смертный приговор.* / Бартодий. *Не я.* / Анатолий. *Но вышло-то так.* / Бартодий. *нет, я этого не хотел.* / Анатолий. *Но как-то так само получилось, да? Ты хорошо знал, какие будут последствия, какие времена были.* / Бартодий. *Нет, то есть я знал, но...* [15, с. 9].

То есть своего лучшего друга Бартодий обменял на портрет Сталина, на советское правительство, которое искренне любил. В конце концов он остается один, без друзей. А после сожалеет об этом: «Бартодий. *Да, маленькая одиночка с большим портретом на стене. Мне казалось, что Он, вождь всего мира, соединит меня со всем миром, что, глядя на его портрет, я увижу живой мир. Иллюзия, конечно. Это был всего лишь портрет*» [15, с. 11].

Аналогичную ситуацию, где человек совершает измену, предательство, мы видим в диалоге героев сатирической комедии казахского писателя С. Адамбекова «Конфликт Шокбике» Танкыбая и Тумана. И здесь мы узнаем о циничных и подлых действиях политического активиста советской власти Танкыбая: «Туман. *Говоришь, друг, друг, но скажи, с каким человеком ты дружил по-настоящему? Чей огонь ты не тушил, чей очаг не разорил? Ради своей выгоды кого ты только не обидел, ты, взяточник! Сколько невинных людей стоит в твоих кровавых глазах? Ты знаешь? Подумай об этом! Кто меня подставил? А?... Старый лис, долго я искал твоего брата, наконец, нашел ведь. Попался в капкан! Советская юстиция, справедливость восторжествовала: Батыршин Адильжан и Кайсар Булатов оправданы, их честность белее молока, теперь они ищут тебя. Они спросят с тебя за невинно потраченные годы, за сгоревшую в пламени молодость. Ты виноват в их морщинах на лице. Ты виноват в их сединах. Стой, негодяй, они теперь будут государственными обвинителями.* / Танкыбай (не выдавая страха, громко смеется). *Туман-ау, что ты такое говоришь? О, боже, ты же еще до сих пор ребенок.* (Айбаттанын). *Нет, извините, товарищ полковник, он избежал наказания. Сколько извинений с тех пор я просил.* (Приветливо). *После праздника все забывается, мой друг* [2, с. 24].

При этом казахские и польские писатели не пропагандируют голый гуманизм, а несут его читателям в диалогах своих героев. Они признают свою вину, раскаиваются, и отвечают перед своей совестью. Если одни смотрят своей совести прямо в глаза, то другие по-прежнему хотят оправдать свои преступления.

В конечном счете недостатки героев произведений встречаются в каждом обществе, в любые времена. Драматурги мастерски донесли это не просто словом, а действиями и поступками своих героев. Это одно из главных задач драматического произведения. Обоснуем это мнением исследователя Бертольда Брехта: «Драматическая ситуация, таким образом, представляет собой конфликт, в котором отдельный человек или несколько людей оказываются перед лицом новой проблемы, для которой еще не существует готовых решений. Драматизм состоит в том, что не в разговорах, а в реальных судьбах решается важный нравственный вопрос» [16, с. 42].

Действия в драме, в отличие от других видов литературы, не показывают внешний характер, а наоборот, отражают внутренний мир, мировоззрение и психологию героев. Поэтому в драмах каждое слово, мысль, чувство, отношение, действие и бездействие находятся в тесной взаимосвязи. То есть «Человек в пьесе раскрывается не иначе, как в драматической борьбе, в конфликте, а конфликт, в силу этого, немыслим без создания эстетически определенных, внутренние действенных характеров» [8, с. 16]. Так, исследователь Евгений Горбунов пишет о поступках людей: «Человек с присущим ему своеобразным складом психологии, чувств, стремлений и взглядов на жизнь – источник и движущая сила драматического действия» [8, с. 38].

К тому же драма не рождается только в дискуссиях героев или в их взаимоотношениях. Драму создает не только дискуссия. Из-за противоречий во взглядах и характерах, субъективных мнений, приводящих к конфликтам, меняются взаимоотношения героев. Виссарион Белинский писал: «Драма возникает тогда, когда спорящие, желая приобрести друг над другом верховодство, стараются затронуть друг в друге какие-нибудь стороны характера или задеть за слабые струны души и тогда через это в споре раскрываются их характеры, а конец спора ставит их в новые отношения друг к другу» [4, с. 61]. Анализируя мнение Виссариона Белинского, приходим к выводу, что основные эстетические категории драмы – характеры и поступки, поведение героев надо рассматривать в единстве идеи произведения с определенными событиями.

Так, например, в пьесе Калтая Мухамеджанова «Болтирик под шапкой» молодой человек, Сапар, грамотный и культурный, мечтающий жить в городе и построить карьеру, обманывает свою супругу Раушан, которая ждет его день и ночь, и решает жениться на красивой девушке из Алматы – Жамиле. Женитьба на честной и доверчивой городской девушке, благодаря которой можно сделать карьеру, – это подлость, предательство, падение человеческих нравов. Об этом мы узнаем из размышлений Сапара, получившего письмо из дома: *«...Нет, Сапар, будь решительным!... Говоря откровенно, не только ты, но и посредственные писатели, и артисты, и даже академики разводятся и женятся по два-три раза. Это закон жизни. Завтра аспирантура!.. Кандидат, доктор! Что меня ожидает в моей прежней жизни! И что, что Раушан беременна, даже если она четырежды беременна, что она может дать моему духовному миру? Когда я женился, она была бухгалтером колхоза, до сих пор ничего не изменилось: она по-прежнему бухгалтер. А что Сапар? Нет... Теперь Сапару нужна Жамиля, грамотная, культурная. Тем более, что ее отец – влиятельный человек в Алматы, с его помощью я многого могу добиться»* [16, с. 52].

Здесь поступок Сапара аналогичен поведению врача-окулиста из пьесы С. Мрожека «Кароль». Окулист: *«Все равно у него был неизлечимый случай отслоения роговицы. Правда, удар при падении мог ускорить ход болезни. Но кто поручится, что завтра он не упал бы на лестнице и роговица не отслоилась бы полностью? Так или иначе, помочь ему было нельзя (пауза). Кроме того, он мог бы и не прийти. Он не был на сегодня записан. Я тоже рисковал (пауза). И хоть и близорук, но еще жив»* [15, с. 11].

Если завистник, лжец, лицемер Сапар перешагивает через свою совесть и честь, не жалея даже своего безвинного малыша, то врач-окулист из пьесы Мрожека ради своей выгоды предаст кого угодно, оправдывая себя и перекладывая вину на неизлечимую болезнь. И если, с одной стороны, поведение героев вызывает у нас смех, то с другой

стороны, мы понимаем, что в реальной жизни можно встретить таких людей, и от этого нам становится страшно. «Следовательно, когда человек по своему существу, по общему складу своих интересов, мыслей, чувств, стремлений пуст и ничтожен, но претендует на значительность своей личности, сам не сознавая в себе этой противоречивости, тогда он комичен; люди сознают комизм его поведения и смеются над ним» [7, с. 78].

Основным инструментом комедии является смех. Он достигается при помощи юмористических эпизодов, шуток, высмеивания недостатков, человеческих пороков, сатиры. Поэтому горький смех называют сатирой, легкие шутки – юмором. Классики мировой литературы В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Н. Гоголь в своих трудах показали, каким мощным оружием борьбы за справедливость может быть смех. Объектом смеха могут быть недостатки в жизни людей и обществе в целом. Это отмечает и писатель Николай Гоголь: «Человек, ничего не боящийся в жизни, может бояться только смеха» [7, с. 116].

Да, целью комедии является раскрытие и высмеивание человеческих пороков, борьба с недостатками, чтобы в жизни подобных явлений было как можно меньше. Защищая высокие моральные ценности, смех должен воспитывать общество.

В сатирической комедии драматурга Сакена Жунусова «Кроссворд или шуточный маскарад» начальник вытрезвителя Хайдаров пришел к своему другу, ровеснику, руководителю одного городского учреждения Орынбасару Амировичу и, подобрав момент, попросил повысить его в звании с «капитана» до «генерала» или «полковника». Однако его ровесник не только не повысил в звании, а даже предъявил к нему претензии: обвинил его в бескультурии, потому что тот вошел, не постучав в дверь. Орынбасар обращается к Хайдарову: *«За последние 15 лет у тебя нет особых заслуг для получения звания»* [11, с. 19]. *Но ровесник, мечтающий о повышении, стал перед ним оправдываться: «Оу, какие могут быть заслуги у начальника вытрезвителя? Я что, хлебобоб, который вместо 15-ти собирает 20 центнеров зерна с гектара во время уборочной, или дояр, чтобы с превышением плана надоить много литров молока от одной коровы?»* [11, с. 22]. *Однако Орынбасар, не желая сдаваться, сказал, что на любой работе можно иметь хорошие показатели. Напомнил ему, что если бы ежегодно пьющих людей становилось меньше, то со временем вытрезвитель можно было бы закрыть.*

В пьесе читаем: *«Хайдаров. К нам поступают не цыплята из инкубатора, а люди. Если их мало приводят, это говорит об улучшении нашей работы. / Орынбасар. Ты так считаешь? В этом году – триста человек, в следующем году – двести. Постепенно, если люди перестанут пить и не будут к вам поступать, то вытрезвитель закроется. И это ты считаешь улучшением своей работы, хорошим показателем? / Хайдаров. Эх, что может быть лучше этого? Если в мире не будет пьяниц, духовная культура людей будет повышаться, эстетический вкус, сознание людей будут расти. Если мы этого достигнем, можно считать, что вытрезвитель выполнил свою воспитательную миссию. / Орынбасар. Товарищ капитан, я с тобой не шучу... Задача вытрезвителя... задача... – на улице, в общественных местах пьяным людям сначала нужна врачебная помощь, потом их нужно уложить в постель, завтра заполнить протокол и оповестить их место работы. А кто выполняет воспитательную работу и применяет административные меры, это тебя пусть не волнует. Понятно* [11, с. 23].

Хайдаров считает, что уменьшение количества пьющих людей связано с повышением духовно-нравственного воспитания, с ростом личностного интеллекта. И если он этому очень рад, то Орынбасар, напротив, подходит к этой проблеме формально и возражает ему.

Разумеется, автор использовал этот элемент для усиления эффекта комедии. Если смотреть на чистый морализм, то через поступки и действия героев можно понять, что есть плохо, и что хорошо. Поэтому и мы согласны с мнением профессора Алиби Шапауова: «Комедия – это важный жанр, в котором раскрываются негативные явления в обществе, в жизни человека, критикуются их порочные поступки, чтобы будущее поколение извлекало для себя уроки и не повторяло их ошибок» [19, с. 84].

Казахский писатель поднял тему формализма, который тянет современный мир в пропасть, общество не может избавиться от сложившихся старых канонических взглядов. Резкой критике подвергает формализм в обществе и польский драматург Славомир Мрожек в своей пьесе «Policja». Если Сакен Жунусов изображает недовольство начальника уменьшением алкоголиков в вытрезвителе, то у польского писателя вызывает смех тот факт, что из-за отсутствия преступников в камерах начальство заставляет своих сотрудников самим совершать преступления умышленно и сажает их в камеру.

Повествование в пьесе «Policja» начинается с освобождения последнего осужденного, который сидел в тюрьме десять лет. Преступник, отсидевший свой срок, не хотел ставить свою подпись на расписке, где обещал «после выхода из тюрьмы, честно служить родине», но вдруг неожиданно передумал и расписался, чем очень огорчил начальника тюрьмы. Дело в том, что теперь тюрьма опустеет, и ее придется закрыть. А если закроется тюрьма, то сотрудники полиции останутся без работы. Понимая это, начальник тюрьмы не спешит его отпускать, начинает задавать осужденному каверзные вопросы, чтобы его запутать и поймать на каком-то злом умысле. И даже стал показывать фотографии инфанта и его брата регента, чтобы разозлить, вывести из себя бывшего преступника и услышать оскорбления в адрес монарших особ. Впрочем, из этого ничего не вышло, и, выходя на свободу, он с усмешкой сказал начальнику тюрьмы: *«От всего сердца поздравляю. Последний заговорщик умер. Родился новый подданный. На вашем месте я приказал бы палить из мортиры и дал бы своим людям три отгула. Впрочем, какие отгулы? С этой минуты у них уже не осталось работы...»* [14, с. 24].

Опасаясь остаться без работы, начальник тюрьмы предлагает своим сотрудникам в разных районах города организовать митинги, шествия против правительства и потом арестовать некоторых из числа протестующих. Однако эти действия заканчиваются безуспешно, и тюремные камеры по-прежнему остаются пустыми. Тогда начальник тюрьмы уговаривает своих подчиненных стать преступниками. В разговоре с сержантом он приводит убедительные доводы: *«Скажу вам больше. Не только мы уже никогда больше никого не арестуем, но и ваш сын, ваш внук и правнук никого уже не арестует. Вся полиция стоит на краю гибели. Находится накануне катастрофы. Для чего существует полиция? Для того чтобы арестовывать тех, кто выступает против существующего порядка. А если таковых больше нет? Если вследствие усилий усовершенствованной и усиленной полиции среди граждан исчезла даже видимость бунта, даже тень неодобрения, если всюду царит ликования? Если неизбежно утверждена любовь (вытягивается и замирает) к нашему инфанту и его дяде регенту? Что делать тогда полиции? Я пытался это предотвратить и поручил вам стать провокатором. Но вы сами знаете, что последняя надежда не оправдалась. Нам не только не удалось никого спровоцировать, но вас даже избили, когда вы выкрикивали антиправительственные лозунги»* [14, с. 29]. Разговаривая с ними, он даже предлагает им деньги.

Придавая важность этому факту, начальник тюрьмы с надеждой уговаривает невинного сержанта стать преступником: *«...Человек, который еще может все спасти, - это вы... Нам нужна какая-нибудь личность, которую мы могли бы посадить за решетку. Посадить в тюрьму за какие-то действия, которые хотя бы в незначительной степени носили характер антиправительственной деятельности. ...Я бы сказал – натуральным способом, нам уже не найти. Надо его, так сказать, создать искусственно. Мой выбор пал на вас»* [14, с. 30].

В итоге вчерашние сотрудники юстиции, не желая остаться без работы, пожертвовали своей свободой и превратились в преступников. Конечно, чтение этих двух пьес поначалу вызывает у нас смех. Но потом мы понимаем, что эти абсурдные ситуации вполне могут быть в нашем обществе, и это нас начинает пугать. Оба автора в своих пьесах подвергают критике людей, которые заботятся лишь о своей карьере и личной выгоде и на этом пути не останавливаются ни перед чем.

В этой связи ученый Баян Исмагулова, говоря о значимости драматических произведений в обществе, отмечает, что выводы читатель должен делать сам: «Драма по самой своей природе не может не выявлять особенно острые конфликты, волнующие социум и вызывающие не только возвышенные чувства, но и низкие (в отличие от поэзии); при этом в драме нет готовой цепочки рассуждений о причине и следствии (в отличие от прозы): размышлять и делать выводы предоставляется зрителю / читателю [12, с. 2].

Драматург Калтай Мухамеджанов в своей комедии «Так мне и надо» поднимает вопрос о таком негативном явлении, как корыстная помощь в поступлении в высшее учебное заведение. Безработный Хайдарбек занимается мошенничеством. Прикрываясь именами высокопоставленных людей, он устраивает абитуриентов в институт. Мы становимся свидетелями этого нечестного дохода.

При разговоре по телефону с разными людьми, Хайдарбек по-разному говорит с каждым из них, раскрывая перед нами некоторые черты характера. Таким образом, автор вкладывает в образ телефона большую смысловую нагрузку. Например: *«В телефоне. Один наш родственник является директором совхоза. Он привез своего ребенка. / Хайдарбек. Вы сказали, директор совхоза? (Прикрывая трубку, в зал). С таким слишком грамотным человеком опасно связываться. (В телефон). И что, если директор совхоза?»* [16, с. 42].

Очередному позвонившему человеку он говорит: «Не подходите ко мне». В этом у Хайдарбека есть своя «логика». «От знакомых людей в городе надо держаться подальше», – считает он. Это мы понимаем из его следующих слов: *«Телефон. Я Есенжол. Я привез твоего брата. Говорят, деньги более красноречивы, чем ум и знания, поэтому я и об этом позаботился. / Хайдарбек. Аксакал, я... / Телефон. Подожди, кроме моей старухи, которая сейчас осталась в ауле на хозяйстве, дома никого нет. Я завтра должен вернуться. Брата поведи за руку. Я дам ему денег, ты делай с ними, что хочешь. Это мое поручение. Твой труд не пройдет даром, я приготовил тебе коня. / Хайдарбек (прикрывая трубку). Ах, жизнь... Риск. (В трубку) Как, говорите, его фамилия? / В телефоне. Есенжолов Сагынтай. Естественные науки, девятая группа. / Хайдарбек. Завтра в 10 часов ждите меня перед институтом. / Телефон. Ладно, хорошо, дорогой, живи долго. / Хайдарбек. До свидания. (кладет трубку). Только бог знает, сколько мне жить* [16, с. 48].

Однако, в конце пьесы Хайдарбек был разоблачен. Автор глубоко затрагивает вопрос о будущем страны и вкладывает в уста своего героя тревожные слова: «Берем на обучение в основном бездарных детей уважаемых работников. В течение пяти лет они учатся кое-как, заканчивают еле-еле благодаря высоким положениям родителей. Не специалисты, ни то, ни сё, не понятно, кого выпускаем. На самом деле, это насилие над будущим, злоупотребление» [16, с. 53].

В произведении Славомира Мрожека «Rzeźnia» простой скрипач обменивается судьбой с ожившей скульптурой Паганини. *«Быть человеком это уже очень много», – говорит Паганини о счастье быть человеком. Но простой скрипач мечтает быть знаменитым, великим маэстро и вступает в спор: «Что из того, что я человек? Каждый человек. Быть человеком, мне этого мало. Хочу быть чем-то большим, хочу быть выдающимся человеком... Гением. Единственным и неповторимым. Что толку быть человеком, артистом?»* [15, с. 28].

Однако Паганини предупреждает о том, что знаменитость, успех, звания, деньги, власть, женщины, красивая жизнь – все проходит. Все, кто гонится за всем этим, не будут счастливы по-настоящему. Окутанный гордыней и лживыми словами, не заметишь, как пройдет жизнь. Паганини: *«...Постепенно становишься рабом своего искусства, а оно требует от тебя все больше и больше. Прежде тебя не удовлетворяла твоя жизнь, а теперь, в виде наказания, твое искусство не удовлетворяется тобой. Ты пыхтишь, но не поспеваешь. Меж тем, сам того не замечая, ты уже сделал карьеру. У тебя есть все, что тебя требовалось: слава, деньги, женщины. Но ты не можешь всем этим пользоваться, ибо искусство поглотило тебя... Не успел оглянуться, как стал куском мрамора»* [15, с. 38].

Автор осуждает людей, которые меняют жизнь на искусство, не понимая смысла жизни, посвящают ее популярности, ищут только славы. Однако, мечта скрипача сбылась, и он выбирает судьбу маэстро. Но, как предупреждал Паганини, счастья ему его известность не принесла. Руководитель филармонии объединил территорию концертного здания и место для убоя скота, назвав это «Филармонией инстинкта». Далее он предложил маэстро быть забойщиком скота.

Маэстро согласился, но в день «премьеры» покончил с собой. Он понял, что между жизнью и искусством нет никакой разницы. А именно: между жизнью и искусством есть выбор, между смертью и искусством тоже есть выбор. «Смерть искусства, смерть культуры приводят к смерти человечества», – говорит автор в финале.

В сатирической комедии Садыкбека Адамбекова «Золотой нож» разоблачаются негативные социальные явления, царящие в нашем обществе: взяточничество, коррупция, хитрость и жадность, выходящие за рамки человеческого разума. Без суда и следствия посадили в тюрьму невинного журналиста А. Елеуова, написавшего в область о бедах простого народа, у которого, как пиявки, «сосут кровь» все, начиная от председателя колхоза, районного народного судьи, главного бухгалтера и заканчивая агрономом и бригадиром садоводческой бригады.

Корреспондента обвинили в ущербе колхозу, который нанесла его лошадь, съев виноградник, хотя у него лошади никогда не было. Из допроса: *«Омаров. То, что лошадь была на винограднике, это правда. Потому что она пришла, сопела и ржала... / Елеуов. И что, все лошади, сопящие и ржасие, должны быть моими? / Омаров. Откуда мне знать, было темно, но лошадь сопела и ржала. Конечно, она твоя»* [2, с. 9].

Или, *«Мусабаев. Гражданин Елеуов, с вашего личного подворья два коня в течение одного года паслись на полях колхоза. По подсчетам специалистов, они съели сена и выпили воды на сумму в 4320 тенге, как это понимать? / Елеуов. Товарищ, судья! Это клевета, суть этой клеветы лежит глубоко. В моем личном подворье была единственная лошадь, которую я купил у колхозника Мурата в 1958 году, но ее потом я отправил на мясо. Квитанция имеется»* [2, с. 12]. Конечно, над такими глупыми и пустыми обвинениями мы смеемся, но с другой стороны, нас возмущает, что такие никчемные начальники не дают покоя простым людям.

Понимая, что ложные обвинения скоро развалятся, и его могут вывести на чистую воду, председатель колхоза начинает притворно сочувствовать журналисту: *«Сыздыков (сидящему рядом Елеуову). Мальчик, если тебя осудят, сядешь надолго. Перестань писать статьи»* [2, с. 17]. Но мы восхищаемся поступком смелого корреспондента и берем с него пример: *«Елеуов. Нет, не перестану. Не успокоюсь, пока не разоблачу твоих подхалимов, твоего золотого ножа Мусаева. Вот (показывает конверт) еще одну статью отправил. / Сыздыков. Мой золотой нож рассечет тебя. / Елеуов. Твой золотой нож сломается пополам»* [2, с. 20].

Комедия польского писателя Тадеуша Ружевица «Śmieszny staruszek» начинается с окончания длительного суда над старым человеком, который шлепнул маленькую девочку. Старик не считает себя ни в чем виноватым, наоборот, утверждает, что на улице его обижали маленькие дети, показывали ему язык. В пьесе читаем: *«Этих девочек было несколько... Вы не поверите, но они мне ужасно надоедали... преследовали меня. Все это было коварством. Я даже не знал, как оградить себя от этого. Раньше все было проще: или человек сам брал на колено такое сокровище и отвешивал ему пару оплеух по голой попке, или шел к родителям и дело очень быстро решалось само собой. Опять же – при помощи руки... Я даже намеревался пойти в домоуправление, школу, милицию... В конце – концов, пошел к адвокату. Вышел оттуда в ужасе: он посоветовал мне обратиться к психиатру. Сам он, признаюсь вам, произвел на меня впечатление законченного психа. Все время потирал руки, моргал мне и строил рожицы. Одна из тех девочек как-то сказала*

мне, что я должен отдать ей канарейку. Вместе с клеткой. Я отказался. А она посмотрела на меня так грозно и ушла без слов... Я даже испугался» [18, с. 46].

Здесь у нас может возникнуть справедливый вопрос, не издевается ли автор над выживающим из ума стариком, не смеется ли он над ним. Но, читая дальше это произведение, мы видим невеселую жизнь одинокого пожилого человека, который часто грустит в одиночестве, но у него нет обиды ни к жизни, ни к людям, но не понимает и злится на детей, которые смеются над его видом.

Разные проблемы в обществе, человеческие пороки, изображенные в пьесе, вызывают у нас смех, и в то же время понимаем, что все это может происходить в реальной действительности. Например, общество заботится о преступниках, совершивших умышленное убийство или ранивших других людей, сидящим под арестом родственники или друзья приносят продукты питания, необходимые вещи, более того, они даже бесплатно питаются, спокойно смотрят телевизор. Сказано очень горько, но это правда: *«Тем временем, люди честные и порядочные так загружены работой и, как мы знаем, едят что попало, кое-как и где придется, а работают порой по двенадцать часов в сутки. С язвой желудка или двенадцатиперстной. А бандиты и воры имеют массу свободного времени, даже фильмы им там, в тюрьме, показывают. Иногда даже концерты устраивают...»* [18, с. 54].

Это подтверждает и следующее высказывание литератора Ныгмета Габдуллина: *«Все действия и события в пьесе должны быть изображены так, как будто они проходят в жизни перед нами сейчас. Из описанных событий мы узнаем о прошлом и будущем героев. Автор должен подчинять действия героев строгим требованиям драматургии, но твердо соблюдать закономерности развития событий»* [9, с. 13]. Поэтому Тадеуш Ружевич образами своих героев без прикрас показал несправедливости, имеющие место в обществе.

Заключение.

Поляки, переселившиеся в казахские степи в связи с историческими событиями, оставили нам большое наследие: картины и рисунки о жизни и быте казахов, воспоминания, сборники народных песен и поэм, научные труды, посвященные исследованиям богатства казахской степи и красоты природы, инженерные сооружения, архитектуру и карты городов. Во всем этом изображен трудолюбивый, свободный дух казахского народа, почитающий свой национальный язык и традиции.

Абай Кунанбаев первым из казахских акынов познал духовный мир польского народа и перевел на казахский язык стихотворения Адама Мицкевича. С момента обретения независимости между Казахстаном и Польшей установлены надежные политико-экономические, общественно-культурные, международные отношения, но литературно-духовные связи развиваются достаточно медленно. Поэтому в данной исследовательской статье изучение тематической, сюжетной, идейной, композиционной общности комедийных произведений вносит определенный вклад в развитие взаимосвязей между двумя странами.

Если взглянуть на историю разных народов мира, то в самом процессе возникновения комедии в разных странах есть свои национальные неповторимые особенности: в психологии, культуре и традициях. Но несмотря на все эти различия, нетрудно увидеть много сходств. Они выражаются в том, что появление комедии в любой стране связано с народным творчеством, основано на народных традициях.

Поэтому в качестве объекта исследования взяты казахские и польские драматические произведения, в основе которых лежат исторические, культурные, социально-политические события в них раскрывается национальный менталитет, авторское мировоззрение, общность идейно-тематических основ произведений, типологии, структурная система, сюжетный обмен. Начальные каналы казахско-польских литературных отношений были связаны с историко-социальными условиями между двумя странами. Позже, в 1960-1980 гг. XX в., был следующий этап этих отношений. В настоящей статье проведен анализ данных процессов и определено, что процесс развития связей продолжается в драматических произведениях казахских и польских комедиографов.

Л и т е р а т у р а

1. Al Fundamentals of playwriting: Textbook. – 6th edition, revised.-Saint-Petersburg: Publishing house «San»; Publishing house «The planet of Music», 2013. –288 p.
2. Адамбеков С. Қожанасыр қақпасы: әңгімелер, пьесалары. – Алматы: Жазушы, 1989. – 317 б.
3. Бадовски Р. Польские певцы Казахстана: историческая литература. – Семей: Международный клуб Абая, 2005. – 165 с.
4. Белинский В. Г. обрание сочинений : В 3 т. Т. 2, Статьи и рецензии 1841-1845 / В. Г. Белинский; Под общ. ред. Ф. М. Головенченко; Ред. С. П. Бычков. – Москва: Гослитиздат, 1948. – 931 с.
5. Бөкен Г. С., Шапауов Ә. Қ. Қазақ-поляк әдеби байланысының кейбір мәселелері // «Мәлік Ғабдуллин феноменін зерттеу және зерделеу мәселелері» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Көкшетау. 25 қараша, 2015. – 278 б.
6. Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания: [в 5 т.] / [сост. и вступ. статья И. Фрадкина]; [коммент. Е. Эткінда и И. Фрадкина]. – Москва: Искусство, 1963-1965. – 240 с.
7. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. С. И. Машинского [и др.]. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 324 с.
8. Горбунов Е. Идеи. Конфликты. Характеры. – Москва: Советский писатель, 1960. 304 с.
9. Ғабдуллин Н. Ғ. Мүсірепов – драматург. – Алматы: Өнер, 1982. – 275 б.
10. Жирмунский В. М. Избранные труды: Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Ленинград, 1979. – 238 с.
11. Жүнісов С. Кроссворд немесе әзіл маскарад. Екі бөлімді сатиралық комедия // Жүнісов С. Өліара: Пьесалар мен мақалалар. – Алматы: Өнер, 1985. – 376 б.
12. Исагулова Б. Х. Художественно-драматургического двуязычие: социолингвистический и психолингвистический аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алматы, 2006. – 24 с.
13. Конрад Н. И. Запад и Восток. – Москва, 1966. – 337 с.
14. Мрожек С. «Policja» // Мрожек С. Тестариум: Избранные пьесы и проза. М.: Арт-Флекс; Вахазар, 2001.– 832 с.
15. Мрожек С. Хочу быть лошадыо (Сатирические рассказы и пьесы). – Москва: Молодая гвардия, 1990.–310 с.
16. Мұхамеджанов Қ. Таңдамалы: Пьесалар. Әдеби сценарийлер. Өнер жайлы ойлар. – Алматы: Жазушы, 1989. –121 б.
17. Сәтбаева Ш. Қ. Бес томдық шығармалар жинағы. I том. – Астана: Елорда, 2007. – 336 б.
18. Т. Ружевич. Избранное (Поэмы, пьесы, проза). М. Худож. литература, 1979. – 320 с.
19. Шапауов Ә. Қ. Драмдағы дәстүр. Монография. – Павлодар. С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті, 2004. – 284 б.
20. Янушкевич А. Күнделіктер мен хаттар. – Алматы: Жалын, 1979. – 323 б.

References

1. Al Fundamentals of playwriting: Textbook. – 6th edition, revised.-Saint-Petersburg: Publishing house «San»; Publishing house «The planet of Music», 2013. –288 p.
2. Adambekov S. Қожанасыр қақпасы: әңгімелер, p'esalary. – Almaty: Zhazushy, 1989. – 317 b.
3. Badovski R. Pol'skie pevcy Kazahstana: istoricheskaya literatura. – Semej: Mezhdunarodnyj klub Abaya, 2005. – 165 c.
4. Belinskij V. G. obranie sochinenij : V 3 t. T. 2, Stat'i i recenzii 1841-1845 / V. G. Belinskij; Pod obshch. red. F. M. Golovenchenko; Red. S. P. Bychkov. – Moskva: Goslitizdat, 1948. – 931 s.
5. Boken G. S., Shapauov Ә. Қ. Қазақ-polyak әдеби байланысның кейбір мәселелері // «Мәлік Ғабдуллин феноменін зерттеу және зерделеу мәселелері» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік konferenciya materialdary. – Kөkshetau. 25 қараша, 2015. – 278 b.
6. Brekht B. Teatr: P'esy. Stat'i. Vyskazyvaniya: [v 5 t.] / [sost. i vstup. stat'ya I. Fradkina]; [komment. E. Etkinda i I. Fradkina]. – Moskva: Iskusstvo, 1963-1965. – 240 s.

7. Gogol' N. V. Sobranie sochinenij: V 6 t. / Pod obshch. red. S. I. Mashinskogo [i dr.]. – Moskva: Goslitizdat, 1959. – 324 s.
8. Gorbunov E. Idei. Konflikty. Haraktery. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1960. 304 s.
9. Fabdullin N. F. Mysirepov – dramaturg. – Almaty: Öner, 1982. – 275 b.
10. Zhirmunskij V. M. Izbrannye trudy: Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad. – Leningrad, 1979. – 238 s.
11. Zhynisov S. Krossvord nemese əzil maskarad. Eki bəlimdi satiralyk komediya // Zhynisov S. Əliara: P'esalar men maqalalar. – Almaty: Öner, 1985. – 376 b.
12. Ismagulova B. H. Hudozhestvenno-dramaturgicheskogo dvuyazychie: sociolingvisticheskij i psiholingvisticheskij aspekty. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. – Almaty, 2006. – 24 s.
13. Konrad N. I. Zapad i Vostok. – Moskva, 1966. – 337 s.
14. Mrozhek S. «Policija» // Mrozhek S. Testarium: Izbrannye p'esy i proza. M.: Art-Fleks; Vahazar, 2001. – 832 s.
15. Mrozhek S. Hochu byt' loshad'yu (Satiricheskie rasskazy i p'esy). – Moskva: Molodaya gvardiya, 1990. – 310 s.
16. Mұhamedzhanov Қ. Таңдамалы: P'esalar. Ədəbi scenarijler. Öner zhajly ojlar. – Almaty: Zhazushy, 1989. – 121 b.
17. Sətbəeva Sh. Қ. Bes tomдық shyfarmalar zhinary. I tom. – Astana: Elorda, 2007. – 336 b.
18. T. Ruzhevich. Izbrannoe (Poemy, p'esy, proza). M. Hudozh. literatura, 1979. – 320 s.
19. Shapauov Ə. Қ. Dramadary dəstyr. Monografiya. – Pavlodar. S. Torajryrov atyndary Pavlodar memlekettik universiteti, 2004. – 284 b.
20. Yanushkevich A. Kyndelikter men hattar. – Almaty: Zhaly, 1979. – 323 b.

О. И. Иванова, С. П. Павлова

**Человек в урбанистическом пространстве
(на материале сборников рассказов
А. А. Амбросьева-Сиэн Мунду и романа Б. А. Ханова
«Развлечения для птиц с подрезанными крыльями»)**

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье на основе сопоставительного метода анализируются сборники рассказов А. А. Амбросьева – Сиэн Мунду «Сказки нашего города...», «Анджелины Джолли живет в Якутии» и роман Б. А. Ханова «Развлечения для птиц с подрезанными крыльями». Методологической базой исследования послужили труды Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, В. Н. Топорова. Оба писателя, являясь, соответственно, представителями якутской и татарской культур, пишут на русском языке. В рассказах А. А. Амбросьева персонаж предстает в городском ландшафте Якутска. Писателя чаще всего привлекают неприглядные картины города, а самым ярким в сборниках является образ печального дома с вонючими подъездами, напоминающий разграбленное пиратами и брошенное командой судно. Якутск в сборниках выглядит как провинциальный город, в котором по преимуществу проживают маргинальные жители. Они в большинстве своем несчастны, одиноки, их не волнуют глобальные современные проблемы, а больше всего – частные проблемы личного характера.

Город Элнет Энер у Б. А. Ханова – более современный и красивый, но один из героев романа воспринимает его как «симулятивное пространство» с предсказуемыми соблазнами и программными сбоями. В «игровом» пространстве города живут достаточно пессимистично настроенные люди: вчерашние выпускники с профильным образованием становятся продавцами-консультантами, пиццмейкеры вовсе не мечтали о такой профессии с детства. Наиболее удачливые из горожан занимаются блогерством, коучингом, графическим дизайном. Печальное резюме автора: впереди не просматривалось единства – ни ментального, ни территориального, ни экономического. В центре внимания писателя: студентка-феминистка Ирина, отчислившийся из вуза блогер Елисей, владелец бара крафтового пива Сергей Хрипонин и несчастный сын олигарха Марк.

Ключевые слова: человек, урбанистическое пространство, А. А. Амбросьев-Сиэн Мунду, Б. А. Ханов, городской текст, локальный текст, провинциальный город, топос, локус, образ.

ИВАНОВА Оксана Иннокентьевна – к. филол. н., доцент, заведующий кафедрой «Русская и зарубежная литература» филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: oi.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Oksana Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ПАВЛОВА Сардана Петровна – заведующий кабинетом кафедры «Русская и зарубежная литература» филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

PAVLOVA Sardana Petrovna – office manager, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

O. I. Ivanova, S. P. Pavlova

Man in urban space: The case of collected short stories by A. Ambrosiev-Sien Mundu and novel "Entertainment for Birds with Clipped Wings" by B. Khanov)

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Based on the comparative method, the article analyzes the collections of short stories "Tales of our city ...", "Angelina Jolie lives in Yakutia" by A. Ambrosiev - Sien Mundu and novel "Entertainment for birds with clipped wings" by B. Khanov. The methodological basis of the study was the works by Yu. Lotman, M. Bakhtin, V. Toporov. Both writers, being, respectively, representatives of the Yakut and Tatar cultures, write in Russian. In the stories of A. Ambrosiev, the character appears in the urban landscape of Yakutsk. The writer is most often attracted by unsightly pictures of the city, and the most striking in the collections is the image of a sad house with smelly entrances, reminiscent of a ship plundered by pirates and abandoned by the crew. Yakutsk in the collections looks like a provincial city, which is predominantly inhabited by marginalized residents. For the most part, they are unhappy, lonely, they are not worried about global modern problems, and most of all – private problems of a personal nature.

Elnet Ener is more modern and beautiful, but one of the heroes of the novel perceives it as a "simulation space" with predictable temptations and software failures. Quite pessimistic people live in the city's "gaming" space: yesterday's graduates with specialized education become sales assistants, pizza makers have not dreamed of such a profession since childhood. The most successful of the townspeople are engaged in blogging, coaching, graphic design. The sad summary of the author: there was no unity ahead - neither mental, nor territorial, nor economic. The writer focuses on feminist student Irina, blogger Yelisey who dropped out of the university, Sergey Khriponin, the owner of a craft beer bar, and Mark, the unfortunate son of an oligarch.

Keywords: man, urban space, A. Ambrosiev-Sien Mundu, B. Khanov, urban text, local text, provincial town, topos, locus, image.

Введение

Интерес к исследованию локальных текстов, а именно городских текстов и запечатленного в них образа города возник еще в 1970-1980-е гг. XX в., когда в 1984 г. В. Н. Топоров ввел в научный обиход понятие «петербургский текст». Его работа «Петербургский текст русской литературы», подход к анализу мифологии Петербурга легли в основу дальнейших исследований городских текстов. На сегодняшнее время в изучении провинциальных текстов русской культуры выделяются исследования по семантике городской среды, также локальные тексты оренбургского, крымского, калининградского, северного и др. пространств, в каждом из которых достаточно конкретно определяются принципы анализа локального текста как уникальной художественной системы, смыслового целого, аккумулирующего в себе особенности геокультурных характеристик данных территорий. По отношению к якутской литературе можно говорить о возможности использования понятия «городского» текста, что подтверждается активной дифференциацией художественных элементов, складывающихся в единый текст и образующих целостные культурные коды, которые активно вовлечены в критерии выделе-

ния этого особого геопространства. Исследователь С. Е. Карманова (Ноева) отмечает, что «в исследовании городских текстов стоит обратиться к основным характеристикам, меткам-образам, составляющим неповторимый облик города, определяющим его избранность и роль, претендующую на текстовость в ряду других локальных городских ландшафтов, и, самое главное, обуславливающим характер подхода к изучению данного текста. Методология подхода к изучению городского текста определяется выстраиванием определенной модели анализа, где центральную роль играет выделение структурообразующих характеристик, признаков, составляющих уникальный портрет провинциального города Якутска и определяющих его исключительную статуальность в ряду других городских ландшафтов» [4, с. 123].

Целью статьи является проведение сравнительного анализа образов персонажей в урбанистическом пространстве на материале рассказов якутского писателя Алексея Амбросьева и романа татарского писателя Булата Ханова «Развлечения для птиц с подрезанными крыльями». Новизна статьи обусловлена тем, что ранее образ человека в урбанистическом пространстве в произведениях данных писателей не был предметом исследования литературоведов. К проблеме исследования человека в городском пространстве обращается Ю. М. Лотман («Семиосфера»), где исследователь считает образ словесным изобразительным знаком: «знаковая природа художественного текста двойственна: с одной стороны, текст прикидывается самой реальностью, прикидывается имеющим самостоятельное бытие, независимое от автора, вещь среди вещей реального мира» [6, с. 158]. В. Н. Топоров в своей работе «Петербургский текст» [8] предложил необычную методику изучения города как текста. Петербург в «Петербургском тексте» оказывается городом-мифом, а не только обычным пространством. Кроме этого, город является своеобразным зеркалом, где Россия ищет себя, собственное отражение, стремится постичь себя. М. М. Бахтин в исследовании «Идея искусства» показал, что художественный мир определен кругозором героя, поставленным автором в центр создаваемого образного единства, ограниченного в пространстве и времени точкой зрения героя.

Задачи статьи: 1) проанализировать рассказы якутского писателя А. А. Амбросьева и роман Б. А. Ханова с точки зрения изображения человека в урбанистическом пространстве; 2) определить общие черты и отличия в изображении образа человека в городском ландшафте в произведениях Б. А. Ханова и А. А. Амбросьева. Методологическую и теоретическую основу исследования составили труды В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина. К теме «человек в городском ландшафте» обращались также современные исследователи Е. В. Ершова [3], А. В. Люликова [7], С. Е. Карманова (Ноева) [4; 5].

Человек в городском ландшафте

Алексей Амбросьев-Сиэн Мунду – писатель, переводчик и сценарист, первое большое произведение «Повесть безвременья» было опубликовано в журнале «Полярная звезда» в 2006 г. Его перу принадлежат множество повестей, рассказов. Книги «Сказки нашего города», «Анджелина Джоли живет в Якутии», «Полкоробка спичек и вся жизнь» никого не оставят равнодушными. А. А. Амбросьев является одним из представителей якутской современной литературы, он пишет на русском языке, его еще называют «правдивым сказочником» за его способность передавать якутскую действительность. В своих коротких и познавательных рассказах писатель тонко красной нитью рисует картины, в которых читатель может узнать себя, словно заглядывая в зеркало. В своих рассказах он повествует о жизни якутских горожан. В одном из своих интервью на вопрос: «В чем ваша миссия?» писатель ответил: «Да нет у меня никакой миссии! У меня есть просто потребность написать о том, как живут самые простые люди вокруг меня со всеми своими радостями и горестями» [1, с. 3]. Его рассказы небольшие, но с первых страниц захватывают читателей целиком, завоевывают простотой и правдивостью. Его

герои – обыкновенные жители города Якутска. Его задача – «рассказать о взгляде на мир представителя народа саха, который думает на двух языках, но пишет на русском» [1, с. 3]. Якутский писатель отражает простую жизнь провинциального городка. Мы видим картину жизни суровой северной столицы – Якутска.

Сборник «Сказки нашего города» открывается небольшим рассказом «Присказка», где ярко рисуется картина города. Перед нами Крестьянский рынок, где девушки в фуфайках холодными зимними днями торгуют рыбой: «укутанные в сто фуфаяк девочки якутки с обмороженными щечками, продающие мороженую рыбу. Они его любят за честность и что там, где старик, продажа всегда идет бойчее...» [2, с. 4]. Герой рассказа – старик – родился и вырос на берегу студеного северного моря, на старости лет он перебирается в город и зарабатывает на жизнь, давая подсказку местным жителям о качестве рыбы. Заработанные деньги он тратит на выпивку и закуску. Среди этих серых стен Якутска он невольно вспоминает о своем детстве, о любви к своей женщине: «Огни рынка гаснут, а ему, сквозь стылый декабрьский туман и теплую дремоту алкоголя, слышится смех его жены... и он не может оторвать глаз от своей жены, чей залиvistый смех заполнил все пространство земли от темного моря до самого купола синего-синего неба. И у нее такое же упругое и извилистое тело, как и у пойманных им рыб...» [2, с. 4]. В зимний туманный город постепенно прокрадывается солнце и красит его в яркие цвета. Серые неинтересные стены украшаются лучами солнца и принимают причудливые очертания: «И в этом мареве – дьэргэлгэн – дома и другие городские строения принимали причудливые, порой просто фантастические очертания. Дьэргэлгэн скрасил все: ветхость убогость деревянных домишек, серость и безвкусицу железобетонных громад...» [2, с. 5]. В предисловии писатель отчетливо рисует картину города. Преобладают оттенки серого и белого цветов, но с наступлением летних вечеров солнце окрашивает местность в ярко-желтые цвета, скрывая всю убогость Якутска. Человек кажется очень маленьким посреди этих просторов. Автор использует словосочетание «величественная Туймаада», тем самым выделяя крошечность человека по отношению к городу. С наступлением лета возрождаются жители Якутска, появляется надежда на завтрашний день: «И на какое-то мгновение, глядя на эту картину, он увидел любимый город завтрашнего дня» [2, с. 5].

Писатель отражает простую жизнь провинциального городка. Мы видим картины жизни суровой северной столицы – Якутска. В рассказе «Сдаю 1-комн. благ. кв.» автор с помощью обыденной картины раскрывает характер героини. Утром главный герой узнает, что коллега по работе сдает очень хорошую благоустроенную квартиру в 202-м микрорайоне города. Сергей вспоминает про своего двоюродного брата – Кешу, который с семьей был вынужден кочевать из одного арендуемого дома в другой. Автор смог ярко передать городской пейзаж якутской окраины: «Это был печальный дом с вонючими обоссанными грязными подъездами без стекол и дверей, навевающий тоску уже одним своим видом. Стоящий в окружении густых зарослей камыша, просевший в землю по самые окна первого этажа дом напоминал разграбленное пиратами и брошенное командной судно, приставшее по воле волн к дикому берегу. Завершали картину убожества полуразвалившийся туалет и изредка убираемая гора мусора, куда можно было добраться только досками. Но весной и осенью, а также во время сильных летних дождей, большая часть этих досок срывалась под водой, заставляя жильцов несчастного дома превращаться в экстремалов. Как ни странно, они, включая бабушек и детишек, весьма ловко балансировали по скользким островкам досок и в лужу практически никогда не оступались – видимо, постоянные тренировки давали о себе знать. А вот гостям, которые чаще всего были подшофе (другие сюда и не наведывались), ни разу сухими уйти не удавалось» [2, с. 6]. Среди этой грязи, мерзости и пьяных жителей вынуждена была жить эта семья из-за нехватки средств. Главный герой Сергей смог договориться (как он сам думал) со своей коллегой, чтобы она сдала в аренду свою квартиру его

брату Кеше. Каково было удивление Кеши, когда, приехав в назначенный час, он узнал, что хозяйка устроила целый кастинг. Плюс ко всему хозяйка со своей подругой унизили арендатора. Наутро Сергей узнает, что коллега устроила из этого мероприятия предмет развлечения, увлекательно рассказывала о своем собеседовании, принижая участников мероприятия. А что было бы, если бы женщина проявила чуткость и сострадание по отношению к молодой семье? Она бы получила огромную благодарность от них и завоевала бы уважение Сергея, а самое главное, она сделала бы счастливыми несколько людей одновременно. В этом рассказе город и его жители давят на «маленького человека», заставляют его опустить руки. Равнодушие и непонимание со стороны окружающих заставляют человека чувствовать себя никчемным, в конечном итоге приводят к разочарованию, ненависти к себе.

В рассказе «Бизнес на похоти» автор показывает, что ради легких денег люди способны забыть про честь и достоинство. Главный герой сдает в аренду квартиру на условиях почасовой оплаты. Постепенно его окружение меняется не в лучшую сторону, появляются бесконечные пьяные люди, легкомысленные женщины, частые визиты участкового милиционера, бесконечные драки и разборки. Ради выгоды герой терпит унижения и оскорбления, убирает за клиентами мусор. Однажды отец прозвал сына «уборщиком презервативов», но даже это его не обидело: «Его больше всего радовало, что ему не надо вставать в семь утра, ехать куда-то по темной морозной улице на работу, отчитываться перед главным редактором, сидеть на скучных мероприятиях и, самое главное – не надо писать очередную никому не нужную статью к определенному сроку...» [2, с. 18]. Иногда простым людям только таким образом удастся удержаться на плаву. Сашка, герой произведения, после очередного увольнения с работы, поговорив с женой, решили сдавать квартиру. В результате он невольно становится хранителем тайн своих друзей. В квартире происходит множество историй, одна похожа на другую, но однажды в квартире он застает пьяного, в нем трудно было узнать утреннего солидного человека в галстуке. Этот арендатор рассказывает, что его жена и ребенок находятся в больнице, а он тут развлекается. Изложенный выше случай показывает духовную опустошенность людей, их безнравственность. Ради денег и доступных связей горожане способны забыть о чувстве собственного достоинства.

Общение – это великий дар природы. Долгие разговоры за чашкой чая могут стать лучшим лекарством. Порой из простой беседы можно узнать о своем собеседнике многое, заглянуть в душу человека. Так случилось с героем рассказа «Очки за две тысячи рублей». Из разговора мы узнаем, что речь идет не только о сломанных очках. За этой историей таится глубокое одиночество немолодой женщины. Рассказ начинается с атмосферы Нового года, герой оказывается один в новогоднюю ночь и внезапно в ларьке рядом с домом знакомится с женщинами, которым нужна помощь, чтобы открыть бутылку вина. Таким образом он оказывается в их квартире. Хозяйка квартиры оказалась прекрасной хозяйкой и разносторонним человеком. В простых рассказах людей таятся необыкновенные и глубокие чувства, и лишь некоторые могут глубоко прочувствовать эти моменты: «Последние слова она произнесла так тихо, что я их кое-как расслышал. Петровна помолчала, шмыгая красным носом еще кое-какое время, потом взглянула на меня слегка покрасневшими, но уже смеющимися глазами и знакомым голосом сказала: “А мы тут что – хороним кого-то?! А ну, Семен, марш в магазин!”» [2, с. 65]. В городе герои живут в обычных многоэтажных домах, некоторые только переехали и празднуют новоселье как героиня рассказа Антонины Петровна: «Однокомнатная квартира вся заставлена коробками и несобранной мебелью, непривычно видеть работающий плазменный телевизор плашмя на полу... Свободное пространство есть только на кухне, где за богато сервированным столом с разной снедью сидят две веселые дамы примерно одного с Антониной возраста. Познакомились» [2, с. 60].

Город в рассказе самый обыкновенный, серый, с равнодушными стенами, магазинами, где продают спиртное. Но он также выступает в роли хранителя тайн, нужно лишь прислушаться, взглянуть в глаза собеседника. Казалось бы, описана обычная жизнь самого обыкновенного человека. Однако писатель тонко передает читателям мысль, что каждый человек, живущий в этих огромных многоэтажных домах, умеет чувствовать и за маской обыкновенного соседа или любого прохожего скрывается целая книга его души. Рассказ не только об очках за две тысячи рублей, а об одиночестве, о роли женщины в мире, о том, как важно быть любимой и нужной, о простом женском счастье.

Можно прийти к выводу, что писатель в своих рассказах развивает тему «маленького человека». Однако мастер слова не акцентирует внимание на невысоком социальном положении героев. В большинстве рассказов прослеживается тема одиночества. Дни в городе скучные и серые, но люди в этом сером городе по-своему счастливы. Надо сказать, что город передает настроение жителей, вместе с городом меняется и сам человек. Образ города в рассказах воспринимается в серых и белоснежных оттенках, каждый год в Якутск прокрадывается весна, красит улицы в разные цвета. Писатель рисует якутские улицы, многоквартирные дома, коридоры больниц. Весной окраина города превращается в настоящее болото. Люди в рассказе «Сдаю 1-комн. благ. кв.» равнодушные, неспособные протянуть руку помощи другим, думают лишь о собственной выгоде. Согласно терминологии Ю. М. Лотмана, дом, описанный в этом рассказе, можно причислить к категории «ложного дома» [6, с. 314]. Лотман пишет: «Дом... – внутреннее замкнутое пространство, носитель значений безопасности, гармонии культуры, творчества. За его стенами – разрушение, хаос, смерть. Квартира – хаос, принявший вид дома и вытеснивший его из жизни» [6, с. 320]. В рассказах А. А. Амбросьева город представлен из окон простых горожан, автору интересно описывать чувства простого человека. Образы города перекликаются с внутренним состоянием героев. Якутск в рассказах Амбросьева противоречив: с одной стороны, это город, где люди обретают свое тихое и уютное счастье; с другой, люди живут пустой и никчемной жизнью. Но одно остается неизменным: во всех рассказах писатель, описывая простую жизненную ситуацию, показывает подлинные чувства героев.

Одним из замечательных писателей современности является художник слова из Татарстана Булат Альфредович Ханов. Молодой писатель публиковался в таких журналах, как «Дружба народов», «Октябрь», в сетевых изданиях «Литература», «Textura». Б. А. Ханов является лауреатом премии «Лицей», где занял третье место в номинации «Проза». Нашумевший роман «Гнев» вышел 2017 г. в издании «Эксмо». В 2020 г. в журнале «Знамя» был опубликован рассказ «Когда свет заполнит все», который посвящен делу «Сети», и в этом же году вышел его новый роман «Развлечения для птиц с подрезанными крыльями». В этом романе действие происходит не в Москве и не в Петербурге, а в вымышленном городе Элнет Энер, который является столицей национальной республики Беледыш. Автор демонстрирует умение хорошо выстраивать сюжет, держать читателя в напряжении. В произведении несколько героев: магистрантка-феминистка, блогер, «мажор» и владелец пивного бара. Все герои живые и каждый читатель может в них узнать себя. Автор смог уловить и описать современную жизнь и современных людей. В этом романе обнаруживается связь с остальными его романами, герои – потерянные, не признающие иерархию, категоричные. Каждый изображенный герой обладает индивидуальной идеологией. Объединяющим сюжетным элементом в романе является крафтовое пиво. Также данный элемент утверждает главную идею романа. Пессимистичную и безысходную, как цитата про пустое бесконечное, которую Ханов выносит в эпиграф. На первых же десяти страницах один из героев формулирует меседж книги – вроде бы в шутку, но на самом деле всерьез: «Радуйся, потому что прошло. Огорчайся, потому что было» [9, с. 26].

Названия глав посвящены именам героев, от лица которых ведется повествование, автор рассказывает историю с четырех точек зрения. К финалу произведения собирается картина произошедшего и не теряется индивидуальность каждого персонажа. Роман можно назвать идеологическим – все герои придерживаются определенных взглядов на мир. Ира является этнографом, студентом магистратуры, выиграла президентскую стипендию на продолжение учебы в Польше, но из-за нехватки финансов остановилась в Элнет Энере. Она девушка 21-го века: красивая, умная, независимая, разделяет взгляды феминизма, закрыла «токсичные» отношения и не хочет новых. Елисей – пивной блогер с семью тысячами подписчиков. Приехал в город по приглашению своего друга, оставив эгоцентричную девушку, бросил учебу в Петербурге. Полгода страдает фарингитом, приехал в Элнет Энер с надеждой, что смена климата пойдет ему на пользу. Сергей Хрипонин – предприниматель, держит в городе супермаркет эко-товаров, женат, имеет сына и дочь, и является братом главы города. Также он является хозяином бара «Рекурсия», где разворачиваются главные события романа. Сергей – материалист, который ценит деньги и власть, но, как человек расчетливый, он не любит расчетливость в других. Он помнит свою жену другой, воздушной, влюбленной, которая не боялась показывать эмоции. Но с годами жена перестала нуждаться в любви, а стала нуждаться в верности не ей, а установленным в семье порядкам. Его жизнь стала напоминать американский фильм. Жена Сергея Лиза так же расчетлива, как и муж.

Ира и Елисей, можно сказать, сбежали из своих городов в надежде найти себя, покой, но в результате находят друг друга. В разговоре с Елисеем Ира говорит о своем бывшем парне: «Через разрушительную связь с этим взбалмошным человеком я, видимо, пыталась найти себя. Наверное, хотела бросить вызов маме» [9, с. 98]. Из диалога двух молодых людей складывается ощущение, что они бегут от себя. Ира является противоположностью предыдущей девушки Елисея Лены: она живая, общительная, независимая. Незаметно для себя Елисей влюбляется в нее: «отмечал про себя, что попадает под ее обаяние и не сопротивлялся этому» [9, с. 101]. Атмосфера города влияет на сближение двух героев: «Пока они сидели в баре, небо Элнет Энера окрасилось в сумеречный лавандовый цвет. Солнце, по расписанию укатившееся за горизонт, оставило ностальгические сливово-сизые разводы, с дионисической щедростью размазанные по кромке. Плотный воздух словно застыл, сберегая остатки летнего тепла. На фасадах зажглась подсветка» [9, с. 96]. Слово город подталкивает двух людей на откровения и душевные разговоры. Во время одной из встреч Елисей признается Ире в своих чувствах, после чего Ира впадает в панику, но пространство города заставляет ее раскрыть свои чувства, скульптуры и монументы словно подталкивают ее к новому знакомому: «Под прицелом муляжных пушек у Кремля Ира наконец-то отважилась заговорить о самом существенном. – Дула орудий наставлены на нас, как сумрак ночи» [9, с. 135].

Ира задает своему новому другу простой вопрос: «Что такое человек?». И этот вопрос еще не раз прозвучит в романе. Елисей считает, что человек – это картотека речевых стратегий: «человек окружает себя привычками, ритуалами, иногда разрушительными, иногда чудными, почти всегда избыточными. Он узнает себя в других и утаивает собственную сущность от типа, с которым пересекается в зеркале. Он одержим химерами: любовью и счастьем, истиной и красотой, порядком и покоем. Главная химера, пожалуй, носит имя реальности. Ее считают то жестокой, то невыносимо скучной... на деле человек вместо погони за бытием следует за тенями, раз за разом попутно отмахиваясь от принципов, которые в конечном счете тоже оборачиваются тенями, разве что более плотными и рельефными» [9, с. 103]. Эти слова прекрасно характеризуют самого героя. Герой стремится бежать от химер, названных им, поэтому неудивительно, что его идеологическим врагом становится человек предельно материалистичный. Данный вопрос автор вводит для того, чтобы определить жизненный девиз героев и четко дать характеристику своим персонажам. Что касается идеологии, то сердце Елисея

принадлежит психоанализу, он адепт фрейдолакановского знания и готов долго и терпеливо говорить об этом.

Елисей во время одного из следующих свиданий тоже задает встречный вопрос Ире: «Что такое человек?»: «Человек по натуре не плох и не хорош, не слаб и не силен, не ничтожен и не велик. Он в большей мере социален, чем биологичен, хотя отрицание его основы – это непозволительное упущение. Бакунин, считавший независимость каждого индивида целью и вершиной истории, утверждал, что в любом из нас есть бунтарское чувство, которое пробуждает тягу к свободе, подчас отталкивающую и пугающую нас самих. Я бы назвал это бунтарское чувство отправной точкой человечества. Во что в итоге оно выльется в том или ином случае, зависит в первую очередь от индивида и уж тем более не от высших сил, а от социального пространства. Тяга к свободе приобретает различные воплощения, число которых безгранично. С одной стороны, это творчество, коллективный труд, пиратские серверы с бесплатной музыкой, открытые проекты с горизонтальной организацией... чем сильнее человек стеснен, тем свирепее и прямее выражается его тяга к свободе» [9, с. 140]. В данных словах хорошо описана сама героиня Ира, не зависящая ни от чего феминистка, не желающая обременять себя узами отношений, всеми способами избегающая их. Также она изо всех сил подавляет чувства к Елисею по причине того, что не хочет изменять своим жизненным принципам. Она не хочет, чтобы ее считали ранимой девушкой, поэтому старается отказаться от всех чувств: «Как ни желала обнять Елисея на прощание, она подавила порывы. Нельзя, чтобы в ней увидели растроганную девушку, изменяющую своим принципам, которые только обозначила» [9, с. 141].

Грише и Владу, своим соседям, Елисей задал тот же вопрос. Гриша ответил: «Это существо, мучимое жадой даже после того, как ее утолило. На душе у человека скребут кошки, вне зависимости от того, счастлив он или нет. Он возводит города с офисами, банками, храмами, централизованным отоплением, а затем кается, что не живет в гармонии с природой. Он обожает упускать возможности и сожалеть о них, он мечтает о дорогах и расстояниях, несмотря на то, что больше всего ценит хрупкий покой, особенно после того, как теряет его» [9, с. 159]. Влад изъяснился короче: «Человек – это закодированный белок. На ногах и без перьев» [9, с. 159]. Влад является «айтишником», делит с Гришей и Елисеем квартиру. Он занимается криптовалютой и изредка отлучается от компьютера, покидая свою комнату с целью поесть.

Самой загадочной фигурой в произведении является Марк. Он – сын состоятельных людей, страдает алкоголизмом. Марк старше Иры и Елисея, но моложе Сергея. Выступает в романе в роли некоего «волшебного помощника», который всегда при деньгах и угощает всех пивом. Марк – заблудившийся в жизни человек, как и остальные герои романа. Из содержания романа нам становится ясно, что он не терпит своего отца, которого считает националистом. Сбежав от отца, он осел в городе Элнет Энер и растрчивает отцовские миллионы и свою жизнь. Его отец – материалист, который признает только деньги и власть, в этом он похож на Сергея Хрипони́на. Блуждая по барам города, случайно знакомится с остальными героями романа, встречи с которыми происходят при разных обстоятельствах. Во время одной из таких встреч Елисей задает вопрос, услышанный им от Иры. На этот вопрос Марк отвечает следующим образом: «Человек – это биосоциальное существо, субъект общественно-исторической деятельности... он не проповедник божественной воли и не жертва сатанинского искуса. Человек мечется от преувеличений к преуменьшениям и повсюду отмечает следы своей мнимой исключительности. Он либо переоценивает себя, либо недооценивает, либо все разом и никогда не достигает того, что горе-психологи именуют адекватной самооценкой. Он вообще склонен заблуждаться, но это полезное свойство, ведь заблуждения – это подпорки человеческого бытия. Он заблуждается, что станет образцовым семьянином, и создает семью. Человек заблуждается, что способен править без ошибок, и берет власть. Он заблуждается, что может выйти из повиновения, и тем самым доставляет власти удручающие хлопоты.

Наконец, он заблуждается, что не заблуждается, и благодаря этому балансирует на спасительные грани между самопринятием и самоотрицанием» [9, с. 247]. Эти слова, произнесенные Марком, прекрасно характеризуют его.

Отец этого героя обладает деньгами и властью, но применяет власть не в благих целях, его методы воспитания ломают собственного сына, он не смог стать хорошим семьянином, который любит своих детей: «Его отец – нелюдь, биологическое существо... у нелюдей совесть отсутствует» [9, с. 287]. Марк – прекрасный пример человека «с подрезанными крыльями», он не раз ронял свое достоинство, чтобы его снова топтали ногами. В конце романа он решает свести счеты с жизнью. Персонаж решает пожертвовать все свои бессмысленные деньги Ире и ее движению. После плотного завтрака он отправился на набережную, а город знает намерения Марка и прячет лишних людей по домам: «Из-за холода и сырости набережная пустовала. Прокат лодок закрылся до грядущего лета. Влюбленные парочки попрятались по домам, кафе и торговым центрам» [9, с. 374]. Город в глазах Марка предстает в мрачных и серых оттенках. Он неприветлив со своим новым другом, действие в романе происходит осенью, иногда город кажется жителям мрачным из-за облаков, закрывающих солнце: «Пелена осенних кучевых облаков застилала закат, от чего сумерки казались более зябкими и бесприветными. Фасады зданий источали холодный свет, ломаными волнами стелющийся по тротуарной плитке. Промоутеры, накинув капюшоны своих худи и ветровок, торопливо расставались с пестрыми листовками» [9, с. 134]. Осень уступает Зиме, в городе сворачивают работу палатки, продающие мороженое. «Студеный октябрьский воздух действовал как новокаин», излечивая душевные раны героя. В городе все дороги ведут в бар, где вывески обещают погрузить в былые счастливые дни.

Элнет Энер напоминает имитацию культурного города. Герои любят гулять по набережной, где безвкусно и хаотично расставлены памятники: «Здесь, на набережной, властвовала помпезность, любовно возведенная из неуместных элементов. Коллективный демиург в лице градостроителей безо всяких на то отчетливых причин возжелал соорудить отечестве целый квартал по образу и подобию бельгийского барокко и воплотил безумную мечту» [9, с. 112]. Граждане, занятые своими бытовыми проблемами, находили в этой красоте лишь расхищение народных денег, их мало волнует искусство или красота. Творец воздвиг данный квартал не ради веселья людей, а ради того, чтобы «оправдать свою миссию и возвеличить человечество в глазах Всевышнего, незримо наблюдающего за своими сынами и дочерьми из-под косматых бровей» [9, с. 113]. Автор сравнивает один из некогда великолепных заброшенных домов Элнет Энера с человеком, который страдает алкоголизмом: «Лет сто назад с хвостиком здесь, несомненно, обитало какое-нибудь обнаглевшее «ваше степенство» или «ваше благородие», а теперь дом напоминал потухшего пьянчугу, стыдившегося своей участи» [9, с. 135]. К удивлению героев, дом стоял в целости и сохранности, здание не замусорено и в нем нет бомжей. Писатель одушевляет дом, сравнивая его с человеком.

В современном социальном пространстве человек, по мнению героев романа, характеризуется как биосоциальное существо, которое всю жизнь ищет любовь и счастье. Эти два абстрактных понятия заставляют человека двигаться по жизни. Действия человека определяют его сущность. Его жизнь состоит из привычек и предпочтений, он склонен заблуждаться в своих громких словах, действиях. Город незаметно меняет своих жителей, их мысли становятся другими, и Элнет Энер уже представляется гораздо более красивым: «На противоположном берегу в сияющем великолепии раскинулись великолепные высотки, снабженные консержами, подземным паркингом, видеонаблюдением, сигнализацией и прекрасным видом на Кремль. Ира с удовлетворением отметила про себя, что печальный эпизод с Ромой уже не злит ее, а воспринимается как комичное недоразумение. Сами же элитный микрорайон в сознании Иры отсылал не к одному из череды ее собственных промахов, а к панорамным снимкам Сан-Франциско» [9, с. 139].

Исторический квартал, который расположен неподалеку от автовокзала, манил людей сувенирными лавками, туристическими указателями, национальными закусочными. Эта набережная имела другую атмосферу, отличаясь от той набережной, где они часто гуляли. Заборы в этом квартале напоминали Ире полотно, где маляры оттачивали свое мастерство. История Элнет Энера была очень богатой. Краевед рассказал Ире об истории слободы: «по его словам, к моменту завоевания Элнет Энера русскими белендышцы уже прочно разделились на два разных народа: на умеренно христианизированный городской люд, состоящий из торговцев и ремесленников, и лесных язычников, молящихся в рощах духам и воспринимающих время так, словно оно исчерпывалось неизменным круговоротом весны, лета, осени, зимы... Краевед поведал о произволе русских церковников, о многовековых унижениях, о партизанской войне лесных белендышцев, которые вылезали из пещер и оврагов с ножами в зубах и мстили за поруганных духов и сокровленную землю» [9, с. 219]. Данная история и конфликт с Сергеем Хрипониным подтолкнет Иру на манифест в фестивале крафтового пива.

Элнет Энер – это провинциальный город с национальным колоритом, где находят приют герои романа и незаметно сплетаются их судьбы. Город выступает фоном для борьбы идеалов, герои влюбляются, спорят, отстаивают свои позиции. Ира – анархистка и феминистка, борется за свободу и отрицает необходимость принудительного управления. Елисей увлечен психоанализом, преследует неуловимые идеалы, не терпит материалистов, таких, как Сергей, который признает только власть и деньги, не любит расчетливых людей, ибо сам из их числа. Марк – алкоголик, запутавшийся в жизни, угнетенный отцом-материалистом.

Уникальность произведения в том, что писатель изображает современный город и говорит от лица миллениалов. Миллениалы – это люди, чья юность пришлась на период бурного развития электронной и вычислительной техники, герои размещают посты в «инстаграме», добавляют друг друга в друзья «В контакте», блокируют друг друга в социальных сетях: «Читая эти записи, Ира испытала смущение, будто наблюдала за ужимками актера, которому недостает мастерства. Несмотря на примерную грамотность и начитанность, Лена раз за разом пускалась в подростковые умствования, где концентрация избитых абстрактных фраз взлетала до критически высокой отметки и подменяла глубину и внятность посыла. Одни понятия произвольным образом рифмовались с другими. Любовь сплеталась то со счастьем, то с вечностью, то с наказанием, а одиночество приравнивалось то к свободе, то к ржавой клетке бессилия, то еще бог весть к чему» [9, с. 135].

Заключение

В рассказах А. А. Амбросьева Якутск – это прежде всего город, где живут самые обыкновенные люди, их заботят обычные жизненные проблемы. Герои работают в рядовых должностях: редакторами, автодорожниками и водителями скорой помощи, сдают квартиру в аренду. Город представлен с точки зрения простых горожан, автору интересно описывать чувства «маленького» человека. Образы города перекликаются с внутренним состоянием героев. Якутск в рассказах Амбросьева противоречив, с одной стороны, это город, где люди обретают свое тихое и уютное счастье. С другой, люди живут пустой и никчемной жизнью. Но одно остается неизменным: во всех рассказах писатель, описывая банальную жизненную ситуацию, показывает подлинные чувства героев. В отличие от героев романа Б. А. Ханова, герои А. А. Амбросьева чаще интересуются только своими личными проблемами, Якутск выглядит городом, где в основном проживают маргинальные личности, не задумывающиеся о том, что такое человек.

Булат Ханов в своем романе изображает нового человека. Персонажи являются нигилистами, они способны бунтовать против общественных норм. Елисей, Ира и Марк устраивают манифест против пивного фестиваля, который был согласован с мэрией Элнет Энера. К тому же Ира является феминисткой, выступает против патриархальных

устоев общества. Марк идет против семейных порядков, скрывается от тирании своего отца. Герои верят в общественный прогресс, все они – духовно свободные личности, не зависящие от мнения окружающих, материальных благ, от места жительства. Персонажи Ханова тоже являются обыкновенными людьми, которых объединяет культ крафтового пива. Писатель одушевляет дома Элнет Энера, сравнивая их с людьми. Несмотря на то, что образ дома является одной из смысловых и сюжетных доминант в русской литературе, человек в современном мире не нуждается в доме, он свободен от материальных ценностей, больше ценит духовное богатство. В городе Булата Ханова люди мало зависят от места жительства, работы, не зависят от материального. Все герои молоды, талантливы, активны, но у каждого из них «подрезаны крылья». И все же, невзирая на негативные обстоятельства, они находят свое место в мире и обретают внутреннюю свободу.

Персонажи рассказов А. А. Амбросьева в большинстве своем старше героев Б. А. Ханова, складывается впечатление, что они немного «застыли» в 90-х гг. XX в. Их волнуют бытовая неустроенность, отсутствие денег, одиночество. Город Якутск у Амбросьева выглядит неухоженным, зачастую недобрый по отношению к обитателям. Объединяет героев обоих писателей то, что они живут в небольших городах – центрах национальных республик, но при этом Элнет Энер описан как город более благоустроенный. Преобладающее большинство героев романа Ханова не живут в столице Беледыша постоянно, а сбежали туда от проблем в общении с близкими людьми. Они во что бы то ни стало хотят быть и выглядеть очень современными людьми. Из-за своей молодости персонажи татарского писателя, за редким исключением, более оптимистичны и коммуникабельны, лучше вписаны в городской ландшафт, чем герои А. А. Амбросьева.

Л и т е р а т у р а

1. Амбросьев А. А.-Сизн Мунду. Анджелина Джели живет в Якутии. – Якутск: Бичик, 2020. – 144 с.
2. Амбросьев А. А.-Сизн Мунду. Сказки нашего города... – Якутск: Сахапечат, 2016. – 96 с.
3. Ершова Е. В. Трансформация городского пространства в творчестве писателей «основного потока» второй половины XX века // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы 73-й региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. – Витебск, 2021. – С. 219-221.
4. Карманова (Ноева) С. Е. «Город на костях»: апокалиптические образы и мотивы Якутска в аспекте городского текста // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 2 (31). – С. 122-133.
5. Карманова С. Е. «Город на костях»: Якутск как экзистенциальный порог в якутской прозе XX в. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2020. – № 3 (77). – С. 74-84.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2010. – 704 с.
7. Люликова А. В. Урбанистический дискурс поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – № 3 (202). – С. 55-59.
8. Топоров В. Н. Петербургский текст. – М.: Наука, 2009. – 820 с.
9. Ханов Б. А. Развлечения для птиц с подрезанными крыльями. – Владивосток: Эксмо-Пресс, 2020. – 384 с.

R e f e r e n c e s

1. Ambros'ev A. A.-Sien Mundu. Andzhelina Dzholi zhivet v Yakutii. – Yakutsk: Bichik, 2020. – 144 s.
2. Ambros'ev A. A.-Sien Mundu. Skazki nashego goroda... – Yakutsk: Sahapachat', 2016. – 96 s.
3. Ershova E. V. Transformaciya gorodskogo prostranstva v tvorchestve pisatelej «osnovnogo potoka» vtoroj poloviny XX veka // Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike. Materialy 73-j regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, nauchnyh sotrudnikov i aspirantov. – Vitebsk, 2021. – S. 219-221.

4. Karmanova (Noeva) S. E. «Gorod na kostyah»: apokalipticheskie obrazy i motivy Yakutska v aspekte gorodskogo teksta // Severo-Vostochnyj humanitarnyj vestnik. – 2020. – № 2 (31). – S. 122-133.
5. Karmanova S. E. «Gorod na kostyah»: Yakutsk kak ekzistencial'nyj porog v yakutskoj proze XX v. // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. – 2020. – № 3 (77). – S. 74-84.
6. Lotman Yu. M. Semiosfera. – S.-Peterburg: «Iskusstvo – SPB», 2010. – 704 s.
7. Lyulikova A. V. Urbanisticheskij diskurs poemy Ven. Erofeeva «Moskva – Petushki» // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2017. – № 3 (202). – S. 55-59.
8. Toporov V. N. Peterburgskij tekst. – M.: Nauka, 2009. – 820 s.
9. Khanov B. A. Razvlecheniya dlya ptic s podrezannymi kryl'yami. – Vladivostok: Eksmo-Press, 2020. – 384 s.

В. П. Канарина

Слово о научной деятельности С. С. Суразакова и С. М. Каташева

НИИ алтаистики имени С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия

Аннотация. Статья приурочена к 70-летию Научно-исследовательского института алтаистики имени С. С. Суразакова и посвящена научной деятельности подвижников алтайской филологии, как С. С. Суразаков и С. М. Каташев. В ней речь идет о личностных, человеческих качествах и научной работе ученых. Рассматриваются статьи, посвященные оценке и анализу их творчества с позиций современной науки.

Ключевые слова: статья, отзыв, обзор, литературоведение, научная деятельность, С. Суразаков, С. Каташев, алтайский героический эпос, систематическое изучение.

V. P. Kanarina

A word about the research activities of S. S. Surazakov and S. M. Katashev

S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of the Scientific and Research Institute of Altaic Studies named after S. Surazakov and is devoted to the research activities of the ascetics of Altaic philology S. Surazakov and S. Katashev. It describes the personal, human qualities and research work of the scholars. The article is devoted to the evaluation and analysis of their creativity from the standpoint of modern science.

Keywords: article, review, literary criticism, research activity, Altaic heroic epos, systemic research.

КАНАРИНА Валентина Петровна – к. филол. н., научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики имени С. С. Суразакова.

E-mail: 90a70@mail.ru

KANARINA Valentina Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies.

Введение

Писать о докторе филологических наук, профессоре С. С. Суразакове и о его достойном ученике, кандидате филологических наук, теоретике, литературоведе, а также о критике, всесторонне изучившем алтайское стихосложение С. М. Каташеве интересно и увлекательно, потому что в них сочетаются поразительно глубокие в теоретико-практическом плане самые различные ипостаси литературной деятельности. Интересно потому, что для них характерен широкий подход к проблемам эпосоведения, стиховедения, литературной критики, методики преподавания, литературно-художественного творчества и литературоведения в целом. Здесь они выступают как выдающиеся мыслители, проницательные философы, теоретики и практики. Творческая одаренность и многогранность личности, широта научных пристрастий и высокий человеческий авторитет, стремительность взлета на пути к науке, необычайные упорство и целеустремленность в постижении знаний, пылливость ума и любознательность с самого детства – вот те качества, присущие для обоих.

Основная часть

О жизни и творчестве С. С. Суразакова и С. М. Каташева сказано много. Но нам хотелось бы сказать о научной деятельности. Сазон Саймович Суразаков был первооткрывателем именно систематического изучения алтайской литературы, алтайского героического эпоса, создателем методики преподавания их как предмета, зачинателем открытия в Горном Алтае Научно-исследовательского центра – Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ).

Именно в 1950-е гг., явившиеся началом закладывания ростков профессионального литературоведения, началась литературная и научная деятельность С. С. Суразакова. В это время большую роль в процессе дальнейшего становления критической мысли сыграла научная деятельность ГАНИИИЯЛ. Первые шаги литературоведческой науки в институте связаны с деятельностью С. С. Суразакова и его последователей: Т. С. Тюхтенева, С. С. Каташ, М. Д. Бочарова, Т. М. Тощакowej, З. С. Казагачевой, Н. А. Кучигашевой, Г. В. Кондакова и др. Одну из главных задач научных поисков исследователи видели в определении идейно-эстетических принципов алтайской литературы, в разработке основ теории и практики художественного творчества. За сравнительно небольшое время было опубликовано в Ученых записках ГАНИИИЯЛ значительное число статей по различным вопросам алтайского языка и литературы. С 1956 по 1975 гг. издано всего 11 выпусков Ученых записок.

Одним из первых литературоведческих работ по алтайскому литературоведению явилась монография Н. А. Баскакова «Алтайский фольклор и литература» (1948), созданная автором к 25-летию алтайской литературы. Ученым предпринята попытка обширного анализа пройденного алтайской литературой исторического пути с дореволюционного периода до середины XX столетия. Монография Н. Баскакова по праву явилась одной из первых обстоятельных работ, проложившей «мостик» для создания трудов «Алтайская литература» (1962) и «Статьи об алтайской литературе» под редакцией С. С. Суразакова, которая является коллективным сборником научных трудов ГАНИИИЯЛ. Книга С. С. Суразакова «Алтайская литература» (1962) остается фундаментальным исследованием, положившим начало систематическому изучению алтайской литературы. Лишь из-за того, что она написана на родном языке, труд не получил достойной и всесторонней оценки. За каждой строкой ученого, за каждым делом, за которое он брался, стоит кропотливая, честная, скрупулезная работа, полная отдача сил и энергии. Поэтому, правомерно называть Т. М. Тощакową, С. С. Суразакова, С. М. Каташева, Н. А. Кучигашеву и других подвижниками алтайской филологии, т. к. это слово «подвижничество» сродни слову привести в движение, подвиг, подвигнуть. Вышеназванных ученых и их последователей, их жизненный путь и творческое наследие можно с уверенностью обозначить одним словом – **Подвиг...**

«Имя профессора С. С. Суразакова больше связано с отечественной фольклористикой, нежели с литературоведением. Тем не менее, его литературоведческие труды также значимы, как и фольклористические», -отмечала Н. М. Киндикова. [5, 2008, с.177].

О значимости и роли научного наследия С. С. Суразакова в свое время писали С. С. Каташ и В. И. Чичинов в книге «Путь молодой литературы» (1975). Ими отмечалось, что «его (С. Суразакова – В. К.) литературоведческие работы отличаются глубиной анализа, великолепным знанием исследуемого материала, стремлением затрагивать проблемы, являющиеся актуальными в советском литературоведении. С. Суразаков всегда располагал большим фактическим материалом, этично и корректно доказывал правоту собственных принципов. Даже в вопросах литературного творчества, он сам брался за перо и бумагу, создавал стихи, поэмы, рассказы, романы.

Критико-биографический очерк С. Суразакова «Павел Васильевич Кучияк» (1957) является первой попыткой самостоятельного рассмотрения творчества писателя посредством биографического метода исследования. Он написан на алтайском языке. В нем обстоятельно прослежен весь жизненный и творческий путь писателя, поскольку это юбилейное издание. Анализ С. С. Суразакова, проникая в глубинную структуру кучияковского стиха, обретал приметы филологического, профессионально научного анализа. Таковы, к примеру, его размышления о первых стихах П. Кучияка, опубликованных в газете «Кызыл-Ойрот» в 1926-1928 гг. Исследователь критически отметил недостатки: «Первые стихи по художественности слабы. В них преобладает агитационно-призывный характер, но как художник, Кучияк мало показал картины жизни народа. Чтобы избавиться от этих ошибок, ему помог творческий опыт русских писателей» [6, с. 5]. Автор очерка выявляет недостатки в произведениях, для того чтобы объективно оценить творчество писателя.

С. Суразаковым указаны недостатки произведений П. Кучияка всех жанров: стихов, драм, поэм и т.д. К примеру, поэме «Арбачи» дана серьезная критическая оценка: «По художественности поэма имеет некоторые недостатки (во второй части поэт показал мало картин из жизни, в большинстве прибегая к публицистическим выражениям). Однако, по сравнению с предыдущими произведениями, замечен его творческий рост, что он вступил в правильный путь новой поэзии, заметно умелое использование им народно-поэтических слов» [6, 1957, с.15]. Мастерски проникновенно повествуя о жизни и творчестве писателя, С. Суразаков улавливает все перемены – творческие удачи и неудачи, спады и подъемы, трудности роста и необыкновенную работоспособность писателя. Исследователь правильно замечает: «Стихи, написанные Кучияком с 1935 по 1936 гг., составляют второй раздел его творчества, потому что они совершенно иные. Замечен в них отход П. Кучияка от лозунговости и агитационно-публицистических стихов к изображению широко значимых, определенных картин жизни» [6, с. 34]. Доказательна и динамична мысль исследователя. Указав на какие-либо факты, он достоверно, кратко и убедительно закрепляет свои доводы, используя большой фактический материал. О трудностях первых прозаических опытов П. Кучияка, о его деятельности по собиранию устного народного творчества совместно с А. Гарф, о значении всей творческой деятельности писателя написано добротно и лаконично. Считая, что жизненный и творческий путь такой одаренной личности, как П. Кучияк, может быть глубоко поучительным, ученый широко представил читательскому вниманию подробности эволюции его всесторонне богатой творческой природы. Это тем более актуально в условиях, когда на родину вернулись после окончания московского литературного института молодые поэты А. Адаров (1932-2005), Л. Кокышев (1933-1975), Э. Палкин (1934-1991) и вслед за ними целая плеяда ярких самобытных талантов: К. Телесов (1937-2000), Б. Укачин (1936-2003), П. Самык (1938), Ш. Шатинов (1938) и др.

Первой попыткой осмысления исторического пути алтайской литературы явился коллективный труд сотрудников ГАНИИИЯЛ подобной редакцией С. Суразакова «Алтай

литература керегинде статьялар» (Статьи об алтайской литературе, 1962). Сборник посвящен 40-летию Горного Алтая. Книга состоит из отдельных статей об алтайских писателях. Разнороден и авторский состав сборника – научные работники, писатели, литературные критики. Вследствие этого степень качества статей тоже разнообразна.

Насущной потребностью времени и литературного процесса стала необходимость написания истории алтайской литературы, в которой очень нуждались учителя, студенты, литераторы и широкая читательская масса. Ответом на этот запрос времени было создание капитального труда первого алтайского ученого, кандидата филологических наук С. С. Суразакова «Алтай литература» (1962). Монография явилась крупным вкладом в алтайское литературоведение, положив начало систематическому и глубокому научному изучению истории национальной художественной литературы. Книга стала итогом основательных исследований по истории алтайской литературы, проведенных ученым в 1950-60-е гг. В ней широко освещено творчество алтайских писателей в тесной взаимосвязи с историко-культурным и общественно-политическим процессом с до-революционного до периода Великой Отечественной войны.

Таким образом, С. Суразаков своими критическими замечаниями оказал действенное влияние на творчество алтайских писателей. Он не просто указывал на недостатки, но и часто задумывался об их причинно-следственной связи.

Итак, в монографии «Алтай литература» (1962) мысли автора постепенно, от раздела к разделу, превращались в стройную концепцию – в исследование истории алтайской литературы во всей ее сложности. Эта работа стала важным явлением, определяющим лицо алтайского литературоведения и дающим импульс последующему развитию литературоведческой мысли Горного Алтая.

Знаменательным явлением в алтайском литературоведении стало издание «Очерков истории алтайской литературы» (1969) коллективного труда сотрудников ГАНИИИЯЛ под руководством С. Суразакова. В ней впервые были осмыслены пути развития художественной прозы, поэзии и драматургии алтайского народа, обобщен опыт алтайских писателей и поэтов за период советской власти, определяющий основные условия формирования алтайской литературы. Главной особенностью данного труда является то, что он прослеживает связь алтайской литературы с ведущими принципами всей многонациональной литературы нашей страны. Основные концептуальные положения его легли в основу создания коллективного труда [2], изданного Институтом мировой литературы имени А. М. Горького РАН, при создании которого активное участие принимали наши литературоведы Т. С. Тюхтенев, В. И. Чичинов, С. С. Каташ, З. С. Казагачева и Г. В. Кондаков.

Заметно активизировалось развитие литературно-критической мысли в Горном Алтае на третьем этапе ее развития в 1970-90-е гг. XX в., это был самый интенсивный период в развитии алтайского литературоведения. О наиболее важных моментах научной деятельности своего Учителя написал в свое время С. М. Каташев. В частности, он отмечал, что С. Суразаковым обозначены три этапа возникновения и изучения героического эпоса алтайцев. И это сделано им на основе глубокого анализа, кропотливого и многолетнего изучения. До него эпос изучался многими русскими учеными, как В. В. Радлов, В. В. Вербицкий, Н. А. Баскаков, Л. П. Потапов, А. Л. Коптелов. Заслуга С. Суразакова в сравнительном изучении эпоса алтайцев с различными тюркоязычными народами, кроме того, он превосходно переводил эпос на русский язык.

В 1970-е гг., когда особую значимость приобретает развитие литературной критики в национальных литературах Южной Сибири, с публицистическими статьями по актуальным проблемам критики активно выступал кандидат филологических наук С. М. Каташев. Это злободневные и актуальные статьи критика-литературоведа, серьезно обеспокоенного проблемами литературно-художественной критики в Горном Алтае. В них С. М. Каташев аргументированно и взвешенно обозначил насущные

проблемы сегодняшнего дня. Им отмечены особенности состояния разработанности литературной критики и литературоведения в Горном Алтае с целью обозначения четких перспектив ее развития.

К примеру, в первой из вышеназванных статей С. Каташев справедливо отмечал: «В противовес прошлым годам в настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению истории алтайской литературы. Особенно успешно разрабатываются вопросы, связанные с зарождением и начальным этапом развития художественной мысли в Горном Алтае. В числе активно работающих по отдельным проблемам алтайской литературы он называет имена критиков С. С. Каташа и В. И. Чичинова, Т. С. Тюхтенева, Г. В. Кондакова, поэтов Б. Укачина и Э. Палкина, исследователя С. Суразакова.

С. М. Каташевым неоднократно обосновывались и выдвигались критерии критики как науки, требования к научности, ее коренные вопросы. Таковы его публицистичные, отточенные и мастерски написанные статьи. Ему был присущ углубленный интерес к этой проблеме. Правомерны требования исследователя относительно целостного подхода критики к произведениям искусства. Критерии критики и требования к литературно-критическому жанру хорошо обозначены им в статьях на русском и алтайском языках.

Критическое отношение С. М. Каташева к современному состоянию алтайской литературной критики заключается в том, что в Горном Алтае критика есть, но надо говорить об ее качестве, о недостатках. Поднимать надо научный и общественный уровень критики. Говоря о задачах литературной критики, обращает главное внимание на научность литературно-критических статей.

В 1974 г. опубликована монография С. М. Каташева «Алтай улгер керегинде» (об алтайском стихосложении), которая состоит из отдельных очерков, объединенных одной целью: осветить многосторонне ранее никем не рассмотренные вопросы алтайского стихосложения. В этом труде вновь ясно и конкретно, с глубиной историчности сознания критик подходит к освещению малоизвестных до сих пор читателю и писателям проблем: о становлении алтайской поэзии, о системе создания алтайского стиха, о рифме и строфе и т. д. Монография С. Каташева впечатляет своей основательностью и универсальностью. Это был один из тех национальных критиков, изящество и отточенность мысли которого, острота и публицистичность ума, актуальность и злободневность выдвигаемых проблем до сих пор непревзойденны в алтайском литературоведении. Его постоянно волновало развитие литературно-критической мысли, ее сегодняшнее состояние.

Текущая критика отозвалась на эту монографию оперативно, положительно и взвешенно. Так, в рубрике «Новые книги» вышла небольшая рецензия Б. Угарова. В ней отмечалось, что в 1970-е гг. всего несколько работ посвящено алтайской литературе. Это З. Казагачевой «Зарождение алтайской литературы», С. Каташ «Литературные портреты», С. Каташ и В. Чичинова «Путь молодой литературы» и отдельные статьи. Рецензент справедливо замечает, что по теории алтайской литературы нет работ. В этом плане первыми шагами являются статьи С. Каташева о лирике Л. Кокышева «Лажыт ийделу поэзия» («Поэзия высокого напряжения», 1974), Р. Палкиной «Автордын романдагы учуры (Алтай, Тува ла хакас проза аайынча) (Роль автора в романе (на примере алтайской, тувинской и хакасской прозы) (1974), К. Укачиной «Алтайские загадки» (1974). Журналист Б. Угаров с удовлетворением пишет о монографии С. М. Каташева, что выпущена необходимая и востребованная широкими кругами книга, которая будет полезна как для писателей, читателей, так и для исследователей литературы.

В 1970-1980-е гг. появились труды литературоведов и критиков по исследованию жанрового своеобразия, посвященные малоизученным страницам алтайской литературы.

Следовательно, в достижении определенных успехов литературоведения и литературно-художественной критики немаловажную роль сыграли исследования

Н. А. Баскакова, С. С. Суразакова, С. М. Каташева, Т. С. Тюхтенева, С. С. Каташа, А. Л. Коптелова, С. Е. Кожевникова, Г. В. Кондакова, В. И. Чичинова, В. И. Эдокова, З. С. Казагачевой, Р. А. Палкиной, Н. М. Киндиковой, Б. Я. Бедюрова и др. Их критико-литературоведческие материалы помогали литературе осознать себя, были обращены непосредственно к творчеству, к авторской индивидуальности.

Следует признать, что алтайское литературоведение и критика, сложившиеся как наука и как система в 1950-70-е гг. XX в., развивалось скорее экстенсивно, чем интенсивно. Хотя к этому времени были достигнуты определенные результаты изучения и пропаганды художественно-литературного наследия и современной литературы, но вся работа сводилась к накоплению фактов, а их должное обобщение и серьезные теоретические выводы запаздывали. Конечно, такова диалектика движения вперед, развиваясь ускоренными путями, все тюркоязычные литературы Сибири, не могли прийти к скороспелым и спешным выводам. Для этого нужно было время, так как любое явление в своем историческом развитии вперед проходит определенные этапы. Такое благоприятное стечение всех предпосылок и обстоятельств случилось в 1990-2000-е гг., на рубеже веков, когда впервые алтайское литературоведение достигло значительных результатов в изучении и пропаганде художественно-литературного наследия и современной литературы.

Заключение

Значение и роль трудов эпосоведа С. Суразакова и стиховеда С. Каташева непревзойденны. Отрадно то, что в 2009 г. издана книга «Вопросы алтайского литературоведения и фольклористики (из научного наследия С. М. Каташева)», где воедино собраны все работы ученого.

Итак, в заключение скажем, работа в этом направлении продолжается всей интеллектуальной элитой Алтая в тесном сотрудничестве. Институт алтаистики в этом отношении – главное учреждение по исследованию, накоплению и обогащению фольклорного, литературоведческого, этнографического, исторического и археологического наследия Алтая. Надеемся, что сбудутся лучшие пророческие высказывания наших выдающихся предшественников, знаменитых ученых, чьи имена у всех на слуху не только в России, на Алтае, но и за рубежом. Не зря говорил с гордостью и воодушевлением наш Учитель С. М. Каташев: «Мы правомерно должны гордиться тем, что у нас есть Научно-исследовательский институт алтаистики и труды алтайских ученых востребованы за рубежом».

Л и т е р а т у р а

1. Алтай литература керегинде статьялар [Электронный ресурс]. – Горно-Алтайск: Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1962. – 213 с.
2. История советской многонациональной литературы. М., 1972-1974. т. 2, кн. 2, т. 4; т. 5.
3. Каташев С. М. В защиту литературоведения // Звезда Алтая. – 1972, 2 дек.; Расцвет культуры и науки // Звезда Алтая. – 1973, 17 июня; Критерии критики // Звезда Алтая. – 1974, 14 марта; Критично о критике // Звезда Алтая. – 1980, 27 марта.
4. Каташев С. М. Слово о Сазоне Саймовиче Суразакове // Сын вечного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 5-34.
5. Киндикова Н. М. Алтайская литература: проблемы и суждения. – Горно-Алтайск, 2008, с. 177.
6. Суразаков С. С. Павел Васильевич Кучияк: (Жизнь и творчество писателя). – Горно-Алтайск: Кн. Изд-во. – 1957. – 30 с.

References

1. Altaj literatura kereginde stat'yalar [Elektronnyj resurs]. – Gorno-Altajsk: Tuulu Altajdyn bichikter chygarar izdatel'stvozy, 1962. – 213 s.
2. Istoriya sovetskoj mnogonacional'noj literatury. M., 1972-1974. t. 2, kn.2, t. 4; t. 5.
3. Katashev S. M. V zashchitu literaturovedeniya // Zvezda Altaya. – 1972, 2 dek.; Rascvet kul'tury i nauki // Zvezda Altaya. – 1973, 17 iyunya; Kriterii kritiki // Zvezda Altaya. – 1974, 14 marta; Kritichno o kritike // Zvezda Altaya. – 1980, 27 marta.
4. Katashev S. M. Slovo o Sazone Sajmoviche Surazakove // Syn vechnogo Altaya. – Gorno-Altajsk, 1990. – S. 5-34.
5. Kindikova N.M. Altajskaya literatura: problemy i suzhdeniya. – Gorno-Altajsk, 2008, s. 177.
6. Surazakov S. S. Pavel Vasil'evich Kuchiyak: (Zhizn' i tvorchestvo pisatelya). – Gorno-Altajsk: Kn. Izd-vo. – 1957. – 30 s.

УДК 821.512.157-1.09

DOI 10.25587/litteraevfu.2022.55.28.006

*М. П. Попова***Отражение архетипов в якутской женской лирике**

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению отражения архетипических образов в якутской женской лирике. Для достижения поставленной цели мы опирались на исследование швейцарского ученого – психоаналитика Карла Густава Юнга.

Методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный и архетипический.

Материалом исследования выбраны поэтические произведения таких известных якутских поэтов, как В. Потапова, Н. Харлампьева, С. Гольдерова-Саргы Куо, О. Корякина-Умсуура, Н. Михалева-Сайа, В. Петрова-Венера. Также в качестве сравнения приведены поэтические тексты мужчин: якутских поэтов и авторов других национальных литератур.

Из выделенных К. Юнгом архетипов в данной статье нами рассмотрены архетипы *любовника* и *спасителя*, так как их присутствие характерно только для женской лирики. В творчестве поэтов-мужчин они не наблюдаются. Рассмотрены образы *неба*, *луны* как прообразов, получивших в творчестве якутских поэтов архетипическую роль.

Особое внимание обращено цветовой гамме и объемной характеристике образа в поэтических текстах поэтов. Из эпитетов к слову «небо», применяемых в творчестве поэтов, 30% взяты из устного творчества, в частности, из якутского героического эпоса олонхо.

Замечено, что в описании неба авторами-женщинами наиболее часто использован белый цвет. Образ неба в творчестве поэтов применен в качестве метафорического образа. Он отождествляется с объектом любви – мужчиной, является обиталищем, откуда должны спуститься архетипы любовника, спасителя. Красочность и обилие эпитетов к слову «небо», восходящих к фольклору, появление индивидуальных авторских эпитетов в сборниках поэтов свидетельствует о богатом поэтическом лексиконе и его эволюции в их творчестве.

По сравнению с творчеством других современных якутских поэтов именно женской лирике свойственна передача цветовой гаммы и объемной характеристики образа неба, восходящие к фольклору.

Ключевые слова: якутская женская лирика, архетипы, К. Г. Юнг, фольклорные образы, лирическая героиня.

ПОПОВА Матрена Петровна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: pmatrena75@mail.ru

POPOVA Matrena Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

M. P. Popova

Reflection on archetypes in Yakut women's lyrics

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article considers the reflection of archetypal images in Yakut women's lyrics. To achieve this goal, we relied on the research of the Swiss psychoanalyst Carl Gustav Jung.

Research methods: descriptive, comparative and archetypal analysis of a literary text.

The poetic works of such famous Yakut poetesses as V. Potapova, N. Kharlampieva, S. Golderova-Sargykuo, O. Koryakina-Umsuura, N. Mikhaleva-Saya, V. Petrova-Venera are selected as the research material. Also, as a comparison, the poetic texts of men are given: Yakut poets and authors of other ethnic literatures.

Of the archetypes identified by Jung, in this article we considered the archetypes of the lover and the savior, since their presence is characteristic only of female lyrics. In the works of male poets, they are not planned. Next, we examined the images of the sky, the moon as prototypes, which received an archetypal role in the work of Yakut poetesses.

We paid special attention to the color scheme and volumetric characteristics of the image in the poetic texts of the poetesses. Of the epithets to the word "heaven" used in the works of poetesses, 30% are taken from oral creative works, in particular, from the Yakut heroic epic Olonkho.

We noticed that in the description of the sky from these modifiers, the female authors most often use 'white'. The image of the sky in their works is used as a metaphorical image. It is identified with the object of love – a man, is the abode from which the archetypes of the lover, the savior, should descend. The colorfulness and abundance of epithets to the word "heaven", dating back to folklore and the appearance of individual, author's epithets in the collections of poetesses testifies to the rich poetic lexicon and its evolution in the work of modern Yakut poetesses.

In comparison with the works of other modern Yakut poets, it is the female lyrics that are characterized by the transmission of the color scheme and volumetric characteristics of the image of the sky, dating back to folklore.

Keywords: Yakut female lyrics, archetypes, Karl Jung, folklore images, lyrical heroine.

Введение

Понятие архетипа возникло в работах Карла Густава Юнга, изучавшего сферы сознательного и бессознательного в человеке. Для ученого архетипы – это основные элементы коллективного бессознательного, некие априорные формы мифологической фантазии.

К. Юнг выделил несколько архетипов и дал им соответствующие названия. Известны архетипы анима (прообраз женского начала в мужской психике) и анимус (след мужчины в женской психике), дитя, матери, мудрого старика или старухи, любовника, странника.

В литературоведении архетипический анализ также утвердился как метод исследования. Кроме архетипов – универсалий в художественном произведении отмечают и индивидуальные архетипы, т.е. говорят об «авторских образах и мотивах, приобретающих впоследствии характер универсалий и становящихся посредниками между собственно архетипами и последующими их культурными (литературными) воплощениями» [13, с. 261].

В творчестве современных якутских поэтесс объект любви – образ мужчины – дается двупланово. В первом он образ реального человека, с которым у лирической героини «реальные» отношения: встречи, расставания, диалог и, основанные на этом душевные переживания. В большинстве случаев это современник поэтессы. Второй вид объекта переживаний предстает в образе идеала мужчины. Он, в основном, находит свое воплощение в образе фольклорного богатыря. Например, лирическая героиня Н. Харлампевой укоряет мужчину в отсутствии в нем черт эпического богатыря, иногда даже разочаровывается в его земной простоте. Образ-идеал мужчины своими корнями восходит к архетипическому образу любовника.

Основная часть

К. Юнг образ *любownika* определяет как архетипический образ, возникающий в бессознательной сфере у женщин. Он – заморский гость, пришедший из далеких и неведомых краев, чтобы однажды встретиться с ней и снова уйти. Этот мотив мы встречаем в вагнеровском «Летучем Голландце» и в ибсеновской «Женщине моря». В них героиня «ожидает чужестранца, который придет из-за моря, чтобы пережить с ней любовное величайшее чувство. В вагнеровской опере она влюбляется в его подлинное изображение и, следовательно, знает его еще до прибытия» [13, с. 165.].

Архетип любовника в якутской женской поэзии дается в трансформированном виде через образы, бытующие в якутском народном творчестве: богатыря из эпического повествования олонхо и народного героя Манчаары. Например, для первой якутской поэтессы В. Потаповой архетип Любовника передается образом Манчаары:

Мин түүлүм – иккис олобум,
Мин түүлүм – иккис олоруум.
Бу кэмнэ мин көрөбүн
Манчаары үөһэнэн көтөрүн...
Эр бэрдэ!
Илт миигин бэйэбэр,
Үһүн былыт кэтэбэр
[9, с.15].

Мой сон – моя вторая жизнь,
Мой сон – второе мое житье.
Вижу в это время я
Полет высокий Манчаары...
Лучший из мужей!
Унеси меня к себе,
За белые облака
(здесь и далее перевод автора – М.П.)

Поэтесса Н. Михалева-Сайа целое стихотворение посвящает этому странствующему прообразу:

Күүтэрим эйигин күннээх түүн
Күлүмнэс куйахтаах, Эр хоһуун!
Куустуһар курдугум номохтуун,
Дьол-соргу суһумнаах кустуктуун,
Дьол-соргу суһумнаах кустуктуун...
[7, с. 16].

Ждала тебя когда-то дни и ночи
напролет
Удалой молодец с блестящим
панцирем!
Жила мечтой о легенде,
С радугой, обещавшей счастье-
благополучие...

Для другой поэтессы этот архетип есть воплощение мечты, которая вносит новое веяние в ее повседневную суетную жизнь:

Мин эйиигин күүтүбүм,
Кыһалбата суох кыыс оҕолуу,
Эйиэхэ дириҥ иэйиибин
Чугас да дьоммуттан чып кисти.и.
[2, с. 30]

Я буду ждать тебя,
Беспечной девочкой,
Скрывая от близких даже
Тайную любовь к тебе

Приведенные выше примеры показывают, как архетип любовника в некоторых поэтических произведениях женщин сливается с другим прообразом – архетипом спасителя. «Ожидание Спасителя распространено по всему миру. Он совершенно естественным образом активизируется во все времена тревог и смятения, подобные нашей эпохе» [13, с. 137].

Архетипы любовника, спасителя в женских поэтических текстах понимаются как небожители. Но это не случайно, как отмечает К. Юнг, *небеса* – «это мужские небеса, где женский элемент лишь терпят, не более. Богоматерь не является божественной, она архисвятая, она ходатайствует за нас перед троном Господним, но не является частью божества» [13, с. 102]. Образ небес тоже можно рассмотреть как прообраз-архетип. У поэтов к образу неба особое отношение, он у них связан с образом мужчины. Так, у лирической героини Н. Михалевой-Сайа любимый человек равен темным небесам, освещать которые суждено только ей:

Билигин да эн миигин таптыгын.
Билигин да эн миигин күүтэбин.
Эн бүтэй, харага халлаангын
Мин эрэ сулуһум сырдатар,
Кэмсинэр, кэп туонар санаабын
[7, с. 53].

До сих пор любишь ты меня.
До сих пор ждешь ты меня.
Небо твоё глухое, мрачное
Лишь моя звезда освещает,
Запоздалое раскаяние твоё

В лирике Н. Харлампьевой находим наделение небес свойствами живых: «тыыннаах чугас истин хара халлаан» (живое искреннее близкое темное небо). Для нее в стихотворении «...Таптал – үөрүү, таптал – дьол» («...Любовь – радость, любовь – счастье») образ неба также употребляется в иносказательном смысле и отождествляется с пустотой, обманом:

Таптал...
Сорофтор кырыыс, хара сор...
Кураанах халлаан эрэйэ [11, с. 32]

Любовь...
То проклятье, муки ада,
Пустота бездонного неба.

С.Гольдерова-Саргы Куо небеса уподобляет чистоте души юноши:

Эдэркээн тунгуй уолчаан
ИТЭБЭЙИМЭ
Былыта суох ыраас
Халлаанныы санаабын [2, с. 14]

Молоденький юноша,
Не верь мне...
НЕ ВЕРЬ!
Помыслы свои чистые,
Ангельскую свою любовь
не посвящай

Первую любовь лирической героини О. Корякиной-Умсууры окрестили в небесах:

Сайа сарыыр халлаанга
Салгын куппун эттиллэр,
Бастакы ыар тапталга
Сүрэхпин хатараллар [3, с. 6]

На небе до крови раздирающем
Душу мою разрубают на куски,
Иссушают сердце мое
Первой печальной любовью

У В. Потаповой небеса – это могущество, символ силы, где живет спаситель:

Мин – уһук хоту дойдубун...
 Мин илиилэрим –
 Хатан эрэр титиригинэн
 Көмүскэл көрдүүлэрэ –
 Үөһэ халлаан
 Үрүҥ Айыы Тойонуттан.
 [9, с. 8].

Я – крайняя северная страна...
 Мои руки –
 Иссохающей молодой лиственницей
 Умоляют о защите –
 У всевышнего божества...

Небеса в якутской женской поэзии олицетворяют также мудрость, безграничное пространство. Обратим особое внимание якутских поэтов к цветовой гамме и объемной характеристике образа неба, восходящих к фольклору. Из эпитетов к слову «небо», применяемых в творчестве поэтов, 30% взяты из устного творчества, в частности, из эпоса олонхо.

По воззрениям народа саха, Вселенная состоит из трех миров, каждый из которых имеет свою особую среду обитания. В этом мировосприятии отражено понимание пространственного бытия в эпическом повествовании олонхо. Например, мир у нижних «абааһы» (злые силы) имеет «отравленный холодный темный» воздух и небо цвета «недоваренной рыбьей ухи» – «барбатах балык миинин курдук бадыа-бидиэ барык-сарык халлааннаах». Верхний мир дуалистичен и имеет два небесных пространства. За трехъярусным небом живет Үрүҥ Аар Тойон и верхние ярусы до девятого неба принадлежат ему и племени добрых божеств Айыы. Здесь встречаем «шестиярусное белое с оттенками алого цвета небо», «семиярусное серовато-белое небо» и др. За девятым небом находятся «злые силы». Их страна относится к южной стороне Вселенной, и ее небо характеризуется как беспокойное: «кэниэрдээх киэн халлаан» – «мятежное небо», «собуруу соххор холорук халлаан» – «южное вихревое небо» и т.д.

В якутской женской поэзии в описании неба из данных определений наиболее часто встречается белый цвет. Так, в поэтических сборниках Умсууры находим 3 варианта употребления этого цветового эпитета: «Сатыы манан» – «пешее белое», «толомон манан» – «полное величественное белое», «аламай манан» – «сияющее белое». Интересный эпитет находим у поэтессы Н. Михалевой-Сайа: небо у нее «желтое».

Самое интересное заключается в том, что голубой цвет, который часто употребляется как определение неба, в олонхо не обнаруживается: имеет место семантический синоним слова «чаалай» – «серовато-голубой»: «алып чаалай халлаан» – «коварное голубое небо».

Анализ текстов якутских народных песен и поэзии зачинателей якутской литературы показывает, что эпитет «голубое небо» упоминается в песне М. Ионовой “О создании изначальной страны”, записанной Г. У. Эргисом в 1938 г. в г. Москве и встречается 1 раз в поэзии А. Е. Кулаковского. Начиная с 1920-1930-х гг. частотность употребления голубого цвета, как эпитета неба, увеличивается.

В современной якутской поэзии «голубое небо» принято считать исконным постоянным эпитетом. Но, на наш взгляд, приведенные выше примеры несколько расходятся с этим мнением. На применение этого цвета в качестве эпитета неба в якутском языке, вероятно, оказало влияние русская поэтическая традиция. Голубое небо встречается у большинства поэтов.

Эпитеты, отражающие объемную характеристику неба (высота, ширина, глубина) в олонхо, достаточно часты. Так, «өндөл халлаан» – «высокое небо» в основном относится к трехъярусному небу, и довольно часто встречается в современной поэзии. Например, Сайа в сборнике “Тыллы” употребляет 4 раза для аллитерационно-ассонансного созвучия слов»:

Өспөт кыымнаах
Өркөн өй
Өрөгөй төлөнө
Өрө көтөн
өрүкүнүйэр
Өндөл халлаан
Өһүөтүттэн
Өрөөбүт уоскун
Өһүлэн
Өнөйөн көрүүй дуу,
[7, с. 30].

С неугасающим пламенем
Всепобеждающий разум
С высоты
Великого неба
Устреми взляд
Свой на нас
И начини говорить
Заветные слова

В поэзии Сайа также встречается фонетико-звуковая вариативность слова «өндөл-өндүл».

Эпитет «үрдүк мэнэ» – «вечное высокое» характеризует небо не только как высокое, но и могущественное вечное явление. Его находим в поэзии С.Гольдериной-Саргы Куо, А.Парниковой-Сабарай Илгэ. К словосочетанию из олонхо «дуолай манан» – «громадное яростное» восходят эпитеты поэтов «толомон манан халлаан» – «величественное белое небо», «далай халлаан» – «небо, подобное большому глубокому водоему».

В поэтических сборниках Умсууры, Сайа есть числовые эпитеты «восемь», «девять», которые применяются исключительно для качественно-гиперболизирующей характеристики.

В целом, эпитеты в словесном обрамлении частотного слова небо в том или ином плане носят элементы оценочной поэтизации. Это особенно видно в олонхо при описании небес миров «злых сил»: «хоту хоромнуулаах» – «северное ущербное», «оһоллоох одун» – «смертоносное вышнее» и т.д. В поэтических сборниках современных поэтов эпитеты небес миров «злых сил» не обнаруживаются.

Определение «сатыы» (пешее) в олонхо обозначает нахождение неба вблизи Срединного мира. В поэтическом лексиконе пешее небо есть у О. Корякиной-Умсууры: «илбистээх сатыы халлаан» - «кровожадное пешее небо», «сатыы манан халлаан» - «белое пешее небо» и т.д.

В «женской» лирике появились и новые своеобразные оттенки цветовых эпитетов к слову небо: «торбо халлаан» – «небо, подобное синему шелку», «дьэнкир халлаан» – «прозрачное небо», «хара халлаан» – «темное небо». Эти нетрадиционные для фольклора эпитеты по своей семантической структуре могут не только «окрашивать» небо, но и придавать ему дополнительное художественное значение.

Существуют и другие определения к образу неба, не рассмотренные нами выше. Например, есть «кыырай халлаан» – «недосыгаемое небо», «ыраас халлаан» – «чистое небо», «тонмут халлаан» – «замерзшее небо» у О. Корякиной-Умсууры. Всего поэтической образ неба употреблен 67 раз (сборники «Кэп туонуу» («Песнь вознесения»), «Кут көтөбүү» («Возрождение»), «Хаан тамайыы» («Чувство родства»).

К. Юнг отмечает, что луна тоже считается символом бессознательного. «Человеческое бессознательное является лунным миром, ибо это ночной мир, и он характеризуется Луной – женским знаком – ибо мир бессознательного – это женский мир» [13, с. 187]. Луна, как и небеса, также может быть рассмотрена в качестве прообраза-архетипа.

Небесное светило «луна» в мифологиях многих народов предстает как женское начало. Например, у балкарцев луна – мифологическая прародительница и покровительница народа. Так, в творчестве Кайсына Кулиева «...весь ассоциативный комплекс, связанный с образом луны, восходит к мифологической праматери человечества, с неусыпной тревогой, следящей за жизнедеянием собственных детей на земле» [4, с. 234]. У ненецкого поэта Леонида Лапцуня луна является символом женского начала. Она ассоциируется с материнской ролью защитницы:

А в небе луна, что не раз выручала,
Любви помогала, в тумане вела,
Глядит с высоты на просторы Ямала –
На тропы зверей и людские дела [5, с. 15].

В современной якутской поэзии отождествление женщины с образом луны также встречается у авторов мужчин. Например, у поэта В. Гольдерова в стихотворении «... ый-күн курдук санаһар...» – «...с кем мы как луна с солнцем» образ луны напоминает ему образ жены:

Ый-күн курдук санаһар
Ыраах олорор доҕочугуом [1, с. 17].

Мой далекий дорогой человек,
С кем мы как луна с солнцем...
С мыслями о тебе я просыпаюсь

В якутской женской поэзии образ Луны является образом, близким лирической героине. Например, в творчестве В. Петровой-Венеры он включен, прежде всего, как важный образ для передачи внутреннего переживания лирической героини:

Ыраас санаам өннөрүнэн аптаах
Ыйдана көстүүнү үөдүтэн,
Ыгым сүрүм уйадыһара
[8, с. 11].

Воскрешая мечтаниями своими
разноцветными
Подлунное небесное видение,
Подавленная душа умиротворялась

Жизнь героини до встречи с любимым человеком подобно безлунной ночи:

Эн тэлбитин тэнэ суох тэбиэспэр
Төлө көтөр чэпчэки суолу,
Эн – ыйбытын ыйа суох ырабар
Быһа барар биир хайысханы
[8, с.13].2].

Ты проторил в бесподобной
вспыльчивости моей
Прорывающую легкую дорогу
Ты - указал в безлунной мечте
Короткую одну линию

Но в то же время появление на небе месяца навеивает грусть, усугубляя настроение одинокого человека (стихотворение Венеры «Түүннү»–«Ночная»).

Новое радостное состояние лирической героини О. Корякиной-Умсууры сравнивается с полнолунием:

Манан сотобунан туналыһа сырды,
Мин бүгүн атыммын, туолбут
ыйды.
[3, с. 45].

Заманиваю своими ножками,
Я сегодня другая, словно полная
луна.

Лирическая героиня поэтессы Н. Михалевой-Сайа делится с Луной своей печалью:

Ыраламмыт

Ыраасыйданабын

Ыныраммын ытамныйа...

Мин олордум

Пригласила я к себе

Полную Луну

И начала делиться с ней

О своем сокровенном

[7, с. 18]

Также свет луны предвещает для поэтессы наступление чего-то загадочного, особенно желанного (стихотворение «Күөх түүн» («Синяя ночь»)), юная девушка радуется при свете луны (стихотворение «Төннүмэ» («Не возвращайся»)).

Как отмечает В. Лосская, в стихотворении А. Ахматовой, посвященном теме одиночества, собеседниками одинокой девицы вместе с плакучей ивой является и луна [6].

Таким образом, лирическая героиня поэтесс обычно сравнивает себя, свое чувство с образом луны на бессознательном уровне.

Заключение

В результате анализа использования архетипических образов в творчестве якутских поэтесс, приходим к следующим выводам:

1. Архетипы любовника, странника в творчестве якутских поэтесс даны в трансформированном виде, через фольклорные образы божественного богатыря из героического эпоса олонхо и легендарного народного героя Манчаары. В некоторых примерах архетипы спасителя и любовника сливаются в один обобщенный образ, в котором сосредоточены все те положительные качества, свойственные идеальному героическому герою: властный покровитель, мужественный, умеющий защитить от любых бедствий. В мечтах о них лирические героини остаются всегда молодыми девушками, способными вытерпеть вечное ожидание в одиночестве. Эти архетипы в женских поэтических текстах воспринимаются как небожители.

2. У якутских поэтесс наблюдается особое отношение к образам неба и луны. Небо является не только местом обиталища архетипов любовника и странника, но и само может отождествляться образу мужчины. Только в лирике поэтесс героине любимый человек подобен темному небу, освещать которого суждено ей (например, в лирике Н. Михалевой-Сайа), небо символизирует чистоту души юноши (например, в стихотворениях С. Гольдериной-Саргы Куо), и в тоже время образ неба отождествляется с обманутой любовью (например, в стихотворениях Н. Харлампьевой). Авторы-женщины воспринимают небо как архетипический образ, носящий в себе мужественные черты. Как отмечал К. Юнг, небеса – это мужские небеса, где женский элемент лишь терпят, не более. Кроме этого, поэтессы с особой усердностью «украшают» «цветовой палитрой» небо. По сравнению с творчеством других современных якутских поэтов именно женской лирике свойственна передача цветовой гаммы и объемной характеристики образа неба, восходящие к фольклору.

Образ луны рассмотрен нами как наделенный женскими чертами архетипический образ. Луна, по сравнению с образом неба, в одном и том же значении встречается и в творчестве поэтов-мужчин, и в лирике поэтов-женщин независимо от национальностей. Так для балкарцев, ненцев и якутов луна ассоциируется с матерью – защитницей и любимой женщиной. В якутской женской лирике луна является очеловеченным, близким к лирической героине образом. Она вместе с ней переживает минуты одиночества и в то же время предвещает ей о наступлении чего-то загадочного, особенно желанного. Таким образом, в творчестве поэтесс сама лирическая героиня, ее чувства идентифицируются с образом луны.

3. В итоге рассмотрения архетипов в якутской женской лирике мы согласны с мнением А. Эсалнек, утверждающей о том, что архетипы как инструмент исследования позволяют увидеть «многие существенные стороны в содержании художественных произведений, прежде всего преемственность в жизни человеческого рода, неразрывную связь, сохранение памяти о прошлом, т.е. архетипической памяти, в чем бы она ни проявлялась» [12, с. 30].

Л и т е р а т у р а

1. Гольдеров В. Көмүс күннүүн көрсүһүү. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1992. – 63 с.
2. Гольдерова С.- Саргы Куо. Дьол кыната. – Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1992. – 48 с.
3. Корякина О.-Умсуура Кут көтөбүү. – Якутскай: Кинигэ изд- та, 1991. – 80 с.
4. Кучукова З. А. Феномен мифопоэтического у Кайсына Кулиева // Способность к диалогу. – М.: «Наследие»; 1993. – Ч.2. – 234-252.
5. Лапцуй Л. Олений бег: Стихотворения и поэмы: Пер. с ненец. / Сост. Е. Сусой. — М.: Сов. Россия, 1986. — 160 с.
6. Лосская В. Песни женщин. Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века. – Париж-Москва: Московский журнал. История государства Российского, 1999. – 320 с.
7. Михалева Н.-Сайа. Тыллы. – Дьокуускай: Ситим, 1994. – 76 с.
8. Петрова В.-Венера. Босхолонуу. – Сунтаар, 1993. – 62 с.
9. Потапова В. Мин сырдык санныарым... - Дьокуускай: Бичик, 2006. – 240 с.
10. Сухих И. Н. Поэтический образ как архетип // Онтология стиха. - С-П.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 261 – 265.
11. Харлампьева Н. Дьол кымыһа. – Дьокуускай: Бичик, 1999. – 288 с.
12. Эсалнек А. Я. Архетип // Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1999. – С.30-37.
13. Юнг К. Г. Тавистокские лекции. – М: Институт гуман. иссл-ий, 2020. –268 с.

References

1. Gol'derov V. Kөmүс күннүүн көрсүһүү. – Yakutskaj: Kinige izd-ta, 1992. – 63 s.
2. Gol'derova S.- Sargy Kuo. D'ol kynata. – D'okuuskaj: Kinige izd-ta, 1992. – 48 s.
3. Koryakina O.-Umsuura Kut көтөбүү. – Yakutskaj: Kinige izd- ta, 1991. – 80 s.
4. Kuchukova Z. A. Fenomen mifopoeticheskogo u Kajsyna Kulieva // Sposobnost' k dialogu. – М.: «Nasledie»; 1993. – Ch.2. – 234-252.
5. Lapcuj L. Olenij beg: Stihotvoreniya i poemu: Per. s nenec. / Sost. E. Susoj. — М.: Sov. Rossiya, 1986. — 160 s.
6. Losskaya V. Pesni zhenshchin. Anna Ahmatova i Marina Cvetaeva v zerkale russkoj poezii XX veka. – Parizh-Moskva: Moskovskij zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossijskogo, 1999. – 320 s.
7. Mihaleva N.-Saja. Tylluy. – D'okuuskaj: Sitim, 1994. – 76 s.
8. Petrova V.-Venera. Boskholonuu. – Suntaar, 1993. – 62 s.
9. Potapova V. Min syrдыk sann'yarym... - D'okuuskaj: Bichik, 2006. – 240 s.
10. Suhij I. N. Poeticheskij obraz kak arhetip // Ontologiya stiha. - S-P.: Izd-vo SPGU, 2000. – S. 261 – 265.
11. Harlamp'eva N. D'ol kymyha. – D'okuuskaj: Bichik, 1999. – 288 s.
12. Esalnek A. Ya. Arhetip // Vvedenie v literaturovedenie. – М.: Vysshaya shkola, 1999. – S.30-37.
13. Yung K. G. Tavistokskie lekcii. – М: Institut guman. issl-ij, 2020. – 268 с.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 398.2(100)

DOI 10.25587/litteraesvfu.2022.42.24.007

В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова

Опыт издания серии «Эпические памятники народов мира»

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают актуальность перевода эпических текстов, а также распространение в широкую среду взаимоперевод эпосов тюркско-монгольских народов как один из методов популяризации эпических произведений. Отмечается выход серий «Эпические памятники народов мира» под эгидой ЮНЕСКО. Якутские фольклористы по инициативе вице-президента ассоциации «Эпосы народов мира» А. Н. Жиркова как проект перевели на якутский язык киргизский эпос «Манас» по переводу Б. Ж. Жакиева, алтайский «Маадай Кара» по С. С. Суразакова со слов А. Г. Калкина, башкирский «Урал Баатыр» по М. А. Бурангулову, тувинский «Кунан Хара» по переводу с исполнения Чанчы-Хоо Ооржак. Авторы отмечают, что перевод олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» на киргизский, алтайский, башкирский, тувинский языках дает им глубже понять содержание, сюжет, образы якутского эпоса. В статье говорится о переводах якутскими фольклористами эпических произведений «Манас» и «Кунан Хара». Перевод данных эпосов дается в двух вариантах, что служит хорошим примером и в дальнейшем станет как учебное пособие для молодых переводчиков. Профессиональный переводчик А. А. Борисова перевела с русского на якутский язык тувинский эпос «Кунан Хара» по переводу А. В. Кудиярова, а лучший перевод А. Н. Жиркова от оригинала по подстрочному переводу фольклориста М. Б. Кунгаа с помощью разных словарей в будущем станет хорошим примером для подрастающего поколения. Авторы статьи отмечают важность взаимоперевода эпосов со всего мира.

Ключевые слова: эпос, текст, эпический, перевод, сказитель, олонхо, подстрочник, оригинал, олонхосут, этнос, шедевр, возрождение.

ИЛЛАРИОНОВ Василий Васильевич – д. филол. н., профессор кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: illarionov_v_v@mail.ru

ILLARIONOV Vasily Vasilyevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ИЛЛАРИОНОВА Туяра Васильевна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: 445325@mail.ru

ILLARIONOVA Tuyara Vasilyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

V. V. Illarionov, T. V. Illarionova

The experience of publishing the series "Epic monuments of the peoples of the world"

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. In this article, the authors consider the relevance of translating epic texts, as well as the widespread dissemination of mutual translation of the epics of the Turkic-Mongolian peoples as one of the methods for popularizing epic works. The release of the series "Epic monuments of the peoples of the world" under the auspices of UNESCO is celebrated. Yakut folklorists, on the initiative of the vice-president of the association "Eposes of the peoples of the world" A. N. Zhirkov, as a project, translated into the Yakut language the Kyrgyz epic *Manas*, translated by B. Zh. Zhakiev, Altai "*Maadai Kara*" after S. S. Surazakov according to A. G. Kalkina, Bashkir "*Ural Baatyr*" by M. A. Burangulov, Tuvan "*Kunan Khara*" translated from the performance of Chanchy-Khoo Oorzhak. The authors note that the translation of the *olonkho* "*Dyuluruyar Nyurgun Bootur*" into the Kyrgyz, Altai, Bashkir, Tuvan languages gives them a deeper understanding of the content, plot, images of the Yakut epic. The article deals with the translations of the epic works "*Manas*" and "*Kunan Khara*" by Yakut folklorists. The translation of these epics is given in two versions, which serves as a good example and will become a textbook for young translators in the future. Professional translator A. A. Borisova translated from Russian into the Yakut language the Tuvan epic "*Kunan Khara*" translated by A. V. Kudiyarov, and the best translation by A. N. Zhirkov from the original according to the interlinear translation of the folklorist M. B. Kungaa with the help of different dictionaries in the future will be a good example for the younger generation. The authors of the article note the importance of mutual translation of epics from all over the world.

Keywords: epic, text, epic, translation, storyteller, *olonkho*, subscript, original, *olonkhosut*, *ethnos*, masterpiece, revival.

Введение

Большинство этносов мира имеют эпические произведения о прошлой жизни своего народа, созданные неповторимо красочным, богатым и отборно щедрым художественным языком, что невольно заслушаешься, заворожившись его красотой. Большую известность получили в мире такие эпосы, как киргизский «Манас», древнеиндийский «Махабхарата», финский «Калевала», бурятский «Гэсэр», калмыцкий «Джангар», армянский «Давид Сасунский», русские былины, адыгейские наргы и другие.

А якутское олонхо по своему объему, протяженности сказания, богатству сюжета и его своеобразному исполнению ничем не хуже других эпосов, можно даже утверждать, что имеет преимущество, потому что оно, пользуясь популярностью в народе, до сих пор продолжает исполняться. Поэтому 25 ноября 2005 г. якутское олонхо было признано ЮНЕСКО шедевром устного нематериального культурного наследия человечества. В связи с этим Президент Республики Саха (Якутия) В. А. Штыров объявил своим указом 25 ноября Днем Олонхо, а также с целью увековечения, возрождения и распространения Олонхо была принята десятилетняя программа. В настоящее время действует вторая десятилетняя программа, принятая в 2016 г. Исполнение данной программы организует

Национальный комитет Олонхо под председательством А. Н. Жиркова. Национальный комитет и Ассоциация Олонхо организуют ежегодно различные содержательные мероприятия, посвященные олонхо, реализуют соответствующие проекты [1].

Основная часть

Одним из таких проектов является выпуск многотомной серии книг «Эпические памятники народов мира», пользующихся успехом у читателей, интересующихся олонхо. Инициатором и организатором выпуска данной серии книг стал А. Н. Жирков, который внес предложение о перекрестном переводе и издании известных в мире эпосов. Так, впервые на якутском языке были изданы киргизский эпос «Манас» [2], алтайский – «Маадай Хара» [3], башкирский – «Урал Баатыр» [4]. При этом следует особо отметить, что великий сын якутского народа М. К. Аммосов, работая в Кыргызстане в 1937 году, внес предложение о переводе на русский язык киргизского «Манаса», а известный якутский эпосовед И. В. Пухов принял непосредственное участие в выпуске алтайского «Маадай Хара» в серии «Эпосы народов СССР» [5]. Таким образом, нынешние фольклористы продолжают традиции известных якутских деятелей и ученых по участию в широком распространении эпосов других, родственных нам народов.

Знаменательно, что в этой серии первым для перевода на другие языки было избрано «составленное из тридцати разных олонхо» «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского [6]. Это олонхо было переведено на русский язык известным переводчиком В. В. Державиным. Эпосовед И. В. Пухов подчеркивал, что П. А. Ойунский, еще с детства слушавший это олонхо в исполнении знаменитых олонхосутов И. Н. Табахырова и Т. В. Захарова-Чээбия и потому воспринимавший всю его глубину, обработал и сделал наиболее полную письменную запись, а переводчик В. В. Державин сумел очень верно передать особенный дух якутского олонхо [7]. Поэтому перевод олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского на другие языки оказал неоценимую помощь в ознакомлении олонхо другим иноязычным народам, для лучшего и более близкого понимания ими нашего эпоса [8]. А для нас получается возможность ознакомиться и понять эпические произведения других народов, читая их в переводе на наш родной якутский язык.

Перевод эпического произведения имеет свои особенности, от переводчика требуется прекрасное и наиболее полное знание художественного языка, отличное владение им, и, наконец, природный талант, как необходимое качество. Профессионально занимается переводом эпических произведений народов с тюрко-монгольским языком на якутский язык кафедра перевода Института языка и культуры Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, в составе профессора Т. И. Петровой, доцентов А. А. Васильевой, И. В. Собакиной со своими студентами. Похвально то, что добровольно присоединились к нашему проекту писатель А. Г. Гуринов-Арчылан, учитель и краевед Т. С. Кириллин.

Два варианта эпоса «Манас», переведенные Т. И. Петровой, А. Г. Гуриновым-Арчыланом, были изданы в одно время. А наше олонхо было переведено на киргизский, алтайский, башкирский языки известными в своем народе учеными, писателями, фольклористами. Таким образом, мы видим хороший пример плодотворного творческого взаимодействия занимающихся выпуском серии эпосов тюрко-монгольских народов и отмечаем значимость обоюдного влияния культур.

Четвертой в серии «Эпические памятники народов мира» на якутском языке будет издана книга с тувинским эпосом «Куан Хара». Это произведение было записано на магнитофон в 1959 г. и переведено на письмо известными собирателями фольклора О. К.-Ч. Дарыма и Д. С. Куулар от знаменитого в те годы исполнителя эпоса Ч.-Х. Ч. Ооржак. Позже оно было переведено на русский язык известным эпосоведом, доктором филологических наук А. В. Кудияровым и подготовлено им к выпуску в 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Этот перевод А. В. Кудярова перевела на якутский язык и подготовила к печати профессиональный переводчик А. А. Борисова. Многие годы она успешно занимается переводом на якутский язык произведений других народов, в частности, произведений на русском языке. При переводе А. В. Кудярова она использовала метод прямого перевода.

Вместе с тем, А. Н. Жирков тоже подготовил эпос «Кунан Хара» к изданию в данной серии в переводе на якутский, но не с русского, а с тувинского языка с помощью, подготовленного доктором филологических наук М. Б. Кунгаа подстрочника, при этом сам составив комментарии к эпическому произведению. Если якутские переводчики переводят иноязычные произведения, в том числе и эпические, в основном, с текстов, переведенных на русский язык, то прямой перевод на якутский язык с подстрочника, проведенный А. Н. Жирковым, явление весьма редкое и необычное. Успешно используя тувинский и русский словари, этимологические справочники, он подготовил добротный художественный текст эпоса «Кунан Хара». Профессионалы еще скажут свое слово относительно этого перевода, вместе с тем резонно заметить, что переводчик в своей работе очень бережно отнесся к крупному тувинскому эпическому произведению, и, сохраняя исконное содержание и свойственную эпосу структуру, умело использовал примечательные схожие запевы и образные идиомы якутского и тувинского фольклора, благодаря чему тувинский эпос стал близок, понятен и интересен якутскому читателю.

Следует здесь также отметить, что А. Н. Жирков плодотворно работает по возрождению, увековечению и популяризации олонхо. Огромный интерес в научных кругах и признание исследователей языка и фольклористов вызвала его впечатляющая текстологическая работа по олонхо «Мюльдю Бёгё» знаменитого олонхосута Д. М. Говорова-Олонхосут Митерея, когда он сначала переложил текст с латинского алфавита на кириллицу, затем восстановил исконный текст олонхо, который был записан со слов олонхосута и оставлен попавшим в репрессию А. Ф. Бояровым, и, к сожалению, позже, при подготовке к опубликованию, претерпел существенные изменения [9].

Издание «Кунан Хара» в переводе двух непохожих переводчиков, имеющих каждый свой неповторимый творческий путь, станет для студентов и магистрантов, для занимающихся переводческой деятельностью людей, интересующихся фольклором читателей интересным событием, польза от которого не вызывает сомнений.

Сравнивая тувинское эпическое произведение и якутское олонхо, мы замечаем довольно много похожих и совпадающих моментов. Так, рождение Кунан Хара, его взросление, присвоение имени ему и его коню, воспевание богатырского вооружения и успехов, сборов перед дальней дорогой, конь, знающий человеческую речь, и его помощь своему хозяину, схватки богатыря с противником, женитьба, спасение отца с матерью от нападения чужеземцев, возвращение на родину – очень схожи с эпизодами сюжетов якутского олонхо. Также в тувинском эпосе, как и в олонхо, встречается немало моментов, когда герои перевоплощаются, меняя свой облик. В обоих эпосах красочным художественным словом описывается, как богатырь превращается в мальчишку-слугу, вводя тем самым в заблуждение своего врага, и в конце концов одолевает его.

В тувинском и якутском эпосах почти идентично переданы образы богатырей, их походы, в которых они, проявляя героическую отвагу и смелость, борются за утверждение и прославление жизни на Срединной земле. Примечательно то, что в эпических произведениях обоих родственных народов мы видим схожесть как композиций, так и мифологических образов, и мотивов сюжетов. Например, Кунан Хара находит сосуд с душой своего врага и уничтожает его, подобное встречается часто и в содержании якутских олонхо. Едини у народов отраженные в эпосах представления об устройстве мира, состоящего из Верхнего, Среднего и Нижнего миров. О широком использовании и в тувинском, и в якутском эпосах мифологических сюжетов, подтверждающих схожесть данных произведений и указывающих на влияние ранних

эпических произведений, обоснованно разъяснили эпосоведы В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов, И. В. Пухов, Н. В. Емельянов и др. Доктор филологических наук С. М. Орус-оол отмечал, что в «Кунан Хара» используются мифологические мотивы и образы, сложен эпос стихотворными строфами [10]. Благодаря изданию переведенного известного тувинского эпоса, наши читатели получают возможность на родном языке прочитать и познать замечательный эпос родственного нам народа.

Заключение

Тувинцы в древности с гордостью называли себя уранхайцами. Читая на своем языке наше олонхо, они могут также заглянуть в историю древних веков, вспомнить недавнее прошлое и проанализировать вопросы расселения уранхайцев на ближних и дальних землях. Примечательно то, что инициативу по распространению среди народов мира эпических произведений одобрило ЮНЕСКО и теперь издание серии книг «Эпические произведения народов мира» находится под его эгидой. Значит, всякий раз, когда в переводе на якутский язык будет выпущен у нас очередной известный эпос, наше олонхо, будучи изданным на взаимной основе, заговорит на языке другого народа, покориет сердца читателей, трогая души и вдохновляя.

Л и т е р а т у р а

1. Илларионов В. В. Десятилетие олонхо: итоги и задачи // Илларионов В. В. Эпическое наследие народа Саха / Отв. ред. д-р фил.-х наук, проф. Л. С. Ефимова. – Новосибирск: Наука, 2016. – С. 298-312.
2. Манаас: кыргыз баатырдыы эпоһа / Саякбай Каралаев, Сагынбай Орозбаков уо.д.а. манаасчыттар айымныларыгар олобуран Бексултан Жакиев кылгатын суруйуута; Бексултан Жакиев нууччалыы тылбааһа; Тамара Петрова, Афанасий Гуринов-Арчылан, Трофим Кириллин нууччалыыттан сахалыы тылбаастара; Теодор Герцен иллюстрацията; [хомуйан онордо А. Н. Жирков]. – Дьокуускай: Бичик, 2014. – 630 с. (Аан дойду норуоттарын эпическэй айымнылара = Эпические памятники народов мира).
3. Маадай Хара: алтай баатырдыы эпоһа / алтай омук каайчыта (сэһэнньитэ) Калкин А. Н. айымныгын фольклорист Суразаков С. С. суруйуута, нууччалыы тылбааһа; Васильева А. А., Винокурова М. С., Герасимова Е. С. [уо. д. а.] нууччалыыттан сахалыы тылбаастара; Ортоңулов И. И. ил.; [хомуйан онорооччу Жирков А. Н.]. – Дьокуускай: Бичик, 2017. – 305 с. (Аан дойду норуоттарын эпическэй айымнылара = Эпические памятники народов мира).
4. Ураал Баатыр: башкир норуотун баатырдыы эпоһа / Габит Аргынбаев, Хамит Альмухаметов тылларыттан, Мухаметша Бурангулов суруйуута; башкир тылыттан Хакимов А. Х. нууччалыы тылбааһа; Васильева А. А., Винокуров М. С., Герасимова Е. С. уо. д. а. нууччалыыттан сахалыы тылбаастара; Голубев Г. Е. ил.; [хомуйан онорооччу А. Н. Жирков; бырайыак ааптардара А. Н. Жирков, С. Т. Сагитов; редкол.: Б. Ж. Жакиев, А. Н. Жирков (кыл. эрдээктэр), В. Н. Иванов уо.д.а.; кириин тылы суруйда А. Н. Жирков]. – Дьокуускай: Бичик, 2017. – 215 с.
5. Маадай-Кара: алтайский героический эпос / [сказитель А. Г. Калкин; запись текста, перевод и приложения С. С. Суразакова; подготовка тома и вступительная статья И. В. Пухова; ответственный редактор Н. А. Баскаков]. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. – 464 с.
6. Ойуунускай П. А. Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо / П. А. Ойуунускай; [бэчээккэ бэлэмнээтилэр: П. Н. Дмитриев, С. П. Ойунская, уопсай эрдээксийэни онордо В. Н. Иванов; А. С. Карамзин ойуулара; кинигэ ис-тас кизэргэтиилэрин онордо Д. П. Дмитриева. – Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2003. – 544 с.
7. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов // Ньургун Боотур Стремительный: якутский героический эпос олонхо / воссоздал на основе нар. сказаний П. Ойунский; пер. на рус. яз. В. Державин; ил. Э. Сивцева, В. Карамзина, И. Корякина; [под общ. ред. С. В. Михалкова; науч. ред., ст. и коммент. И. В. Пухова; лит. ред.: В. М. Новиков, Т. Д. Резвова]. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1975. – С. 411-422.
8. Ойунский П. А. Ньургун Боотур Стремительный: якутский героический эпос олонхо / воссоздал на основе нар. сказаний П. Ойунский; пер. на рус. яз. В. Державин; ил. Э. Сивцева, В. Карамзина, И. Корякина; [под общ. ред. С. В. Михалкова; науч. ред., ст. и коммент. И. В. Пухова; лит. ред.: В. М. Новиков, Т. Д. Резвова]. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1975. – С. 411-422.

9. Мүлдү Бөжө = Непобедимый Мюльдзю Бёгё: олонхо в двух книгах / Дмитрий Говоров; [сост. А. Н. Жирков; худож.: А. П. Мунхалов, Дь. А. Бойтунов] – Якутск: Бичик, 2010. Кн. 1: Мүлдү Бөжө / бастакы кинигэ А. Ф. Бояров сурукка түһэриитэ; [бэчээккэ бэлэмнээтэ, лат. графикааттан сахалыы алфавикка көһөрдө А. Н. Жирков]. – 2010. – 477 с.

10. Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания и эпос “Хунан Хара //Кунан Хара: тыва баатырдыы эпоһа / Ооржак Ч.-Х.Ч. тылыттан Дарыма О.К.-Ч. уонна Куулар Д. С. уһултарыылара; тыва тылыттан Жирков А. Н. сахалыы тылбааһа, тыва тылыттан Кудияров А. В. нууччалыы тылбааһа, нууччалыыттан Борисова А. А. сахалыы тылбааһа; Шалык Н. К. ил.; хомуйан оһордо Жирков А. Н. – Дьокуускай: Айар, 2022. – С. 438-441.

References

1. Illarionov V. V. Desyatiletie olonho: itogi i zadachi // Illarionov V. V. Epicheskoe nasledie naroda Saha / Otv. red. d-r fil-h nauk, prof. L. S. Efimova. – Novosibirsk: Nauka, 2016. – S. 298-312.

2. Manaas: kyrgyz baatyrdyy epoha / Sayakbaj Karalaev, Sagynbaj Orozbakov uo.d.a. manaaschyttar ajymn'ylarygar oloşuran Beksultan Zhakiev kylgatan surujuuta; Beksultan Zhakiev nuuchchalyy tyldaaha; Tamara Petrova, Afanasij Gurinov-Archylan, Trofim Kirillin nuuchchalyytan sahalyy tyldaastara; Teodor Gercen illyustraciyata; [homujan oһordo A. N. Zhirkov]. – D'okuuskaj: Bichik, 2014. – 630 s. (Aan dojdu noruottaryn epicheskej ajymn'ylara = Epicheskie pamyatniki narodov mira).

3. Maadaj Khara: altaj baatyrdyy epoha / altaj omuk kaajchyta (sehenn'ite) Kalkin A. N. ajymn'ytyn fol'klorist Surazakov S. S. surujuuta, nuuchchalyy tyldaaha; Vasil'eva A. A., Vinokurova M. S., Gerasimova E. S. [uo. d. a.] nuuchchalyytan sahalyy tyldaastara; Ortonulov I. I. il.; [homujan oһoroochchu Zhirkov A. N.]. – D'okuuskaj: Bichik, 2017. – 305 s. (Aan dojdu noruottaryn epicheskej ajymn'ylara = Epicheskie pamyatniki narodov mira).

4. Ural Baatyr: bashkir noruotun baatyrdyy epoha / Gabit Argynbaev, Hamit Al'muhametov tyllarytan, Muhametsha Burangulov surujuuta; bashkir tylytan Khakimov A. H. nuuchchalyy tyldaaha; Vasil'eva A. A., Vinokurov M. S., Gerasimova E. S. uo. d. a. nuuchchalyytan sahalyy tyldaastara; Golubev G. E. il.; [khomujan oһoroochchu A. N. Zhirkov; byrajyak aaptardara A. N. Zhirkov, S. T. Sagitov; redkol.: B. Zh. Zhakiev, A. N. Zhirkov (kyl. eredeekter), V. N. Ivanov uo.d.a.; kiirii tyly surujda A. N. Zhirkov]. – D'okuuskaj: Bichik, 2017. – 215 s.

5. Maadaj-Kara: altajskij geroicheskij epos / [skazitel' A. G. Kalkin; zapis' teksta, perevod i prilozheniya S. S. Surazakova; podgotovka toma i vstupitel'naya stat'ya I. V. Pukhova; otvetstvennyj redaktor N. A. Baskakov]. – M.: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1973. – 464 s.

6. Ojuunuskaj P. A. D'ulurujar N'urgun Bootur: olonho / P. A. Ojuunuskaj; [becheekke belemneetiler: P. N. Dmitriev, S. P. Ojunskaaya, uopsaj eredeeksijeni oһordo V. N. Ivanov; A. S. Karamzin ojuulara; kinige is-tas kiergetiilerin oһordo D. P. Dmitrieva. – D'okuuskaj: Sahapoligrafizdat, 2003. – 544 s.

7. Pukhov I. V. Olonho – drevnij epos yakutov // Nyurgun Bootur Stremitel'nyj: yakutskij geroicheskij epos olonkho / vossozdat na osnove nar. skazaniy P. Ojunskaaya; per. na rus. yaz. V. Derzhavin; il. E. Sivceva, V. Karamzina, I. Koryakina; [pod obshch. red. S. V. Mihalkova; nauch. red., st. i komment. I. V. Pukhova; lit. red.: V. M. Novikov, T. D. Rezvova]. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1975. – S. 411-422.

8. Ojunskaaya P. A. Nyurgun Bootur Stremitel'nyj: yakutskij geroicheskij epos olonho / vossozdat na osnove nar. skazaniy P. Ojunskaaya; per. na rus. yaz. V. Derzhavin; il. E. Sivceva, V. Karamzina, I. Koryakina; [pod obshch. red. S. V. Mihalkova; nauch. red., st. i komment. I. V. Pukhova; lit. red.: V. M. Novikov, T. D. Rezvova]. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1975. – S. 411-422.

9. Мүлдү Бөжө = Nepobedimyj Myul'dzhyu Byogyo: olonho v dvuh knigah / Dmitrij Govorov; [sost. A. N. Zhirkov; hudozh.: A. P. Munhalov, D'. A. Bojtunov] – Yakutsk: Bichik, 2010. Kn. 1: Мүлдү Бөжө / bastaky kinige A. F. Boyarov surukka tyheriite; [becheekke belemneete, lat. grafikattan sahalyy alfavikka көһөрдө А. Н. Жирков]. – 2010. – 477 с.

10. Orus-ool S. M. Tuvinskie geroicheskie skazaniya i epos “Hunan Hara //Kunan Hara: tyva baatyrdyy epoha / Oorzhak Ch.-H.Ch. tylytan Daryma O.K. - Ch. uonna Kuular D. S. uһul'taryylara; tyva tylytan Zhirkov A. N. sahalyy tyldaaha, tyva tylytan Kudiyarov A. V. nuuchchalyy tyldaaha, nuuchchalyytan Borisova A. A. sahalyy tyldaaha; Shalyk N. K. il.; khomujan oһordo Zhirkov A. N. – D'okuuskaj: Ajar, 2022. – S. 438-441.

У. Н. Текенова¹, С. В. Иванова²

Генетически и типологически родственные сюжеты о шаманах в национальных литературах (на примере произведений алтайских и якутских писателей)

¹Горно-Алтайский государственный университет,
НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия

²Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье исследуются генетически и типологически родственные сюжеты о шаманах и сакральный вещный мир шаманов в прозаическом и поэтическом корпусах художественных произведений алтайских и якутских писателей. В сравнительно-сопоставительном аспекте рассматриваются авторские стратегии в изображении образов шаманов. Обращается внимание на сцены шаманских мистерий, жанровые и языковые особенности литературных камланий (повторы, анафоры, синтаксический параллелизм, экспрессивные слова), «вещный мир шаманов» (ритуальная атрибутика), сюжеты и эпизоды, также представления шаманов о Вселенной и мироустройстве. В заключении на примере произведений алтайских и якутских писателей проведена классификация генетически и типологически родственных сюжетов о шаманах в национальных литературах и шаманской атрибутики, которые позволяют выявить этнокультурные особенности. Авторами статьи выявлена генетическая связь шаманских сюжетов – этнографические реалии и традиционная шаманская ритуальная атрибутика как маркеры мотивов выполняют сюжетообразующую функцию повествования (вещный мир шаманов как художественная индивидуализация героев и единая система предметного мира). Например, комплекс знаковых вещей и предметов: одежда, помощники шаманов (птицы, звери, люди), бубен и др.

В исследуемых произведениях наблюдаются вкрапления мифов и преданий в художественную канву произведений, выполняющие сюжетообразующую и характерологическую функцию, а также функцию индивидуализации героев. В творчестве писателей национальных литератур благопожелание и камлание являются художественными приемами и элементами поэтики произведений. Отмечается и типологическая связь – гонения и истребление шаманов в период Джунгарского ханства, которые нашли отражение в произведениях Д. Б. Каинчина и Б. У. Укачина, в период советской власти борьба с шаманизмом находит художественное отражение в произведениях Дибаша Каинчина, Аржана Адарова, Бориса Укачина, В. С. Яковлева-Далана и И. М. Гоголева-Кындыл, где раскрывается жизнь начала XX в., периода революции, гражданской

ТЕКЕНОВА Ульяна Николаевна – к. филол. н., Горно-Алтайский государственный университет, Научно-исследовательский институт алтаистики имени С. С. Суразакова.

E-mail: tekenovau@mail.ru

ТЕКЕНОВА Ulyana Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Gorno-Altai State University, S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies.

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sargylana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Stylistics of the Yakut Language and Russian-Yakut Translation, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

войны и репрессии, описываются сложные судьбы шаманов. А в эпоху перемен на рубеже XX-XXI вв. национальные писатели переносят в художественную литературу образы и сюжеты о шаманах XVI, начала XVIII-XX вв. из мифов, народных легенд и преданий. Так, образ шамана является сквозным для всех периодов развития национальных литератур.

В работе использованы сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, герменевтический методы.

Ключевые слова: национальные литературы, образ шамана, сюжет, образ-символ, сакральный вещный мир, генетическая и типологическая связь, Каинчин, Адаров, Укачин, Яковлев-Далан, Гоголев-Кындыл.

U. N. Tekenova¹, S. V. Ivanova²

Genetically and typologically related stories about shamans in ethnic literatures: the case of works by Altai and Yakut writers

¹Gorno-Altai State University, S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altaysk, Russia

²M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article explores genetically and typologically related plots about shamans and the sacred material world of shamans in the prose and poetic corpora of works by Altai and Yakut writers. The author's strategies in depicting the images of shamans are considered in a comparative aspect. Attention is drawn to the scenes of shamanic mysteries, genre and linguistic features of literary shamanic rituals (repetitions, anaphoras, syntactic parallelism, expressive words), the "material world of shamans" (ritual attributes), plots and episodes, as well as the ideas of shamans about the Universe and the world order. In conclusion, on the example of the works by Altai and Yakut writers, a classification of genetically and typologically related plots about shamans in ethnic literatures and shamanic attributes, which make it possible to identify ethno-cultural features, is carried out. The authors of the article reveal the genetic connection of shamanic plots: ethnographic realities and traditional shamanic ritual attributes as markers of motives perform the plot-forming function of the narrative (the material world of shamans as an artistic individualization of heroes and a single system of the object world). For example, a complex of iconic things and objects: clothes, helpers of shamans (birds, animals, people), tambourine, etc.

In the studied works, there are inclusions of myths and legends in the artistic canvas of the works, performing a plot-forming and characterological function, as well as the function of individualizing the characters. Ethnic writers use benevolence and trans rituals as artistic techniques and elements of the poetics in their works. There is also a typological connection: the persecution and extermination of shamans during the period of the Dzungar Khanate, which were reflected in the works of Dibash Kainchin and Boris Ukachin; during the period of the Soviet power the fight against shamanism is artistically reflected in the works by Dibash Kainchin, Arzhan Adarov, Boris Ukachin, Vasily Yakovlev-Dalan and Ivan Gogolev-Kyndyl, where the life in the beginning of the 20th century, the period of the revolution, is revealed; complex fates of shamans during the civil war and repression is described. At the transitional turn of the 20th – 21st centuries, ethnic writers transfer to fiction images and plots about shamans of the 16th, early 18th – 20th centuries from myths and folk legends. Thus, the image of the shaman is end-to-end for all periods of development of ethnic literatures. Comparative-historical, comparative-contrasting, and hermeneutic methods are used in the study.

Keywords: ethnic literatures, image of a shaman, plot, image-symbol, sacred material world, genetic and typological connection, Kainchin, Adarov, Ukachin, Yakovlev-Dalan, Gogolev-Kyndyl.

Введение.

В художественном осмыслении изображения шаманства и освоении роли шаманизма в национальных литературах народов Сибири, в частности в произведениях алтайских, тувинских и якутских писателей рубежа XX-XXI вв. наблюдается общность в поэтике изображения образов шаманов, их традиционного шаманского культа, где неоднозначным и наиболее сложным является сам образ шамана. Наблюдается влияние темы шаманизма на творческое сознание отдельных авторов, их мировосприятие и национальную самоидентификацию. Писатели получили возможность заглянуть в прошлое, работать в архивах, что позволило объективно оценить роль шаманизма в истории своего народа, рассматривать шаманизм в трех направлениях: художественное изображение образа шамана (главный герой), как проявление тайнописи и как элемент поэтики.

Воздействие представлений о Вселенной на художественную систему писателей, «вещный мир шаманов» – ритуальная атрибутика в сравнительно-типологическом аспекте еще не были специальным предметом исследования в филологии. Исследование типологически родственных сюжетов о шаманах и в описании «вещного мира шаманов» в произведениях алтайских и якутских писателей позволяет выявить этнокультурные особенности. Цель исследования – выявление генетически и типологически родственных сюжетов о шаманах на примере произведений алтайских и якутских писателей.

Теоретико-методологической основой статьи стали труды отечественных (Потапов, 1991; Сагалаев, 1992; Баршт, 1997; Непомнящих, 2019; Жулева, 2019), (Ямаева, 1994; Сивцева-Максимова, 2013; Ноева, 2017; Семенова, 2020) ученых в областях литературоведения, этнографии, истории, культурологии и философии.

Объект исследования – произведения писателей национальных литератур (алтайская, якутская).

Предметом исследования являются генетические и типологические сходства некоторых сюжетов о шаманах, особенности их изображения в произведениях алтайских писателей. В качестве примера нами исследованы рассказы «Баш ла болзын, үй кижил...» («Благодарю тебя, женщина...», 1980), поэма «Камнын тўнўри» («Бубен шамана», 1993) Бориса Укачина, романы «Олўминг чанкыр кужу» («Синяя птица смерти», 2002) Аржана Адарова и «Ўстибисте Ўч-Сўмер» («Над нами Белуха», 2003) Дибаша Каинчина; якутских писателей – в поэме «Сон шамана» (1910) Алексея Кулаковского, стихотворениях Анемподиста Софронова-Алампа, романе-трилогии «Хара Кыталык» («Черный стерх», 1984), Ивана Гоголева-Кындыл, романе «Тыгын Дархан» (1994) Василия Яковлева-Далана.

Благопожелания, камлания шаманов

В традиционной культуре алтайцев и якутов при проведении обрядов и различных ритуалов большую роль играют благопожелания, которые прочно вошли в жизнь как историческая память культурного наследия народов, а в литературе как один из художественных приемов писателей. В первой части данной статьи особое внимание обращается на благопожелания (формулы обрядовой поэзии, сходства и различия), используемые писателями при изображении образов шаманов, как оригинальный мир поэтики тюркских народов Сибири.

Нельзя не отметить, что в алтайской литературе второй половины XX и начала XXI вв. долгое время продолжает существовать и другая сторона вопроса – это табу, религиозный запрет (*байлу*) – тревожить шаманов или души умерших «во избежание враждебных

проявлений сверхъестественных сил»¹. Например, и в настоящее время при обращении к теме шаманизма, алтайцы соблюдают традиционные ритуалы и совершают обряды, тем самым выражая уважение и почтение, стараются придерживаться предписанных правил – «байлан» – 'остерегаться, воздерживаться'. Не случайно алтайский поэт и прозаик Борис Укачин, приступая к написанию своей поэмы-молитвы «Камнын бажы» («Голова шамана», 1992), в знак уважения и почитания камов / шаманов произносит слова благопожелания и просит прощения за беспокойство. В качестве подтверждения обратимся к Л. П. Потапову: «каждый шаман, камлая тому или иному божеству, духу, обращался к нему с восхвалениями, славословиями, эпитетами, импровизируя свои гимны-обращения и молитвенные просьбы» [13, с. 126], которые выражаются в алкышах-благопожеланиях.

Борис Укачин при обращении к Верховному божеству и духам, мастерски использует фольклорный жанр алкыш-благопожелание. Восхваляя Небесных богов, он выражает свою просьбу: «*Камдар керегинде сös айтсам / Калжуурын, кату болбогор. // Туктурулзам, жастырзам, / Тургактабай божоткор!..*» [20, с. 104] – 'Если скажу слово о шаманах / Не сердитесь, не будьте строги. // Если запнусь, ошибусь / Не препятствуйте, отпустите' (здесь и далее подстрочный перевод У. Текеновой). Б. Укачин Верхним Богам приносит извинения за беспокойство: «*Алтабас бозого ажайын дедим бе, / Ачылбас эжикти ачайын дедим бе...*» [20, с. 104] – 'Хочу переступить порог, который нельзя переступить, // Открыть двери, которые нельзя открывать', что осмелился затронуть запретную тему и просит защиты и покровительства для завершения начатого произведения.

В эпилоге поэмы автор обращается к От-Эне (Матери-Огню), просит благословения и защиты для семьи, детей, всего алтайского народа и себя: «*Алас!.. Алас!! – От-Эне, / Отус башту От-Эне!.. – Алас!.. Алас!! – Огонь-Мать, / Тридцатиголовая Огонь-Мать!..*» и выражает свою просьбу: «*Агару одым, жарыгар, / Ак жалбыжаар жарыткар!.. // Жылтыстан алган сöстöрим / Жылыйган жылдарды жарытсын! // Жонымда бүткен камдарым, / Жоголбой ойтот тынданзын!..*» – 'Мой священный огонь, светите, / Белое пламя свое светите!.. / Слова мои взятые от звезд / Пусть освещают исчезнувшие годы! Пусть шаманы, рожденные моим народом / Не исчезли и ожили вновь». «*Камдардын кату салымын / Касканым учун каргабагар... / Кызаланду жылдар салкынын, / Кыймыктаттым – кыйнабаар!.. / Айланайын, От-Эне, / Аскан казаным соолбозын! // Айлы-журтым, бала-баркам, / Ачуны көргөн алтай жоным, / Ак-жарыкта амыр жатсын!..// Арутагар мени, От-Эне, / Алкыш беригер _от-Эне!..*» – 'За то, что суровую судьбу / Шаманов разворошил / Не проклинайте ... / За то, что расшевелил ветер трудных годов – не мучайте!.. Прошу, Огонь-Мать, / Чтобы казан мною поставленный (на очаг) не высох! / Чтобы моя семья, дети и внуки мои, / Видевший много горя мой алтайский народ, / На этой земле жил мирно!.. Очистите меня, Огонь-Мать, / Благословите меня, Огонь-Мать!' [20, с. 104].

В заключении произведения автор Б. Укачин говорит, что, работая над поэмой о камах, он и сам стал как шаман, и теперь никакие проклятья, беды и несчастья не смогут его достать. Он благодарит Мать-Огонь (От-Эне), Триединого бога Курбустана (Ўч-Курбустан), Белого Быркана (Ак-Быркан), Улгена-Бога (Ўлген-Кудай), Верхний и Нижний Мир (ведающих судьбу).

1 «Традиционные запреты в языке народов Алтая обозначаются словом бай, что указывает одновременно на почтительное отношение к конкретному живому и неживому объекту природы. <...> Анализируя значения словосочетаний, содержащих компонент бай, можно предположить, что семантическая эволюция данного слова проходила в двух основных направлениях: 1. «запретный, священный», «воздержанный, осторожный, берегущийся, безгильный» «скромный, простой» «бедный, (бедняжка) «беспечный, болтливый, развязный; 2. «запретный, священный» «почтенный, старший, уважаемый» имущий, богатый» «изобилующий, полный». Традиционно у алтайцев слово бай используется «в значениях первой группы, с самого начала было связано с культовыми запретами, употреблялось при совершении религиозных обрядов».

Другой алтайский писатель Дибаш Каинчин в первой части романа «Над нами Белуха» [9] при изображении дореволюционного Алтая обращается к образам шаманов, которые представлены в различных сюжетах и эпизодах произведения. Например, утративший свою силу великий кам Карбыш или крещенный алтаец Табытка, которому на роду было предписано стать потомственным шаманом, которому приходит озарение только во время тяжелого недуга. В романе автор удачно использует различные приемы психологического изображения героев через внутренний монолог, выраженный в обращении с благопожеланиями Улген-Кудайу, к родовой горе, к огню; различные художественные детали (сжигание нательного креста Табытка и т.д.) и природные явления (события происходят темной ночью, в старую луну).

Заметим, что герои-шаманы обращаются к благопожеланиям в самые разные моменты своей жизни. В рассматриваемых эпизодах Д. Б. Каинчин намеренно акцентирует внимание на предметно-изобразительные детали. Например, кам Карбыш, онемевший после заговора отца Миколы, потерял связь со своими беркутами и внешним миром, но в мыслях он верит, что все вернется, и он вновь обретет силу. В ущербную луну (ночью) он, обращаясь к окружающей его природе (лес, реку) скрыть его, не выдавать врагам и просит помощи у нечисти: *«Эй көрмөстөр, эй каралар! Слерлердин эмди куйбурайтан, кутустанатан ойигер. Слерлер де меге болужыгар, болужыгар, болужыгар! Слерлерле канча согушкам, согушкам, урушкам, мени билеригер, таныырыгар. Эмди мен слерди көрбөс, укпас болуп калгам. Кара керекке барып жадым... <...> ...Кара койым кысканбазым, кара бажым сал берерим... Јанданып жадым, садынып жадым...»* – 'Эй, черти, эй, темная (сила)! Сейчас время вашего шабаша. И вы мне помогите, помогите, помогите! Сколько я с вами дрался, дрался, возился, меня знаете, узнаете. Теперь я перестал вас видеть, перестал слышать. На черное дело иду... <...> ... Черную овцу не пожалею, черную голову (свою) положу. Совершаю обряд (я), продаюсь (я)...' [9, с. 60]. Как известно, для достижения своей цели кам / шаман может идти разными путями, меняя своих помощников и обращаясь к разным духам. Кам Карбыш уже не обращается, как прежде, к Улген-Кудайу в Верхний Мир и Эрлик-Бийу – владыке Нижнего Мира. Шамана сгубила его вредная привычка чрезмерного принятия спиртного. Он вынужден продать свою душу нечисти (с которой сам же боролся) ради борьбы со священником Миколой за человеческие души.

Другой герой Тобоков Табытка раскаиваясь, что сменил свою веру, обращается к Тридцатоголовой Матери-Огню, называет ее «Кин-Эне» («Пуповинная Мать»). Он инстинктивно начинает говорить благопожелания и камлать, прося для себя здоровья и успокоения души: *«...Буду вороном кричать, чтобы бог мой услышал, буду как жеребенок ржать / визжать, чтобы моя судьба почувствовала / поняла... Три костра разжегший, три очага поставивший, отец Улген! Заставляющий двигаться Луну-Солнце, погоняющий белое облако», он просит «не обрывать его жизнь с ниточки», «не губить его голову с орех»* [9, с. 60]. Чтобы умиловить Мать-Огонь, Табытка обращается к ней, называя ее «Кыс-Эне» («Дева-Мать»), «Ўлбүрөктү От-Эне» («Огонь-Мать») «в шапке из перьев филина» или с украшающими эпитетами «спустившаяся с синевы», «навечно спустившаяся», «в красной шелковой одежде», «с игрой на месте костра» каган и т.д.

Тщательный анализ феномена Дибаша Каинчина позволил выявить ряд последовательностей и закономерностей, связанных с вкраплениями в художественный текст своих произведений сюжетов героических сказаний, мифов и шаманских мистерий. Прозаик с детства воспитывался на героических сказаниях слепой сказительницы Казак Кокпоевой, которые впитывал в себя, воображая себя то богатырем, то Тастаракаем или другим героем (в военные годы вечерами все свободное время дети проводили в айыле сказительницы). Отсюда и великолепное знание ритуалов и обрядов, обычаев и традиций, формульного языка героического сказания. Как справедливо отмечает Елизавета Ямаева: «Проблема соотношения сказителя и шамана, которая в настоящее время становится

одной из наиболее актуальных в фольклористике, рассмотрена на различных уровнях – ритуально-мифологическом, языковом, исполнительском» [24, с. 33].

Роман якутского писателя В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» [6] начинается с описания национального праздника Ыһыах, где происходит обряд кумысного кропления, во время которого шаман Одуну просит благословения и защиты у духов:

«Тоҕус добун дугуй халлаан
домньуттара! Абыс аламай манган халлаан
арчыһыттара!
Сэттэ килбиэн халлаан
синкэһиттэрэ!
Сүһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэн,
Тонобостоох бэйэм тонхойон,
Үс сырдык күлүккүтүгэр
Үнэн-сүктэн көрдөстөбүм буоллун!
Төрөтөр оҕобут төлөһүйүө буоллар, Иитэр
сүөһүбүт күрүөлэниэ буоллар,
Унаар буруобут умуллуо суоҕа
буоллар,
Орто туруу бараан дойду
Дьоллоох күөнүгэр
Туругуруохпут буоллар,
Алгыстаах аан ийэ дойду
Араҕас далбар кырсыгар
Аарыгырыахпыт буоллар,
Күндэлэс күн өркөн сирин
Күндү ньээкэ күөнүгэр
Көччүйүөхпүт буоллар,
Төлкөлөөх түөнэ манган түөрэхпит
Очурга обустарбатын,
Тэхтиргэ тэптэрбэтин!
Түгнэстэ түһэр буолаайабын!»
[6, с. 13-14]

'Внемлите мне и слушайте, Люди рода
Аи,
Сердобольные Уранхаи-Саха,
Сотворенные судьбой
С поводьями за спиной, Созданные,
чтобы жить
На восьмикрайней Изначальной
Матери-Земле! (...)
Чародеи девятиярусных светлых небес!
Ворожеи восьмиярусных белых небес!
Чудодеи семиярусных блистающих
небес!
Я прошу, умоляю!
Если нам суждено процветать
На счастливой твердыне земной,
Если нам дано возвеличиться На желтой
и нежной равнине земной,
Если нам доведется под солнцем,
Преклонив главу,
Припав на колени
Перед вечными светлыми тенями
вашими,
Нежиться и резвиться всегда,
Если детям дано вырастать и взрослеть,
Если огонь не погаснет вовек,
Пусть священный тёрэх,
Не переворачиваясь и не опрокидываясь,
Падает вниз дном'
[18, с. 12-13].

Как известно, тексты поэзии фольклора, в том числе благопожелания, художественно организованы, образно целостны, что придает текстам высокий, поэтический стиль. Текст благопожеланий шаманов состоит из сложно построенных синтаксических конструкций из сложно подчиненных предложений – параллелизма синтаксических конструкций (периода), представляющий собой семантико-структурное единство, характерные для синтаксиса фольклорных поэтических текстов [19, с. 349]. Периодические предложения состоят из интонационно противопоставленных частей: протазиса, характеризующимся повышением, восходящим движением тона, и аподозиса, характеризующимся понижением, нисходящим движением тона, и в содержании которого представляется вывод или следствие из того, о чем говорилось в протазисе.

Рассмотрим текст благопожелания шамана из романа «Тыгын Дархан». Текст состоит из вступления-обращения и двух периодических конструкций, представляющих собой сложные предложения. Вступление – представлено обращением к божествам состоящей из трехчленного параллелизма, выраженных существительными *домньуттара* 'чародеи', *арчыһыттара* 'ворожеи', *синкэһиттэрэ* 'чудодеи' в сочетании с постоянными

фольклорными эпитетами *тобус добун дугуй халлаан* 'девятиярусные светлые небеса', *абыс аламай манан халлаан* 'восьмиярусные белые небеса', *сэттэ килбиэн халлаан* 'семиярусные блистающие небеса'. Протазис первого периода – двухчленный параллелизм обстоятельств образа действия, выраженных деепричастиями (*сүгүрүйэн* 'преклонив', *тонхойон* 'припав') и именами существительными с аффиксом *-лаах* (*сүһүөхтээх* 'с суставами', *тонобостоох* 'с позвоночником') с притяжательным местоимением *бэйэм* 'сам'.

Протазис второй периодичной конструкции включает в себя шестичленный параллелизм зависимых частей сложноподчиненного предложения, аналогичных по содержанию и структуре, имеющих повторяющийся глагол-связку буоллар, выражающего уступительное отношение. Аподозис – это фразеологизм, состоящий из двухчленного параллелизма глагольных сказуемых, выраженных повелительным наклонением 3 л., ед. ч. (*оѳустарбатын, тэптэрбэтин* 'пусть не переворачивается', 'пусть не опрокидывается') со своими обстоятельствами места (*очурга, тэхтиргэ* 'неудачи, трудности'). В данном примере пожелание счастливой жизни представлено классической для фольклорных поэтических текстов формулой параллелизма зависимых и главных частей сложноподчиненного предложения, имеющих общую семантику 'пожелание благополучия'. Множественное повторение сказуемых в протазисе и аподозисе периодичной конструкции усиливает значение пожелания.

В художественных произведениях привлекает внимание описание камлания. Как отмечает Г. В. Ксенофонов, шаманское пение сильно отличается от обыкновенного пения. Первое «передается словом «*кутурар*», что значит – быть одержимым душой (кут), бесноваться, т.е. поет не сам шаман, а, будто бы, та душа, которая вселилась в него. Напев при *кутуруу* значительно отличается от простого пения: поют грубым голосом, порывисто, с беспрестанным мотанием головой и не глядя на людей» [10, с. 106-107].

В романе «Тыгын Дархан» описаны камлания шаманов Тыасааны и Одуну. Рассмотрим пример:

Дом-эрэ-дом! Дом-эрэ-дом! Дьоллоох
Туймаада дьохун баһылыга
Тойон аҕам Тыгын Дархан
Илин улуу уустары
Иин курдук иннэрэр
Идимэрдээх илбис ингэриннэ,
Аан курдук алдьатар
Аба-сата санааланна,
Өлөрөн-өһөрөн кэлэр
Өхөтөөх өйү өйдөннө.
Дом-эрэ-дом! Дом-эрэ-дом!
Дьэ ол тугунан туолуйуй? Ханныгынан
дьааһыйан тахсыай? Тугунан-ханныгынан
түмүктэниэй? Дом-эрэ-дом! Дом-эрэ-дом!
Дьэ эрэ! Ыыр-дьаар сыттаах Көстүбэт
бистэрэ!
Көй салгын тыыннаах
Көлдүн үөрдэрэ!
Истэр кулгаахтарым,
Көрөр харахтарым,
Көтөр кынаттарым,
Сүүрэр атахтарым,
Үнэр үтүгэттэрим,
Күлэр эмэгэттэрим,
Ыраах да буолларгыт,
Чугаһаан эрэ!
Суох да буолларгыт,
Баар буолун эрэ!
[6, с. 84-85].

'Дом эрэ дом! Дом эрэ дом! Доблестный
властитель счастливой Туймаады,
Достославный отец мой Тыгын Дархан,
Дабы восточные Уусы великие
Растоптать и с землею сровнять,
Исполнился духом алчным, Чтобы
порушить их, как двери, Наполнился
злостью и гневом,
Нацелился на убийство.
Дом эрэ дом! Дом эрэ дом!
Да знает ли кто, чем это кончится?
Да ведает ли он, каким боком это
выйдет?
Дано ли ему знать, во что это выльется?
Дом эрэ дом! Дом эрэ дом!
Эй вы, Аджарай и абаасы. Изрыгающие
стужу и туман. Прыгать и сотрясаться.
Эй вы, Лукавые призраки, Испускающие
вонь и смрад!
Будьте мне ушами чуткими! Станьте
глазами зоркими! Крыльями мне будьте!
Ногами мне станьте!
Я ль не поклонялась вам – Помогите!
Ежели далеко вы – приблизьтесь!
Ежели нет вас – то будьте' [18, с. 73-74].

Использованы повторы возгласов «дом эрэ дом!» в начале и в конце строфы, сходное построение смежных фраз – синтаксический параллелизм: «Дьэ ол тугунан туолуйуй? / Ханныгынан дьааһыйан тахсыай? / Тугунан-ханныгынан түмүктэниэй?» 'Да знает ли кто, чем это кончится? / Да ведает ли он, каким боком это выйдет? / Дано ли ему знать, во что это выльется?' Или: «Истэр кулгаахтарым, / Көрөр харахтарым, / Көтөр кынаттарым, / Сүүрэр атахтарым, / Үнэр үтүгэттэрим, / Күлэр эмэгэттэрим» 'Будьте мне ушами чуткими! Станьте глазами зоркими! Крыльями мне будьте! Ногами мне станьте!' и т. д. Известно, что В. С. Яковлев-Далан в своем романе использовал этнографические материалы, много работал в архиве. Но все этнографические источники, в том числе и сцены камланий, благопожеланий (алгысов) не заимствованы целиком, а тщательно редактированы и литературно обработаны. Таким образом, благопожелания и камлания шаманов писатели используют как выразительные художественные средства и в преобразованном виде включают в тексты.

Образы шаманов, сюжеты о шаманах

В творчестве алтайских и якутских писателей привлекает внимание сам архетипический образ шамана, например, в произведениях Дибаша Каинчина и Аржана Адарова образы камов / шаманов способствуют раскрытию основной идеи, главных и второстепенных персонажей времен Джунгарского ханства, дореволюционного

Алтая, репрессии 1937 г., периода «гласности» и распада СССР. Художественная семантика исследуемых произведений пронизана темой шаманизма как особой формой мировоззрения, «включающей в себя элементы рационального, иррационального и образного познания мира» [7, с. 215].

В исследуемых произведениях встречаются сюжеты о потомственных шаманах. Обратимся к роману Аржана Адарова «Өлүмнин чанкыр кужу» («Синяя птица смерти», 1993), написанному в жанре исторического произведения и посвященному теме переосмысления судеб репрессированных [1]. Главному герою Эрелу Яприну приходят странные сны и видения, где реальное переплетается с ирреальным (души умерших людей, древнетюркские события и т.д. в видениях и во сне). Прозаик мастерски использует прием ретроспекции, и само повествование о судьбе потомственных шаманов представлено через воспоминания старушки Абый, где в беседе с Эрелом она напоминает ему, что он из рода известных «укту камов» – потомственных, родовитых шаманов.

Как справедливо заметил Л. П. Потапов, «рядовой кам, даже очень сильный, не смог стать укту камом, если ему не предшествовали родственники – камы на протяжении не менее трех-четырех поколений» [13, с. 224]. Родословная предков Эрела Яприна ведет к потомственному шаману Тоодокуш (прапрадедушка) из рода тодош (каждый шаман должен знать свою родословную). Ыртак был большим шаманом. После ссоры с шаманом по имени Опраа из Оймона, он семь дней не останавливаясь камлал и «съел» Опраа, за что был срочно востребован подземным владыкой Эрликом. Душа шамана Опраа днем и ночью умоляла его о спасении.

Чтобы избежать наказания от Эрлика Ыртак и его брат Белбес решают сменить религию и принимают крещение – Ыртак стал Иваном, а Белбес – Борисом. Но, заглядывая наперед, чтобы их род не оборвался, сына Ыртака Жапраа оставляют при своей религии. Устами старушки Абый звучит, что от потомственного шамана Ыртак Эрелу в наследство тоже что-то досталось: *«Түңүр туткан болзон, камдай бере эдин. Айса жаан кам болорын. Укту-төстү, учуп чыгар канатту. Ары жанынан жайалталу, адай Эрликтен бычулу»* - «Если бы взял бубен, то начал бы шаманить. Может большим шаманом стал бы. Потомственным и родовитым, с крыльями, чтобы взлететь. Талантливым от природы, с защитой от отца Эрлика» [1, с. 198]. О своем отце Эрел услышал от бабушки Жапраа, который считает, что их преследует наказание за то, что его отец, шаман Ыртак отказался от своей религии, и был за это проклят всевышним, с тех пор весь их род проклят. На Эреле Яприне род шаманов прерывается (у него нет семьи и детей).

Старушка Абый вспоминает события 1920-1930-х гг. XX в., когда начиналась советская власть. Сжигали религиозную атрибутику от -жайык и жайык Алтаю, разрушали тагылы, женщины бросали в огонь свои чегедеки, камов / шаманов и жарлыкчы / прорицателей посадили в тюрьмы. Срезали верхушки / купола церквей, прогоняли священников. «Думаешь, священнослужители им благодарности говорили! Не-ет. Они проклинали, плевали» [1, с. 199]. Таким образом, используя прием ретроспекции, через повествование старушки Абый воссоздается картина начала XX в., как усиливалась антирелигиозная борьба, наступило время «расшаманивания», гонения на шаманов и «жарлыкчы» (жарлыкчи-прорицателей). Нужно отметить, что имя потомственного шамана Ыртака упоминается и в родословной главного героя Мирзабека Атаганова в другом романе Аржана Адарова «Сердце, опаленное огнем» (2005).

Сюжеты о потомственных шаманах наблюдаются и в якутской литературе (Далан, Гоголев). По определению Г. В. Ксенофонтова: «Из глубин седой древности идет шаманский род, в отношении которого данный шаман будет только одной из многочисленных его ветвей, одним из отростков» [10, с. 100]. Исследователь дал полное определение шаманского дерева, которое воспринимается еще как «дерево судьбы», «предопределяющее жизнь шамана, так как шаманом становятся вследствие наследственного предрасположения и принадлежности к древнему шаманскому

родословному древу» [10, с. 100]. В романе И. М. Гоголева «Черный стерх», по словам юного шамана Кысалга, в лиственнице огромных размеров гнездится его шаманский зверь.

В произведениях алтайских писателей привлекает интерес смешение этнических элементов. Еще в свое время Л. П. Потапов отмечал возможность, как «смешение этнических элементов (например, через брак) отражалось даже на камском преемстве: тувинцы, алтайцы, шорцы оказались в приведенном случае причастными к родословной одного из укту камов. Отсюда следует, что влияние такого смешения этнических элементов на шаманские представления и культ – вполне реальный факт, который иногда, хотя и с трудом, но может быть обнаружен. Стало быть, данное обстоятельство должно учитываться при исследовании тех или иных сюжетов и явлений алтайского шаманизма, ибо смешанный этнический состав алтае-саянских народов и их родоплеменных групп не вызывает сомнения и во многом уже выяснен конкретно» [13, с. 223].

В алтайской художественной литературе смешение этнических элементов через брак представлено в романе «Над нами Белуха» [9] Дибаша Каинчина с целью более глубокого раскрытия образа Табытка Тобокова из рода комнош. Введение эпизода с внезапным приступом болезни купца-алтайца (Табытка), его неудержимого стремления, во что бы то ни стало камлать («предки давили»), а также эпизода о его родословной, о которой он даже не ведал, приводит к осознанию того, что Табытка Тобоков преследуется душами своих предков-шаманов. Д. Каинчин вводит в роман сюжет о шаманке-девушке Канаа, который раскрывает мотивы появления предания об образе небесной потомственной шаманки-тувинки (о шаманах небесного происхождения пишет в своем романе и тувинский писатель Монгуш Кенин-Лопсан). Чтобы показать мифологизированное пространство и время происходивших событий, автор использует фольклорную поэтику, которое проявляется во введении элементов сказочного зачина: *«Это было давным-давно. Но гораздо ближе, чем те времена, когда хвост верблюда волочился по земле, а рога горного козла задевали небо»* [9, с. 229].

Сакрализованное пространство предания охватывает устье рек Эне-Кемчик и Ада-Алаш, являющейся родиной девы шаманки Канаа, которая перемещается по воздуху. Канаа подробно описывает свой путь, который она проделала и какую жертву приносила, чтобы духи рек и гор ее пропустили. Оказывается, алтаец Кёёкён год назад ездил в Танну-Тыва торговать. По возвращении он всем рассказывал: *«В устье рек Эне-Кемчик и Ада-Алаш познакомился с девушкой-шаманкой, тувинкой Канаа, которая имела очень хороший, удобный айыл. В следующем году, как кукушка закукует, он уедет к ней»* [9, с. 229]. Так как Кёёкён был женат многократно, и все его жены бросали его, земляки решили, что это его очередная выдумка, обман.

Чтобы долететь до Алтая девушка-шаманка принесла в жертву свои вещи – она откупалась шаманскими атрибутами: гору Ыймен-Бажы Ыч-Могол облетела и бросила там шапку с чучелом филина («үлбүрөктү куш бөрүк»), шестидверную гору Абаган перелетела – священный манжак («мандьяк») там сняла. Вершину горы Кума Куу-Чолмон прошла, оставила пуговицы «куйкаларды», наконечное украшение «шанкы». Перевалила шестирогую гору Ак-Кайа, являющуюся вершиной Куйым-Эликманара, чуть не ударились о Трехвершинную Черную Скалу – орбы-чалуу (колотушку бубна) там оставила. В реку Тыргы бросила аркадый («как лес») «тарак»-гребень² свой. И наконец, шестиглазый свой ак адаан «белый бубен» отдав речке Көпшү, явилась перед Кёёкёном. Она хотела услышать правду [9, с. 230].

Небесная шаманка Канаа вышла замуж за Кёёкёна этой же осенью: заколола единственную овцу и провела обряд поклонения горе Адыган с просьбой вернуть ей то, от чего она отказалась ради замужества, но гора Адыган взамен потребовала «толынта»-«обмен», без этого нельзя – «Чтобы муж твой не разводил животных с гривой,

2 Тарак-гребень у тюркских народов является религиозно-магическим символом, имеет функцию оберега, связан с идеей плодородия и жизненной силы.

а сама чтобы не имела возможности иметь черноголовых детей!» [9, с. 229]. Канаа отказывается принимать эти условия и возвращается в Танна-Тыву. Через год Канаа прибыла на Алтай. При ней были все шаманские атрибуты (родственники помогли ей). Они Кёбкёном воспитали двоих сыновей – Курагаша и Адула. Табытка был потомком Курагаша. В приступе болезни он осознает, что заложенные в нем гены требуют от него, чтобы он шаманил. В тяжелом бреде он оказывается перед судом Подземного владыки Эрлик-Бия, который приказывает усадить его на зайца, размером с годовалого бычка и отпустить обратно в Срединный мир – чтобы ни свои, ни чужие его не принимали.

В якутской литературе образ шамана впервые был введен А. Е. Кулаковским–Өксөкүлээх Өлөксөй в философской поэме «Сон шамана» (1910 г.). Шаман Кулаковского как пророк указывает своему народу пути выживания как этноса в современном мире. Герой-шаман предсказывает революцию, гражданскую войну, Вторую мировую войну, также размышляет об экологических и социальных закономерностях цивилизации. П. В. Сивцева-Максимова в поэтике произведений раннелитературной традиции отмечает присутствие фольклорного начала как особый национальный ракурс мировидения [16, с. 136]. Но как считает литературовед, представление и восприятие поэм классиков якутской литературы только в этом русле недостаточно, ибо по масштабности идеи и проблематики эти произведения стоят на порядок выше художественных опытов, основанных на фольклорной образности. Отмечены особенности образа шамана в поэзии А. Е. Кулаковского: «В поэме «Сон шамана», где наиболее полно выражены социальные и философские взгляды автора, архаический образ главного героя – шамана – может преодолевать пространственные и временные дистанции, в то же время он выступает и как реальный, размышляющий о своем конкретно-историческом времени мудрый старец. В этом плане мифологическое начало органически сливается с действительным содержанием и не нарушает фабульной стройности сюжета произведения» [16, с. 136]. Таким образом, А. Е. Кулаковский, основываясь на образах и приемах произведений фольклора, в частности, используя образ шамана и формы аллитерационного стиха, отразил свои социально-философские взгляды.

А. И. Софронов-Алампа, преклоняясь перед талантом и личностью А. Е. Кулаковского, называет его Белым шаманом: «Аҕатын ууһун / Араас алгыһынан айхаллаабыт / Айыы Өксөкү диэн Аналлаах ат мингэлээх / Айыы Дьаргыл ойуун / Аан дойдубутугар Ананан айыллыбыт ээ. 'Предназначенный высшими силами / Белый Шаман / На белом коне / С именем Божественный Орел. / Судьбой избранный Певец, / Восславивший свой род Благословенными словами' (подстрочный пер. Семеновой В. Г., Андросовой Н. В.) [15, с. 168-177]. Алампа считает предназначение писателя и шамана одинаковыми призваниями, которые имеют сверхспособности видеть невидимое, слышать неслышимое, выступают против сил зла. Такого же мнения придерживается Наталья Непомнящих. Исследователь считает художественное творчество и шаманскую практику как два близких вида деятельности: «Писатель, ощущая себя голосом своего народа, чувствует себя и немного шаманом. Это одна из составляющих его национальной самоидентификации» [11, с. 180]. А основоположник научного изучения шаманизма Г. В. Ксенофонтов характеризует шаманов как прирожденных поэтов-импровизаторов с богатым воображением и фантазией и, в силу этого, благотворно воздействующих на психику красотой художественных образов [10, с. 20].

В стихотворениях А. И. Софронова-Алампа «Разговор Юноши с Мужчиной» (1923), «Предсказатель» (1925), «Шаман» (1925), «Ха-ха-хаа!» (1925), «Из заклинания шамана» (1924) образ шамана выступает как творец, несущий свет и добро, предсказатель и благословитель. Исследователь творчества А. И. Софронова-Алампа В. Г. Семенова пишет: «Алампа ввел в родную литературу образ Шамана, как высшей силы, обладающей целебной силой и энергетикой слова. Прежде всего, шаман у Алампы это

благословитель-алгысчит, излечивающий больные и заблудшие души силой слова, подсказывающий пути достижения счастья» [15, с. 168-177].

Роман «Тыгын Дархан» (1993) В. С. Яковлева–Далана основан на исторических, этнографических и фольклорных материалах. Как отмечает С. Е. Ноева, романист сделал широкий панорамный обзор истории, воссоздал культурно-этнографические, религиозные аспекты жизни народа, таким образом, впервые в якутской литературе получает функционирование особый геокультурный комплекс, основанный на мифопоэтических представлениях народа саха [12, с. 60]. Особый статус в романе имеет образ шамана Одуну, который способен видеть сквозь временное пространство и ему одному доступно сакральное пространство.

Один из персонажей романа – шаманка (удаганка) Тыаһааны, образ которой основан на народных легендах и преданиях. Она тоже имеет дар видеть прошлое и будущее времена. Вызов души с Небытия-Кыраман, разговор с духом умершего брата, вознесение в небо – *дьабын*, которые повествуются наиболее колоритно, подчеркивают амбивалентность ее фигуры среди прочих персонажей романа [12, с. 67]. Тыаһааны не может смириться с принципами своего отца Тыгын Дархан, который силой, кровопролитием хочет создать Ил – единое государство. Удаганка с помощью заклинаний верхом на шаманском звере Кэй Тугут Кыыл устремляется в дьябын (небытие): *«Мин манна аны тардыллыбаппын – ханнык даҕаны хара мэн сыстыбатах, тахсан ээр күн күлүмүн, киирэн ээр күн килбиэнин курдук ыраас-килбиэн сарданалаах саҥа кирбиигэ – сырдык ыраас Дьабыммар көтөбүн»* [6] – *‘Здесь меня не держит ничто, и я улетаю в беспорочно чистый, сияющий, как рассветное солнце, и блистающий, как закатное солнце, светлый мир – в страну Джабын’* [18].

Образ Тыаһааны – образ особенной от простых людей девушки, противостоящей против власти одного человека, несмотря даже на то, что этот человек ее родной отец. Тыаһааны понимает, что ничего не сможет изменить и покидает этот мир.

И. М. Гоголев-Кындыл считается одним из самых больших писателей-мистиков Якутии. Так, во всем его творчестве чувствуется дух шаманства. Владимир Федоров справедливо подметил о сути творчества писателя: «... Я тут же обнаружил, что каждый второй (если не чаще) известный поэт или прозаик Якутии обязательно имеет в своем родословном древе хотя бы одного шамана. (...) Начнем с того, что бабушка будущего писателя (Ивана Гоголева) была известной удаганкой, и предрекла его матери, будто у нее непременно появится мальчик «с лишним пальцем на руке», что считалось в народе явным шаманским знаком («лишней костью»). Все так и случилось. Едва увидев на одном из пальцев своего только что появившегося на свет малыша отросток, мать попросила врачей тут же в роддоме его и удалить. Но вместе с пальцем не удалось полностью удалить предрасположенность» [21]. Как признался в своем интервью юкагирский художник и писатель Николай Курилов, не реализовавший себя шаман находит отдушину в творчестве [22]. Так и И. М. Гоголев не стал шаманом, но во всех его крупных произведениях – «Черный стерх» (роман-трилогия, 1977-1987), «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1999) шаманы выступают главными героями или заметными персонажами.

В рассмотренных произведениях писателей двух литератур часто встречаются схожие сюжетные ситуации: гонение и истребление шаманов в дореволюционное время и в годы Советской власти; потомственные шаманы; борьба шаманов между собой или с другими героями, например, богачами, представителями власти и т. д. В обеих литературах образ шамана выступает как пророк, предсказатель и благословитель.

Вещный мир шаманов

Привлекает интерес изображение писателями вещного мира шаманов – *түнүр* (алт.), *дүнүр* (якут.) – бубна, мандьяка и шапки. К примеру, подробное описание ритуальной одежды алтайских шаманов дается только в монографическом труде А. В. Анохина,

которая является первым этнографическим трудом, сохранившим материалы об алтайском шаманизме. Писатели же художественно осваивали мир в тесной связи с мифопоэтическим мышлением своего народа, по его представлениям о триединстве мира. В романе Дибаша Каинчина наблюдается, как ради создания семьи небесная шаманка жертвует своими украшениями и ритуальными вещами, но затем их восстанавливает (шапку с чучелом филина-«үлбүрөктү куш бөрүк», пуговицы-«куйкаларды», девичье наkosное украшение-«шанкы», орбы-чалуу-колотушку бубна, «тарак»-гребень, шестиглазый белый адаан – бубен).

«Шаманский бубен для шаманистов – это не вещь в обычном смысле

слова, а почти живое существо. И даже просто живое, безо всяких «почти»» [14, с. 113].

Л. П. Потапов считал, что «бубен – это марал, служащий шаману ездовым животным» [13, с. 198]. В поэме «Кам Капшагай» Бориса Укачина шаман, чтобы спасти двух малолетних сыновей от врагов-ойрогов, приказывает своему бесконечно гудящему бубну превратиться в птицу и спасти детей: «В птицу, красную варнавку / Шаман превратил свой бубен. / С Черным и Белым объединившись / Стал сражаться с врагами» [20, с. 147].

По поверьям якутов бубен шамана тоже связан с его жизнью. В романе якутского писателя И. М. Гоголева «Хара Кыталык» враждующий с шаманом Тойон приходит в дом шамана Орджонумана и бросает в огонь его бубен и одежду: «Сими оохо сүрүбдэбэбит курдук таһыргы умайар. Тойон Киһи холумтаны толору кураанах хардаһаһа хаалаата. Оохо үөрэ-көтө умайан бачыгыраата. Аргы маска сытар дүгүрү сулбу тардан ылла. Дүгүр игиэттэр курдук дүһүгүрээтэ, кычыгылааммыт курдук кыаһааннара чылыгыраамахтаатылар. Күлүбэ ким эрэ кэлэн илиибиттэн харбыа диэн өрүһүснүттүү, дүгүрү умайа турар ооһохо бырахта. Күөх төлөн инсэлээхтик кууһан ылла» [5, с. 45]. – 'В камельке едва-едва теплился огонек. Тойон щедро наложил на весь шесток сухих поленьев, и пламя тотчас же взметнулось, заиграло. Гулко и зловеще загудел сорванный с перекадины бубен. На нем тонко запели-захохотали, словно от щекотки, колокольчики... Тойон с размаху бросил бубен в полыхающее пламя. Стало видно, как кожа бубна, корежась, пошла морщинами и выказывала гримасы, словно лицо человека от нестерпимой боли. Тойон злорадно ослабил и схватил с деревянного крюка шаманский наряд. Словно предостерегая, хищно, как кобчик на гнезде, заклекотали железные подвески. Будто пытаюсь взлететь, вздрогнула крыльями железная птица эксеку. Дрожь от возбуждения и безотчетного страха, тойон задохнулся в огонь и одеяние шамана... Пламя жадно начало облизывать старую замишу кафтана' [4, с. 42].

В исследуемых произведениях алтайских писателей тоже присутствуют образы звенящей горы и бубна, который может совершать действия отдельно от шамана (гудеть, звенеть). Так в сюжетную ткань романа «Синяя птица смерти» Аржан Адаров вводит эпизод о шамане, который умирает вдали от родины, но душа его возвращается на родину. Смерть настигла шамана в большом городе, но он готов к встрече с ней: «Диманак! Умираю. Лечу в свой Алтай. Пусть не переживает, не удивляется. Мои останки будут лежать в пещере на горе Дьал-Менку. Мой сын это место знает» [1, с. 397-398].

Душа и тело шамана загадочным образом вернулись на Алтай. Когда Диманак вместе с сыном Тоодокуша приходит в указанную пещеру, то обнаруживается, что тело шамана находится уже там. Бубен же был привезен из Москвы Диманаком и помещен в той же пещере, где все время качался, гудел и стучал. Андрей Маркович Сагалаев писал о появлении первого в мире шамана: люди, услышав шум и звон внутри горы, разрывают его, и на седьмой день оттуда выходит первый на земле шаман и просит людей сделать ему бубен [14, с. 113-114].

Духи-помощники шаманов

Как известно, шаманы имели своих духов-помощников, которые главным образом были птицами. Образы птиц присутствуют в алтайском романе Дибаша Каинчина

«Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха»): «Карбыш кам эки колын ёрö көдүреле, кууктап ла ийзе, эки муркүт түнүктен ээчий-деечий кирип, камнын эки жардына отургылап алар» [9, с. 26] – 'Как только Карбыш кам поднимал обе руки вверх и издавал клеот, два беркута друг за другом залетали через дымоход и садились на оба плеча шамана'.

Беркуты день и ночь летали над Алтаем: когда один поворачивался на запад, другой направлялся на восток, когда один поворачивал на юг, второй устремлялся на север. А когда их крылья уставали, они садились на две острые вершины Ўч-Сүмера (Белухи), закрывали глаза, чтобы сделать передышку. Они поднимались в Верхний мир, спускались в Подземный Мир. Но Карбыш кам старел, начал ослабевать и был готов передать птиц молодому шаману, но пока нет такого человека: «Время чужое, время другое. Что будет – непонятно. Кто удержит обычаи и традиции предков, кто продолжит, кто защитит?» [9, с. 26].

К духам-помощникам шаманов относится и птица филин, образ которого присутствует в художественном пространстве тувинской и алтайской литератур, являясь олицетворением зоркости, силы, бдительности и благородства своего хозяина-шамана. Среди шаманской атрибутики присутствуют и перья этой птицы, которым люди всегда приписывали таинственную силу (прозорливость, мудрость, зоркость и возможность полета). Например, в романе «Над нами Белуха» Дибаша Каинчина филин присутствует в ритуальной шапке с перьями филина – «үлбүрөктү³ куш бөрүк» небесной шаманки-девушки Канаа, родом из Танна-Тувы.

Птицы являются помощниками и якутских шаманов. Мотив «птицы-духи шаманов» встречается во многих преданиях о якутских шаманах. В романе И. Гоголева «Черный стерх» духом-помощником шамана Орджонуман является ворон: «Тойон Күһи муус устар ый ортотугар, чабылхай сарсыарда ойуун озорор ыырыгар аттанна. (...) Ол турдабына үрдүнэн хара суор суксуяа көтөн ааста, иччилээхтик хаабырбаата. Кулуба этэ саласта. Күтүр абааһыта ыырын аттыгар чуннуу сылдыар дуу? Кулуба дьибэлээри оностубутун көрөн ааста... Баран Ордьонумаан ойуунгу тыллы охсуо... Ыас хара ат иччитин санаатын таайбытты барылаччы тыбыырда» [5, с. 40]. 'И вот наконец тойон решил – отправился в гости к Орджонуману. Стояло морозное утро. (...) Шумно пролетел черный ворон, зловеще прокаркав три раза. У тойона мороз прошел по коже. «Неужели это духи-оборотни шамана следят за мной? Кажется, они обо всем догадались. Сейчас они расскажут все своему повелителю Орджонуману...» Словно угадывая его мысли, громко заржал конь' [4, с. 37].

Как отметил в примечаниях сборника о якутском шаманстве Г. В. Ксенофонов, по сказаниям якутов, ворон считается сыном Улуу-Тойона, в древности ему поклонялись как божеству, воспрещалось под страхом жестокого наказания убивать ворона [10, с. 108].

В фольклорных материалах, собранных Г. В. Ксенофоновым встречаются тексты, рассказывающие о зверях шаманов. Например, «...У каждого шамана бывает, так называемый мать-зверь (иньэ-кыыла), который имеет, будто бы, вид большой птицы с клювом, напоминающим железную ледоколку, с крючковатыми цепкими когтями и с хвостом длиной в три маховых сажени» [10, с. 50]. В романе И. М. Гоголева «Черный стерх» мать-зверь показывается шаману Орджонуман перед его смертью: «Бөлүүн ийэ кыылым – соботох харахтаах буур таба бүтэник төгүл мин ыырбар кэлэ сырытта. Миэхэ сүгүрүээт, харабыттан хааннаах симэһин таммалыы-таммалыы тус хоту быыратта турда. Мин тонус эмэгэттээх этим, онон аймахтарыгар айаннаатаҕа... Кэннин хайыһан көрбөтө... Бука, мин удьуорбуттан аны улуу ойуун төрөөбөтө буолуо... Ыар тыыным тахсан бизрбэккэ, уордаах хатааһынын дьааһыан, хаардаах самырынан силбизтэнэн эһигини да эрэйдээтим, бэйэм да эрэйдэнним»

3 үлбүрөк – 1. перья филина на ритуальной одежде шамана; 2. пух филина на женских серьгах. Баскаков Н.А., Тошачова Т.М. Ойротско-русский словарь.-Горно-Алтайск, 2005. С.172.

... [5, с. 51]. *Прошлой ночью моя мать звериной породы – слепая на один глаз олениха – последний раз навещала меня. Она склонила голову передо мной и потом, роняя из глаза кровавую слезу, умчалась прямо на север... У меня идол из эвенов, поэтому мой зверь, думаю, подался к своим... Ни разу он не оглянулся... Значит, из моей родни не народится другой великий шаман... Мой тяжкий дух трудно покидает тело, вот почему я наслал на вас и поздние лютые морозы, и дожди-тягуны...'* [4, с. 48].

Так в произведениях алтайской и якутской литератур прослеживаются мотивы спасения шаманской атрибутики, борьбы шаманов и их болезней о чудесном бегстве или спасении от преследователей. Наблюдается сходство в изображении зверей и птиц – помощников шаманов, вещного мира шаманов (бубен, колотушка, ритуальная одежда, мать-зверь, птицы шаманов, священное дерево).

Заключение.

Таким образом, рассмотренные произведения писателей национальных литератур Сибири позволяют предположить, что предназначение для писателей и шаманов является в одинаковом призвании – они имеют сверхспособности видеть невидимое, слышать неслышимое.

Этнографические реалии / традиционная шаманская ритуальная атрибутика как маркеры мотивов в исследованных произведениях выполняют сюжетообразующую функцию повествования (вещный мир шаманов как художественная индивидуализация героев и единая система предметного мира шаманов как комплекс знаковых вещей и предметов шамана: одежда, помощники (птицы, звери, люди), бубен ('түнүр' / 'дүгүр'), волшебный камень (чат даш (белый камень) – 'јада таш' – 'сага таас'), священное дерево и др. Прослеживаются мотивы спасения шаманской атрибутики, борьбы шаманов и их болезней о чудесном бегстве или спасении от преследователей. Наблюдается сходство в изображении зверей и птиц, вещного мира шаманов (бубен, орбы / колотушка, ритуальная одежда, звенящая гора, мать-зверь, птицы-помощники, священное дерево).

Интересны авторские стратегии изображения шаманов и их камланий. Наблюдаются вкрапления мифов и преданий в художественную канву произведения, выполняющие сюжетообразующую и характерологическую функцию и функцию индивидуализации героев и придающие достоверность этнографических реалий. Тексты благопожеланий и камланий шаманов в алтайской и якутской литературах используются в виде художественного приема, как оригинальный мир поэтики тюркских народов Сибири.

Гонения и истребление шаманов в период Джунгарского ханства, а также борьба с шаманизмом в период Советской власти находят художественное отражение в произведениях алтайских и якутских писателей, где раскрывается жизнь начала XX в., периода революции, гражданской войны и репрессии, описываются сложные судьбы шаманов. А в период эпохи перемен в 1985-90-х гг. писатели переносят в художественную литературу образы шаманов, сюжеты о шаманах XVI и начала XVII вв. из народных легенд и преданий (Дибаш Каинчин, Аржан Адаров, Борис Укачин, Василий Яковлев-Далан, Иван Гоголев). Так, образ шамана и сюжеты о шаманах в художественном произведении являются сквозными для всех периодов развития национальных литератур.

Л и т е р а т у р а

1. Адаров А. О. Өлүмнүн чанкыр кужу (Синяя птица смерти). Горно-Алтайск, 2002. – 752 с.
2. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев (Репринтное издание). Горно-Алтайск: Ак чечек, 1994. – С. 33.
3. Баршт К. А. Русское литературоведение XX в. Ч. 1. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. – 336 с.
4. Гоголев-Кындыл И. М. Черный стерх: Роман / Пер. с якут. Д. Чупрыня. М.: Советская Россия, 1984. – 270 с.
5. Гоголев Иван. Хара Кыталык: роман. – Дьокуускай, Бичик, 2008. – 912 с.
6. Далан-Яковлев В. С. Тыгын Дархан. Исторический роман. – Якутск: Бичик, 1993. – 512 с.

7. Жулева А. С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 328 с.
8. Каинчин Д. Б. Баш ла болзын, үй кижі... (Благодарю тебя, женщина...) // Ол јараттан. Горно-Алтайск, 1980. – 223 с.
9. Каинчин Д. Б. Ёстибисте Ёч-Сүмер (Над нами Белуха). Горно-Алтайск, 2003. – 491 с.
10. Ксенофонтов Г. В. Шаманизм. Научные труды. (Публикации 1928-1929). Якутск: Творческо-производственная фирма «Север-Юг», 1992. – 312 с.
11. Непомнящих Н. А. Литература и вопросы этнокультурной идентичности: тема шаманизма и сюжеты о шаманах в творчестве писателей Сибири // Сибирский филологический журнал. № 4, 2019. – С. 180-186.
12. Ноева С. Е. Поэтика геокультурного ландшафта в якутском романе второй половины XX века. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2017. – 125 с.
13. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1991. – 321 с.
14. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992. – 175 с.
15. Семенова В. Г., Андросова Н. В. (2020) Шаман как Пророк в лирике Алампы // Филология: научные исследования. № 12, 2020. – С. 168-177.
16. Сивцева-Максимова П. В. Поэтика классической якутской поэмы // Вестник Бурятского государственного университета. № 10, 2013. – С. 135-141.
17. Софронов А. И. Сочинения: в 4-х томах. Якутск: Бичик, 2005. Т. 1: Стихотворения, поэмы (1912-1927). – 544 с.
18. Тыгын Дархан: роман / Далан; авториз. пер. с якут. А. Е. Шапошниковой. Якутск: Бичик, 1994. – 432 с.
19. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга 2-я. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1976. – 379 с.
20. Укачин Б. У. Камнын тунҕури. Горно-Алтайск, 1993. – 174 с.
21. Федоров В. Н. «Служители трех миров»
<https://libking.ru/books/religion-/religion-esoterics/142629-vladimir-fedorov-sluzhiteli-treh-mirov.html>
22. Хазанкович Ю. Г. «Я – сын последнего юкагирского шамана» // Литературная Россия. 22.05.2022. № 2009 / 41. <https://litrossia.ru/item/3839-oldarchive/>
23. Алтай кеп куучындар. Ямаева Е. Е., Шинжин Т. Б. Горно-Алтайск. 1994. – С. 151-168.
24. Ямаева Е. Е. Духовная культура алтайцев (Эпос, миф, ритуал): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Горно-Алтайск, 2002. – 41 с.
25. Ямаева Е. Е. Устная повествовательная традиция алтайцев (Миф. Эпос. Ритуал). // История алтайской литературы, Книга 1. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 29-36.

References

1. Adarov A. O. Ölymnin chanqyr kuzhy (Sinyaya ptica smerti). Gorno-Altajsk, 2002. – 752 s.
2. Anohin A. V. Materialy po shamanstvu u altajcev (Reprintnoe izdanie). Gorno-Altajsk: Ak chechek, 1994. – S. 33.
3. Barsht K. A. Russkoe literaturovedenie XX v. Ch. 1. SPb.: RGPU im. A. I. Gercena, 1997. – 336 s.
4. Gogolev-Kyndyl I. M. Chernyj sterh: Roman / Per. s yakut. D. Chuprynya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1984. – 270 s.
5. Gogolev Ivan. Hara Kytalyk: roman. – D'okuuskaj, Bichik, 2008. – 912 s.
6. Dalan-Yakovlev V. S. Tygyn Darhan. Istoricheskij roman. – Yakutsk: Bichik, 1993. – 512 s.
7. Zhuleva A. S. Mifopoeticheskaya model' mira v neneckoj literature. M.: IMLI RAN, 2019. – 328 s.
8. Kainchin D. B. Bash la bolzyn, үй kizhi... (Blagodaryu tebya, zhenshchina...) // Ol jarattan. Gorno-Altajsk, 1980. – 223 s.
9. Kainchin D. B. Ёstibiste Ёch-Sümer (Nad nami Beluha). Gorno-Altajsk, 2003. – 491 s.
10. Ksenofontov G. V. Shamanizm. Nauchnye trudy. (Publikacii 1928-1929). Yakutsk: Tvorchesko-proizvodstvennaya firma «Sever-Yug», 1992. – 312 s.

11. Nepomnyashchih N. A. Literatura i voprosy etnokul'turnoj identichnosti: tema shamanizma i syuzhety o shamanah v tvorchestve pisatelej Sibiri // Sibirskij filologicheskij zhurnal. № 4, 2019. – S. 180-186.
12. Noeva S. E. Poetika geokul'turnogo landshafta v yakutskom romane vtoroi poloviny HH veka. – Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2017. – 125 s.
13. Potapov L. P. Altajskij shamanizm. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otделение, 1991. – 321 c.
14. Sagalaev A. M. Altaj v zerkale mifa. Novosibirsk: Nauka, 1992. – 175 s.
15. Semenova V. G., Androsova N. V. (2020) Shaman kak Prorok v lirike Alampy // Filologiya: nauchnye issledovaniya. № 12, 2020. – S. 168-177.
16. Sivceva-Maksimova P. V. Poetika klassicheskoy yakutskoj poemy // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. № 10, 2013. – S. 135-141.
17. Sofronov A. I. Sochineniya: v 4-h tomah. Yakutsk: Bichik, 2005. T. 1: Stihotvoreniya, poemy (1912-1927). – 544 s.
18. Tygyn Darhan: roman / Dalan; avtoriz. per. s yakut. A. E. Shaposhnikovoj. Yakutsk: Bichik, 1994. – 432 s.
19. Ubryatova E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. II. Slozhnoe predlozhenie. Kniga 2-ya. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd., 1976. – 379 s.
20. Ukachin B. U. Камныҥ тѳнѳгѳ. Gorno-Altajsk, 1993. – 174 s.
21. Fedorov V. N. «Sluzhiteli trekh mirov» <https://libking.ru/books/religion-/religion-esoterics/142629-vladimir-fedorov-sluzhiteli-treh-mirov.html>
22. Hazankovich Yu. G. «Ya – syn poslednego yukagirskogo shamana» // Literaturnaya Rossiya. 22.05.2022. № 2009 / 41. <https://litrossia.ru/item/3839-oldarchive/>
23. Altaj kep kuuchyndar. Yamaeva E. E., Shinzhin T. B. Gorno-Altajsk. 1994. – S. 151-168.
24. Yamaeva E. E. Duhovnaya kul'tura altajcev (Epos, mif, ritual): special'nost' 07.00.07 «Etnografiya, etnologiya i antropologiya»: avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. – Gorno-Altajsk, 2002. – 41 s.
25. Yamaeva E. E. Ustnaya povestvovatel'naya tradiciya altajcev (Mif. Epos. Ritual). // Istoriya altajskoj literatury, Kniga 1. – Gorno-Altajsk, 2004. – S. 29-36.

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 821.512.157-31Мординов.09

DOI 10.25587/litteraesvfu.2022.85.11.009

S. I. Egorova, V. V. Noeva

**The poetics of titles in Nikolay Mordinov's novel
"Springtime" in the comparative aspect of two editions**

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The novel "Spring Time" by the people's writer of Yakutia Nikolay Mordinov – Amma Achchygiya was created in a difficult time, still controversially evaluated; it deals with as complex, contradictory processes that took place in the history of Yakutia and the whole of Russia in the early 20th century. In this regard, the novel is an outstanding literary phenomenon of the era, largely reflecting its contradictions. The existence of two versions of the work, the degree and direction of the author's amendments and additions, the scope and nature of the amendments made in the second edition – all these are undoubtedly interesting and relevant issues for a scholarly research.

The article deals with a modern interesting theoretical issue based on the material of the classic novel of Yakut literature. The study uses methods of comparative analysis of the texts of two published editions of the novel. The novelty of the research for Yakut literary studies is to clarify the issues of composition of an epic work based on identifying elements of the paratext and analyzing the strong positions of the literary text as the title of chapters and parts (subheadings). In this regard, a comparative comparison of the texts of two editions of the novel "Spring Time" is of particular interest.

Keywords: Yakut literature, novel, first edition, second edition, plot, composition, image, problematics, chronotope of the house, chronotope of the road.

ЕГОРОВА Саргылана Ивановна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы Института языков и культур народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: sargi@mail.ru

EGOROVA Sargylana Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

НОЕВА Валерия Валерьевна – студентка 2 курса Института языков и культур народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: leranoeva13@gmail.ru

NOEVA Valeria Valeryevna – student of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

С. И. Егорова, В. В. Ноева

Поэтика заглавий в романе Н. Е. Мординова «Весенняя пора» в сравнительном аспекте двух редакций

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Роман народного писателя Якутии Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа «Весенняя пора» создавался в сложное, до сих пор неоднозначно оцениваемое время, речь в нем идет о столь же сложных, противоречивых процессах, происходивших в истории Якутии и всей России в начале XX в. В этом плане спорной выступает и судьба романа, который явился не только выдающимся литературным событием эпохи, но и в значительной степени отражением ее противоречий. Существование двух редакций произведения, степень и направление авторских исправлений и доработок, объем и характер изменений, внесенных во вторую редакцию - все это, несомненно, интересные и актуальные проблемы для научного исследования.

В статье рассматривается современная интересная проблема теоретического плана на материале классического романа якутской литературы. В исследовании выбраны методы сопоставительного анализа текстов двух опубликованных вариантов романа. Новизна исследования для якутского литературоведения заключается в уточнении вопросов композиции эпического произведения на основе выявления элементов паратекста и анализа сильных позиций художественного текста как заглавия глав и частей (подглав). В этом плане особый интерес привлекает сравнительное сопоставление текстов двух редакций романа «Весенняя пора».

Ключевые слова: якутская литература, роман, первая редакция, вторая редакция, сюжет, композиция, образ, проблематика, хронотоп дома, хронотоп дороги.

Introduction

The first edition of the novel, published in 1944 [8], caused a lot of controversy on the part of critics. But the novel was then analyzed only from an ideological point of view [3]. After serious corrections made on the basis of comments noted in reviews and articles, in 1952 the main work of N. E. Mordinov was published-the second edition of the novel "Spring Time" (Reprints: 1963; 1970; 1982). The volume of the first edition of the novel was 19,5 printed pages, the circulation of the publication was 4 thousand copies. The second edition, which also consists of five chapters, has doubled in volume due to a significant increase in the number of participants content extensions. New storylines are being added. As a result, previously existing images are developed, and more than 60 new characters are introduced. The theme is significantly expanded: it depicts the pre-revolutionary life of the Yakuts, the events of the October Revolution and the Civil War, and emphasizes the role of the Russian people in the formation of Soviet power in Yakutia. Both versions of the novel are available to a wide range of readers. But in the history of Yakut literary studies, the interpretation of N. E. Mordinov's novel sounds different in different years. The study of critical works of literary critics shows, that the early theoretical understanding of the novel in most cases was based on the principles of socialist realism. A special place among them is given to I. Zhiga's article "Conversation on a serious topic", where the "main mistake" was indicated, called "the most unsightly national limitation of the author" [3, p. 329]. The book of the literary critic G. Syromyatnikov "Literary and artistic criticism in Yakutia (1939-1975)" reflects the speeches of a number of Yakut critics (N. Kanaev, N. Zabolotsky, I. Pukhov) who took part in the discussion of the first edition of the novel [19, pp. 54; 56; 74].

At the same time, it cannot be said that the novel was not appreciated. As we have seen, there are many significant studies of the 1940 s and 50 s devoted to the ideological and content side and issues of plot and compositional features of the novel. Of particular importance is the fact that literary critics drew attention to this work immediately after the publication of its first edition, launching lively discussions on the pages of newspapers and magazines, which do not lose their relevance even today. In the discussion of the novel in the Union of Writers of the USSR (1949, February 7), the main goal and task was that the author must "finalize" the novel [11].

Thus, since the beginning of the 50 s, the first edition of the novel has become a historical fact of Yakut literature as the author's version of the epic novel "Spring Time", which readers "do not forget". Literary criticism, although cursory, always recalls it on the question of the history of the creation of the novel, officially recognized as "a significant work of prose of the post-war period" [13, p. 112].

Critics of 1960-70 (G. Boeskorov, N. Kanaev) emphasized that the novel completed the period of prose formation in Yakut literature, that it was after the publication of its second edition that a new historical time was marked in the history of Yakut literature – its novel period [5].

Thus, the novel "Spring Time" by N. E. Mordinov in the history of Yakut literature is a classic monument of artistic literature, which laid the foundation for historical, revolutionary and social psychological themes in the novel form.

Main part of the study

As you know, the artistic primary element of a work is the title. According to the modern theory of the artistic text, the title of a work performs mainly two functions: it acts as an intertextual basis for a large text and provides a lively intertextual connection of parts and blocks of the work as an artistic integrity [6, p. 93]. As for N. E. Mordinov's novel "Spring Time" [8], in particular, its title, it is still of great interest today. The intertextual function of "Spring Time" together with the name of the author Amma Achchygya in the history of Yakut literature is carried out in the process of studying classical monuments of literature of the entire twentieth century.

Being an index sign, this name indicates a specific reference text, from which almost all subsequent works take their creative origin, and thus equate the title "Spring Time" to a cultural symbol that defines the genetic origins of epic prose in Yakut literature. The intra-text function is to metaphorically define the author's idea, the author's idea, concentrated in the form of a code information about the content of a literary text. Of course, the titles contain a code for understanding the interpretation of the novel. In this regard, it is necessary to emphasize the importance of this question for understanding the general idea of the work and the concept of the author's personality. Practical arguments for the meaning of the classic novel of Yakut literature in this perspective are the epic poems of A. E. Kulakovsky "Gifts of the River" (1909) and "Shaman's Dream" (1910), the volumes of which are 588 and 1387 lines, respectively. The history of these texts and the main artistic parameters are presented in the Databases of P. V. Sivtseva-Maksimova. [17; 18].

In this appeal to the theory of "auctorial paratext", our local task is to outline those text categories that are updated by the title of the novel "Spring Time". In this regard, the question of several important intertextual artistic functions performed by the title, which, in turn, "work" to strengthen its intertextual meaning, is one of the interesting aspects of studying the heritage of N. E. Mordinov.

Of course, as Z. D. Bliskovsky writes, "The title is the first word of the author to his correspondence conversation with readers. The title begins the book's journey to the human mind and heart" [1, p. 10]. So here, too, the title "Springtime" is quite capable of providing information about the content of the novel. At the same time, the title of the novel actualizes the categories of connectedness and retrospection. This is explained by the fact that this title, with which the reading begins, really turns out to be a "frame sign" that requires a return to

itself, thus logically connecting the end and beginning of the work. We are talking about the peculiarities of artistic thinking, the aesthetics of the writer and the role of associativity.

In N. E. Mordinov's two editions of the book, when choosing the title of a novel, the emphasis is placed on the reference points of the composition. In this regard, the primary importance of the title "Spring Time" is that it is already able to "guide" the reader who first picked up this book through the pages of the novel, giving him the opportunity to create a certain model of the decoding program for himself. This theory of focalization about the title of the novel is primarily closely related to the individual style of N. E. Mordinov, who is able to answer the logical question that has arisen: what is the compositional connection between the title and the problems, the ideological world of the work?

The reader who pays attention to the title of the book "Spring Time" already in the first pages of the novel instinctively looks for a key to understanding the content. But in this case, contrary to his expectations, two global events of the novel (the birth of Nikitka's brother Alexey and the calving of the cow Chernushka), which the reader finds at the very beginning of the work, occur in winter, as evidenced by the language design of the text, enriched with artistic means of composition. For example, in two fragments of the content of the work, where we are talking about the above-mentioned events and the inexplicable act of an old man Moloch-Leglyar, who despaired of hearing the sad news of Yegordan's death, hesitates the reader about the time of year in which these actions take place, based on the specific details extracted from the text. For example, the meat chopped by grandfather Moloch-Leglyar turned out to be the entire winter supply of Leglyarins. And the events with which the comprehension of the text begins, in the reader's understanding, occur shortly before the above incident, which means that it is also winter. The central idea of the novel – the springtime of the Yakut people – is first revealed in the reader's mind in the episode of Yegordan's return. And this happens in the spring:

(But it was not Yegordan who froze, but another poor man from the wagon train. However, this became clear only in early spring) [10, p. 7].

The logic of the above excerpt from the text is that the title "Springtime" is the time of year in which the main initial events of the novel take place. In general, the reader discovers a concrete embodiment of the real name of the "Spring Time" at the end of the process of deciphering the entire text of the work – Nikita Leglyarin goes to study in Moscow, and in his person the spring of the Yakut people begins. Therefore, we can assume that the above-mentioned Mordinov's individual style and the dominant system of this style when choosing a name prove their functional necessity. And in this context, the title of a novel is, of course, an element of the artistic idea of the work, reflecting the aesthetic subtext laid down in the author's interpretation.

This problem is considered by V. B. Okorokova, who, referring to the work of Z. D. Bliskovsky, raises the problem of the need to study the names of literary works of Yakut writers [12, p. 8]. As is known, there are no specially developed studies of the meaning of the title in Yakut literary studies, except for the article by E. V. Fedorov [20, p. 73]. Pointing out certain difficulties associated with the selection of a title for a work, these authors write that N. E. Mordinov-Amma Achchygyya "admitted that the hardest work is to find a title for a work. The well-chosen title of the work remains in the literary history as a moment that speaks volumes. "Springtime" Amma Achchygiya showed the transformation of human life. Further, V. B. Okorokova emphasizes that Amma Achchygiya's novel "Spring Time" is a work that is close to the heart of every Yakut, it is our pride, our only epic, encyclopedia. And its name is very symbolic. After all, the spring of Yakutia is beautiful. After nine long months of winter, when even the branches are broken by a severe frost, everything around us is blooming, moving. Everything changes. Mother earth, which was under the cover of dense snow, is gradually coming to life. A change is also taking place in human life – a new joy, a new happiness is coming [12, p. 4].

Thus, in the novel "Spring Time", spring really acts as the main fragment of the metatext and is one of the important connecting elements in the compositional structure of the novel.

Metatext, as defined by N. Ryabtseva, is a kind of communicative "deixis" indicating the topic of the message, the organization of the text, its structure and coherence" [16, p. 90]. From this point of view, in the novel "Spring Time", spring as a time of year defines special moments in the life of the main character, thereby emphasizing the stages of his spiritual growth. For example, the following pictures of the plot are indicative: it is in spring while plowing, when he works as an ox driver for Luka Gubastyi, Nikita makes his first serious open confrontation. Having grown up in an environment where self-esteem and freedom are valued, Nikita does not tolerate harassment and bullying. Therefore, he runs away from the Bayan cabal of the Veselovs, which confirms his growing internal independence. In the first edition of the novel, it is in the spring that the young teacher Leglyarin shows a craving for writing poetry. In both editions of the novel, the happy, full-fledged life of Nikita Leglyarin, a student of the pedagogical technical school, is reflected in the same content. descriptions of spring subbotniks for dam construction. "Aesthetics of N. E. Mordinov—Amma Achchygyya narodocentric" [14]. It is this perspective of reflection of reality, based on the "principles of generic consciousness", that contributes to the chronological ordering of the parts of the novel that generally represent the author's picture of the world, reflecting the laws of objective life. V. M. Pereverzin, a researcher of the writer's creative work, makes a convincing conclusion about the "polyvalence of N. E. Mordinov's aesthetic system". He emphasizes that the novel "Spring Time" is imbued with "a special understanding of life, which the artist sees as the indecomposability of the original principles – the sanctity of being itself, respect for universal values, freedom, the closeness of man and nature, awareness of all social phenomena through the historical actions of the people" [15, p. 87].

The originality of the composition of N. E. Mordinov's novel within the framework of this theme can be presented in the form of an analysis of the degree of mutual correlation of chapters and parts of the work as active components of the artistic whole. At the same time, we refer to both editions of the classic novel of Yakut literature.

The second edition of the novel "Spring Time", like the first, consists of five chapters, including from six to nine sub-chapters. But the subsections of the chapter are significantly enlarged due to the significant expansion of the content in the second edition in three chapters. For example, there are five sub-chapters added to the first chapter (total: 9), in the second – one sub-chapter (total: 8), in the fourth – three (total: 8). The third chapter of both editions consists of seven sub-chapters. Three subsections are added to the fourth chapter. The difference is also observed in the final fifth chapter of both editions. In the interest of the integrity of the novel's content, the sub-chapter "Tobohtor" ("Oblostye") of this chapter of the first edition in the second edition, the author moves to the fourth chapter. Thus, the composition of the novel in the second edition is undergoing correction. Here we can cite the opinion of G. K. Boeskorov, that the special difficulty, N. E. Mordinov experienced the compositional design of the structure of his novel: "The difficulty of this task is due to the special breadth of the thematic range of the work, covering a significant historical period of time, the exceptional abundance of facts and events described in folk life, the huge number of characters drawn and the extreme complexity of their relationships. Skilful dissection of a work of large genre form into chapters and sub-chapters (parts) is one of the main criteria for the consistency of its composition" [2, p. 172].

In the second edition, N. E. Mordinov adds 9 new sub-chapters (parts), combines four parts of the third chapter in the second edition into one sub-chapter, and rearranges the sequence of parts in nine cases. As a result, all 30 sub-chapters of the first edition are fully preserved and naturally expanded in 38 sub-chapters of the second edition. Thus, the dynamics of changes in the number of parts of the novel in the second edition, while maintaining the number of chapters of the first edition, shows that in the process of creating the second edition of the work, this layer of work was worth a lot of effort for the writer. First of all, this is indicated by the nature and system of changes in the names of chapters and sub-chapters.

"Warehouse of events", "arrangement", "plexus" – these key positions from Aristotle's terminology are equated by the modern researcher L. G. Kaida to the first pages of the theory

of composition. She emphasizes that "means of creating an expressive composition" are determined by the specifics of specific genres [4, p. 7].

For example, regarding the artistic originality of the composition of epic genres, O. A. Melnichuk concludes the following: "Recently, composition is increasingly understood as the entire construction of a work of art, a certain system of means of disclosure, the organization of images, their connections and relationships that characterize the life process shown in the work. The composition obeys the elements of the content plan..." [7, p. 89]. She pays special attention to the artistic functions of the title, which, as a strong position of the text, establishes contact with the reader.

In our opinion, all the titles of chapters are easy for the reader to understand: "In a small yurt", "The Path of Trials", "Big Changes", "Struggle", "At the crossroads of roads". Literally translated: "At the beginning of the road"). The first chapter depicts the initial layer of the main character's life in the circle of his relatives-the inhabitants of the "little yurt" of the Leglyarins. The reader pays special attention to the last two sub-chapters: "Fate", "Light of a splinter". At first glance, the name "Fate" is an abstract concept. However, if the inhabitants of a small yurt are relatives and friends of the main character Nikita, then we must certainly talk about the fate of these people, about their life fate. And the final sub-chapter "Light of a splinter" is a story about the tragic fate of a young Yakut woman. Now, returning to the title of the chapter itself, its semantic aspect, we should pay attention to this fact: from the decoding of the entire text of the work, it is clear that in the two initial chapters of the novel, the author reproduces the picture of a difficult life in an accessible, accurate way, using all linguistic and compositional means: difficult everyday life and the suffering of a poor family.

The second chapter of "The Path of Trials" is really the most exciting, sometimes even bitter page in the life of the main character and his relatives. In this chapter, the reader observes how the poor Leglyarin family barely endures blow after blow. The reader admires their natural ability to withstand all unthinkable vicissitudes, with honor and dignity, getting out of difficult situations. The final part of this chapter is "Anxiety" leads the reader to the third chapter of "Big Changes", where the situation in the inner world, the breath of the novel changes in a more positive direction. The hero of the novel, rotating among a different contingent of people, gradually grows, morally and physically stronger. The names of the sub-regions "Happy City of Yakutsk" and "Sana do" indicate an optimistic forecast of the expectation of good "New friends". In this cycle, the sub-chapter "Sweet Anchik" is imbued with the motif of sad comedy, which the author used to reveal the seriousness of the meaning of the story, starting from the opposite. This is revealed at the end of the decoding of this chapter, acts as a link between the third and fourth chapters, which are the "carriers" of the epic beginning of the novel "Spring Time".

In the first edition of the novel, the fourth chapter has a neutral title "Earth". In the second edition, this chapter is called "Struggle" in the semantic concept is concretized and further expanded. The title gives a forecast of the rapid dynamics of events, clarifying the ideological logic of the author's idea. Paying attention to the title of the chapter, the reader "expects" that all the actions outlined in the first chapters of the novel should merge, grow into a real struggle here. N. E. Mordinov, when choosing the title of this chapter, was able to give the reader an in-depth idea of the philosophical concept of the word "struggle". In all eight sub-chapters of this chapter, different characters interact with a particular category in different ways people, enter into disputes, competitions with them, suffer defeats, win. For example, it is in this chapter that Yegordan gets an epiphany (the first sub-chapter), and in the second sub-chapter there will be a verbal altercation between Erdalir and the rich Mavra. In the third – seemingly forever "man off the list". Tuu's son old Nikolai finally acquires land, in the fourth – "Boarding school" – the main character of the novel Nikita Leglyarin for the first time truly recognizes the feeling of victory, and then defeat, then defeat and victory. The remaining four parts of this chapter are devoted entirely to the description of the civil war in Yakutia.

The last fifth chapter of the novel, called "On the wide road", represents the semantic contrast of the beginning and ending of the work. Compare: "In a small yurt" and "At the crossroads of roads". The meaning of the title of the fifth chapter "On the wide road", translated by A. N. Dmitrieva and L. F. Kornilova as "On a wide road" means space, future, great opportunities. Thus, following the logic of N. E. Mordinov's choice, we can assume that the initial and final chapters together create a general picture, a complex process of becoming the main character of Nikita Leglyarin's novel, depicted incrementally. Therefore, the system of titles of chapters of the novel of the second edition fully actualizes its meaning, its functioning.

Conclusion

Thus, all the differences in the names and numbers of parts between the first and second editions are explained by only one possible reason: here changes are introduced not only in the purely ideological and thematic content, the problems of the novel. First of all, these differences express the personal concept of the author, who presented in the history of Yakut literature an artistic example of genre subjectivation in the classical form of the novel. In our opinion, thanks to the changes made in the titles of chapters, in the numbers and titles of parts, the author's strategic intention has been clarified, which contributes to maximum cooperation with the reader. In the second edition, a similar scheme of dividing the novel into chapters and parts of such a plan allows the reader to get complete information about the content of the work of fiction.

References

1. Bliskovskij Z. D. Muki zagolovka. – M.: Izd-vo: Kniga. 1972.
2. Boeskorov G. K. Masterstvo N. E. Mordinova. – Yakutsk: kn. izd-vo. 1973. – 237 s.
3. Zhiga I. Razgovor na ser'eznuyu temu // Druzhba narodov. – 1948. – № 18. – S. 328-333.
4. Kajda L. G. Kompozicionnyj analiz hudozhestvennogo teksta. – M.: Flinta, 2000. – 152 s.
5. Kanaev N. P. Tvorchestvo N. E. Mordinova. – Yakutsk: Yakutskoe kn. izd-vo, 1964. – 175 s.; Boeskorov G. K. Razvitie zhanrov prozy v yakutskoj Sovetskoj literature. – Yakutsk, 1961. – 236 s.; Voprosy syuzheta i kompozicii v yakutskoj proze. – Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo, 1965. – 240 s.
6. Lukin V. A. Hudozhestvennyj tekst. Osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskij minimum. – M.: Os', 1989. – 559 s.
7. Mel'nichuk O. A. Povestvovanie ot pervogo lica. Interpretaciya teksta. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002. – 208 s.
8. Mordinov N. E.-Amma Achchygyja. Saasky kem: Roman. – Yakutsk: Bichik, 1994. – 360 s.
9. Mordinov N. E.-Amma Achchygyja. Saasky kem. Roman. – Yakutsk: Knizh. izd-vo, 1982. – 752 s.
10. Mordinov N. E. Vesennaya pora. Roman. Avtoriz. perev. s yakut. A. N. Dmitrievoy i L. F. Kornilovoy. – M.: Sov. Rossiya, 1978. – 544 s.
11. Obsuzhdenie romana tov. Mordinova-Amma Achchygyja «Vesennaya pora» v soyuze pisatelej SSSR // Kyym. – 1949. 13 iyulya; Chitateli o romane «Vesennaya pora» // Socialisticheskaya Yakutiya. – 1952. – 30 aprelya; Grigor'ev A. Vstretimsya li eshche s «Vesennej poroj?» (Interv'yu s Kapustinyim V.) (na yakut. yaz.) // Sahaada. – 1992. – 1 iyulya.
12. Okorokova V. B., Vasil'eva N. E. Rol' znacheniya zaglaviya na vybor pisatelya. – Yakutsk: izd-vo: Oktaedr, 2005. – 88 s.
13. Ocherk istorii yakutskoj sovetsoj literatury. Pod redakciej K. L. Zelinskogo. – M.: izd. AN SSSR, 1970. – 391 s.
14. Pereverzin V. M. Zhivaya pamyat' Nikolaya Mordinova // Respublika Saha. – 1996, 2 marta.
15. Pereverzin V. M. Grani hudozhestvennoj pravdy. – Yakutsk. 1997. – 104 s.
16. Ryabceva N. Kommunikativnyj modus i metarech' // Logicheskij analiz yazyka. – Vyp. 7. – Yazyk rechevyh dejstvij. – M.: Nauka, 1994. – S. 82-92.
17. Sivceva-Maksimova P. V., Kulakovskaya L. R. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh № 2019622380 Rossijskaya Federaciya. Istoriya tekstov A. E. Kulakovskogo: № 2019622357: zayavl. 07.12.2019: opubl. 17.12.2019 / P. V. Sivceva-Maksimova, L. R. Kulakovskaya; zayavitel' FGAOU VO

«Severo-Vostochnyj federal'nyj universitet imeni M. K. Ammosova». – EDN HCPTSJ. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41531732>

18. Sivceva-Maksimova P. V. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh № 2020622741 Rossijskaya Federaciya. Yakutskaya poema XX veka (1900-1940-ye gody): № 2020622646: zayavl. 12.12.2020: opubl. 21.12.2020 / P. V. Sivceva-Maksimova; zayavitel' FGAOU VO «Severo-Vostochnyj federal'nyj universitet imeni M. K. Ammosova». –EDN UGDDDO. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758183>

19. Syromyatnikov G. S. Literaturno-hudozhestvennaya kritika v Yakutii (1939 – 1975). – Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo, 1990. – 360 s.

20. Fedorov E. V. Ne prenebreгая melochami. – Yakutsk: Knizh. izd-vo. 1984. – 114 s.

Л и т е р а т у р а

1. Блисковский З. Д. Муки заголовка. – М.: Изд-во: Книга. 1972.

2. Боесоров Г. К. Мастерство Н. Е. Мординова. – Якутск: кн. изд-во. 1973. – 237 с.

3. Жига И. Разговор на серьезную тему // Дружба народов. – 1948. – № 18. – С. 328-333.

4. Кайда Л. Г. Композиционный анализ художественного текста. – М.: Флинта, 2000. – 152 с.

5. Канаев Н. П. Творчество Н. Е. Мординова. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1964. – 175 с.; Боесоров Г.К. Развитие жанров прозы в якутской Советской литературе. – Якутск, 1961. – 236 с.; Вопросы сюжета и композиции в якутской прозе. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. – 240 с.

6. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось, 1989. – 559 с.

7. Мельничук О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 208 с.

8. Мординов Н. Е.-Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм: Роман. – Якутск: Бичик, 1994. – 360 с.

9. Мординов Н. Е.-Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. Роман. – Якутск: Книж. изд-во, 1982. – 752 с.

10. Мординов Н. Е. Весенняя пора. Роман. Авториз. перев. с якут. А. Н. Дмитриевой и Л. Ф. Корниловой. – М.: Сов. Россия, 1978. – 544 с.

11. Обсуждение романа тов. Мординова-Амма Аччыгыйа «Весенняя пора» в союзе писателей СССР // Кыым. – 1949. 13 июля; Читатели о романе «Весенняя пора» // Социалистическая Якутия. – 1952. – 30 апреля; Григорьев А. Встретимся ли еще с «Весенней порой?» (Интервью с Капустиным В.) (на якут. яз.) // Сахаада. – 1992. – 1 июля.

12. Огорокова В. Б., Васильева Н. Е. Роль значения заглавия на выбор писателя. – Якутск: изд-во: Октаэдр, 2005. – 88 с.

13. Очерк истории якутской советской литературы. Под редакцией К. Л. Зелинского. – М.: изд. АН СССР, 1970. – 391 с.

14. Переверзин В. М. Живая память Николая Мординова // Республика Саха. – 1996, 2 марта.

15. Переверзин В. М. Грани художественной правды. – Якутск. 1997. – 104 с.

16. Рябцева Н. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. – Вып. 7. – Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82-92.

17. Сивцева-Максимова П. В., Кулаковская Л. Р. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2019622380 Российская Федерация. История текстов А. Е. Кулаковского: № 2019622357: заявл. 07.12.2019: опубл. 17.12.2019 / П. В. Сивцева-Максимова, Л. Р. Кулаковская; заявитель ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова». – EDN HCPTSJ. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41531732>

18. Сивцева-Максимова П. В. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020622741 Российская Федерация. Якутская поэма XX века (1900-1940-ые годы): № 2020622646: заявл. 12.12.2020: опубл. 21.12.2020 / П. В. Сивцева-Максимова; заявитель ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова». –EDN UGDDDO. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758183>

19. Сыромятников Г. С. Литературно-художественная критика в Якутии (1939 – 1975). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1990. – 360 с.

20. Федоров Е. В. Не пренебрегая мелочами. – Якутск: Книж. изд-во. 1984. – 114 с.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова

Новая форма популяризации якутского эпоса среди молодежи

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Из всех жанров якутского фольклора олонхо является самым крупным, он выделяется богатой фантазией содержания, большим разнообразием сюжетов, красотой художественных описаний и особенностями исполнения. В олонхо поэтически описывается героическая борьба богатыря *айыы* с богатырем *абаасы*, которая аллегорически воспеваает стремление народа к победе добра над злом, торжеству справедливости. Бесценное духовное богатство нашего народа сегодня живо благодаря многим поколениям олонхосутов, бережно сохранивших искусство предков и передавших из уст в уста следующему поколению.

25 ноября 2005 г. в Штаб-квартире ЮНЕСКО было объявлено, что якутский эпос олонхо является шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества. Была принята Государственная целевая программа по сохранению, изучению и распространению якутского героического эпоса олонхо. В рамках ее реализации стали проводиться различные мероприятия, в том числе – ежегодные конкурсы сказителей эпоса – «Я – дитя Страны Олонхо» для школьников, «Олонхо во время зимней рыбалки мунха» для молодежи, «Славься, великое олонхо» для опытных исполнителей. На этих конкурсах, популяризирующих исполнение олонхо и развивающих таланты сказителей, основным требованием является традиционность исполнения олонхо, как для одиночных сказителей, так и для группового исполнения эпоса. В результате организации и проведения таких конкурсов значительно выросло число олонхосутов, причем именно тех, кто в своем исполнении сохраняет вековые традиции сказывания олонхо. Однако подавляющее большинство конкурсантов исполняют олонхо, заученные из книг – изданий олонхо. Конечно же, такое заучивание не является возрождением исконных традиций олонхо как искусства импровизаторов.

В этом году генеральный директор НВК «Саха» О. О. Марков и его коллектив начали новый телевизионный конкурс «Олонхо-баттл», который транслируется в прямом эфире. Идею поддержал заместитель председателя Правительства РС(Я) С. В. Местников, и конкурс состоялся в рамках реализации Государственной программы Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020-2024 годы», утвержденной постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 сентября 2021 г. № 355. Этот интересный молодежный проект поддержали Министерство по внешним связям и делам народов РС(Я) и Дом дружбы народов имени А. Е. Кулаковского. В реализации проекта принимали участие Театр Олонхо (М. В. Турантаева), Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Р. Н. Анисимов), республиканская «Ассоциация Олонхо» (Ф. В. Шишигина), которые консультировали организаторов и членов жюри.

Основной целью этого конкурса является сохранение и популяризация шедевра культурного наследия человечества – якутского олонхо, привлечение молодежи к исполнению традиционного фольклора, воспитание уважения и любви к красоте родной речи. Раньше победители и призеры детских и юношеских конкурсов по исполнению олонхо «Я – дитя Страны Олонхо», «Олонхо во время зимней рыбалки мунха», а также конкурсов сказителей на Ысыахах Олонхо награждались ценными призами, в одно

время по инициативе Е. И. Михайловой дети-победители награждались правом на поездку в Париж, в штаб-квартиру ЮНЕСКО во время зимних каникул. А новый конкурс исполнителей олонхо присуждает победителю денежный приз в размере 500 тысяч рублей – неплохой стимул для талантливой молодежи, которая увлечена исполнением нашего древнего эпоса олонхо, благодаря чему овладевает богатством родного языка, и тем самым вносит свой посильный вклад в дело сохранения и развития родного языка и культуры.

В телевизионном конкурсе приняли участие 10 молодых исполнителей из г. Якутска, Намского, Мегино-Кангаласского, Таттинского улусов. В отличие от других конкурсов исполнителей олонхо на этом конкурсе особое внимание было уделено тому, насколько правильно конкурсант использует эпические формулы, традиционные сравнения, эпитеты и описания олонхо в своей импровизации, а также тому, насколько точно он воспроизводит традиционные песенные мотивы персонажей олонхо. Жюри также отметило, что в дальнейшем необходимо популяризировать локальные традиции олонхо для их сохранения, а также использовать в конкурсах репертуар известных олонхосутов для увековечивания их светлой памяти. В работе жюри следует отметить, что их обширные комментарии после каждого конкурсного исполнения стали большим подспорьем для дальнейшего развития исполнительского мастерства молодых олонхосутов.

Конкурс состоял из пяти этапов, которые проводились с 24 сентября по 22 октября 2022 г. В результате напряженной борьбы на каждом этапе из числа соревнующихся выбывали исполнители, набравшие наименьшее количество баллов. В финале встретились Стас Иванов (Мегино-Кангаласский улус), Анастасия Алексеева (г. Якутск) и Альберт Шестаков (Таттинский улус). По решению жюри победителем конкурса стала артистка Театра Олонхо Анастасия Алексеева. Сертификат на 500 000 рублей вручил ей заместитель Председателя Правительства РС(Я) С. В. Местников. А победителю смс-голосования С. Иванову приз – сертификат на 100 000 рублей – вручил генеральный директор НВК «Саха» О. О. Марков. С. В. Местников заверил, что олонхо-баттл будет проводиться ежегодно. Таким образом, первый конкурс в форме баттла показал нам, что для популяризации традиций исполнения олонхо, воспитания любви и уважения к родному языку и культуре нам необходимо облекать их подачу в новые формы, которые интересны подрастающему поколению.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
Электронное научное периодическое издание
4 (08) 2022

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.12.2022
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 29.12.2022